

Я (НЕ) ЕГО СОБСТВЕННОСТЬ!

СОФИ ВАРИЕТ

Моя жизнь покатила под откос! А всё почему? А всё из-за того, что я просто оказалась не в том месте не в то время. Я жила, как в сказке! У меня была прекрасная жизнь, но всё, как говорится, всегда заканчивается, даже сказка. И не всегда перемены могут быть в лучшую сторону. Так к чему это я веду? Ах, да! Бойтесь своих желаний, ведь они, как правило, имеют свойство сбываться! «Захотела разнообразить свою жизнь? Хотела риска и экстрима? Вот держи», — сказала мне судьба, гаденько ухмыляясь и подсовывая в руки конверт с пригласительным на вечеринку! Кто же знал, что закончится этот неожиданный поход, самым неожиданным знакомством и самым невероятным переворотом?!

---

1 глава.

Моя жизнь покатила под откос! А всё почему? А всё из-за того, что я просто оказалась не в том месте не в то время.

Моя жизнь всегда была скучной и однообразной. Мне двадцать лет я примерная дочь отличный работник. Недавно закончила обучение на юрфаке на два года раньше благодаря связям отца-бизнесмена со скрытым от других нелегальным бизнесом. Да-да нелегальным и не совсем законным! Сначала я, конечно, не могла смириться с тем, что мой любимый папочка связан с криминалом, но ничего изменить уже нельзя.

Теперь я официально числюсь в компании отца, как юрист-стажёр и нахожусь на хорошем счету у руководства моего отдела (кто бы в принципе сомневался!). В тёмные дела отца меня естественно никто не посвящает, хотя мне и так вполне хорошо живется. Отличная работа, любимые и любящие родители, особенно мама. Она очень гиперопекающая, пытается спрятать меня от папиного мира денег, преступлений и всего-всего, что мне примерной девочке, знать не стоит.

Мама и делает мой мир скучным и не интересным, а мне всегда хотелось экстрима, риска, того что происходит в папиной жизни, хотелось почувствовать азарт, напряжение, ощутить как адреналин завладевает телом, но моего мнения естественно никто не спрашивал. Правда была у меня небольшая свобода в действиях, я могла заниматься, чем хотела помимо учёбы. И я со школы занималась стрельбой — это расслабляет, помогает успокоиться, потом я записалась на курсы самообороны. Конечно, в этом не было никакой необходимости, ведь на мою жизнь и тем более честь никто не покушался, боясь гнева отца. В определённых кругах его боялись и очень уважали и меня, разумеется, знали и знали, к чему может привести то или иное необдуманное действие. А ещё я занималась пением — это уже по настоянию мамы. Не любила она, когда я хожу на занятия с тренером, она считает что девушка, должна быть всегда нежной, ласковой, женственной. Её жутко бесит, когда я занимаюсь тем, чем занимаются мужчины, но больше всего её бесило то, что мне это действительно нравится.

Вот так я и жила, папа мной гордился, мама тоже, но лишь в определённых ситуациях. Меня очень любили и я никогда ни в чём не нуждалась. Я жила, как в сказке у меня была прекрасная жизнь, но всё как говорится, всегда заканчивается, даже сказка. И не всегда перемены могут быть в лучшую сторону.

Так к чему это я веду? Ах, да! Бойтесь своих желаний, ведь они, как правило, имеют свойства сбываться!

«Захотела разнообразить свою жизнь? Хотела риска и экстрима? Вот держи», —

сказала мне судьба, гаденько ухмыляясь и подсовывая в руки конверт с приглашением на вечеринку!

Да на самую настоящую вечеринку в самый настоящий клуб! Кто же знал, что именно эта вечеринка закончится для меня плачевно и что именно после неё моя жизнь, мой привычный мир рухнет, разрушится, совершит переворот, сгорит, чтобы потом восстать из пепла и стать непривычным для меня, но счастливым.

Но я, пожалуй, начну с самого начала.

А началось всё прекрасным, тёплым, летним днём. Я со своей лучшей подругой отдыхала после тяжелого трудового утра. Вообще-то у меня отпуск, но что-то там напутали с одним важным договором и срочно, прямо кровь из носу, нужен был юрист. И естественно этим юристом стала я. Вот вся эта небольшая вылазка в офис затянулась на полдня. А моя подружка Иришка заскучала и потащила меня в кафешку, попить расслабляющего зелёного чая и, несмотря на диету, съест пару пирожных.

И я, правда, была ей за это очень благодарна. В кафе работал кондиционер, даря долгожданную прохладу, а пирожные были очень вкусными, да и в кафе приятно пахло свежесваренным кофе. Мы с Ирой дружим с детства, ведь и наши семьи дружат. У наших отцов общий бизнес, да и не только бизнес. Всеми делами они занимаются вместе. Вот мы с Ирой и подружились, сначала она меня дико бесила и теперь я сама в шоке, как я могла так её ненавидеть.

Ирка роковая красавица! Шикарная блондинка с очень внушительными формами, элегантная, прекрасная, грациозная, девушка, которая знает свою цену и может вертеть всеми как пожелает. Вот, что мне в ней нравится, так это её острый ум, смекалка и умение находить выход даже из самой дикой ситуации. Она не похожа на всех этих глупых крашенных блондинок (не в обиду им будет сказано), она всегда настоящая и стоящая. У неё натуральный цвет волос (что редкость), пронзительно зелёные глаза, как у ведьмочки, а на фоне белых волос, они прямо мерцают. Множество мужчин она покорила только этими глазами. Ирка всегда одевается эффектно и вызывающе, но она это делает не намерено, просто это её стиль, её проявление вкуса. Да на неё даже если мешок картошки надеть, она всё равно останется красавицей. Многие считают её тупой, и она часто этим пользуется, чтобы досадить противоположному полу. Короче, роковая женщина, умеющая использовать мужчин, и при этом быть милым и невинным ангелочком. Ира вообще ненавидит косметику и никогда ей не пользуется, да ей это и не нужно у неё и так прекрасное личико, на которое западают все и сразу.

Я на её фоне не выделяюсь, но и серой мышкой тоже не являюсь. Просто мы с ней очень разные и это дополняет нас. Мы дополняем друг друга. Я знаю, чего я стою. Да, я тоже красавица, на меня так же, как и на Ирку оборачиваются мужчины. Меня иногда даже забавляет такое внимание. В отличие от Ирки у меня волосы тёмные, карамельного оттенка, глаза пронзительно голубые, сейчас волосы собраны в деловую причёску. Ведь отец настаивает, чтобы даже в свой (законный причём) отпуск все работники если их оторвали от отдыха, соблюдали дресс-код. У меня идеальная фигура, а из-за спортивных нагрузок ещё и подтянутая и сейчас мой деловой летний костюм подчёркивал все мои достоинства (а их я вам скажу было достаточно). Идеально белая полупрозрачная блузка, через которую видно белый кружевной бюстгальтер, поверх надет бледно розовый лёгкий пиджак, в тон ему летние классические брюки, и конечно белые туфли с заострёнными концами на высокой шпильке. Короче, даже в такой одежде я выглядела шикарно (даа, скромности мне не

занимать). Завершали образ солнечные очки в белой оправе, которые сейчас покоились на моей макушке. Чем ещё мы отличались так это тем, что я пользовалась косметикой. Бледно розовая помада подчёркивала контур пухлых губ, чёрные стрелки с золотистыми тенями, выделяли глаза, делая их ярче и акцентируя всё внимание на них.

К слову сказать, мы с Ирккой отличная пара. Мы не подружки, мы сёстры! Мы обе умные, красивые и обе работаем на своих отцов. Учились мы в одном университете, правда, Ирка на экономическом факультете, закончили обучение мы тоже вместе. Её тоже, как и меня не втягивают в тёмные делишки, правда, был один момент у них, когда Иришку в детстве похитили, чтобы воздействовать на её отца. Нам тогда по четырнадцать лет было, мы должны были идти со школы вместе, потому что водитель у нас один на двоих, но он нас забрать не смог, мне повезло, что я осталась на пересдачу какого-то теста иначе бы и меня умыкнули. Ирка тогда после её спасения, год просто молчала, мы думали она никогда не станет прежней. Но мы не были бы подружками, если бы не знали друг друга очень хорошо. У Ирки был шок, и она не хотела говорить о подвале, в котором её держали. Мне удалось её разговорить, потому что я знала, на что надо давить, я сказала ей о её слабости, а она ненавидит быть или хотя бы казаться слабой и уязвимой. Она мне всё рассказала. Призналась в своей беспомощности. Её не трогали, просто заперли в подвале, но связали её руки и ноги, а самое страшное, завязали глаза. Ирка жутко боялась темноты тогда, да и человек невидящий слаб и действительно беспомощен. Она просидела в этом подвале два дня без еды и воды, не сомкнув глаз не на минуту, потому что она не видела и не знала, что происходит вокруг, не знала где она. Ирка прислушивалась к каждому звуку, каждому шороху. А я стала единственной кто смог её разговорить, я единственная кто знает об этом. Именно это обещание никому не говорить о том, что так было, помогло мне вытащить её из состояния депрессии и подавленности.

Теперь она уже не похожа на ту испуганную, как воробышка четырнадцатилетнюю девочку, теперь она стала львицей, которую уже ничего не пугает.

— Тина, ну пожалуйста! — продолжила канючить подруга, пододвигая мне конверт. — Тебе-то и делать ничего не надо, просто сходи на вечеринку, чтобы тебя увидели и всё!

— Зачем? — спросила я спокойно, без всякого энтузиазма в голосе отпив немного чая. Ирку пригласили на вечеринку, но она пойти не сможет из-за непредвиденной командировки на неделю в другую страну.

— Просто, чтобы приглашение не пропадало! — вздохнула она, откидывая свои шикарные локоны за спину. — Это не просто вечеринка! Это закрытая вечеринка, Тина! Такой шанс выпадает только раз, попасть в этот клуб невозможно, а наши глубокоуважаемые отцы никогда бы не простили нам такой вольности, неужели тебе не хочется побыть бунтаркой? Я тебя знаю, Тин! Поэтому я на сто процентов уверена, ты хочешь пойти.

Я задумалась, правда задумалась. Нет, а что я теряю? Покосилась на конверт.

— Что это вообще за клуб? — спросила я вроде бы без интереса, но подружка уже победно улыбнулась, точно зная, что победила.

— «Восход»! — с горящими глазами ответила Ирка, а я нахмурилась. — Слышала о таком?

— Конечно, слышала! — да о нём говорили даже больше чем о выборах мера, как о нём можно не знать? — Как ты вообще достала это приглашение?

Я старалась быть спокойной, не поддаваясь панике.

— У меня там друг в охране работает, вот он и раздобыл приглашение, жаль только

одно, но я знала, что ты не пойдёшь, а теперь тебе придётся идти, — слово «придётся» она выделила по-особенному.

— Ты сошла с ума, Ириш, — покачала я головой в досаде. — Я не пойду в этот клуб. Хоть наши родители и пытаются нас оградить от всего криминального мира, но я доподлинно знаю, что этим клубом владеет какой-то их враг, да не только их, его все недолюбливают. И ходят слухи, что жить ему осталось не долго, а ты заставляешь меня идти в самое логово зверя. Ты хоть представляешь, что с ними родители сделают, когда узнают об этом?

— Они не узнают, — заговорщицки произнесла Ирка, загадочно, улыбаясь. — Я всё продумала. Я еду в командировку без связи, прост так вышло, мы скажем отцам, что едем вместе. Ты сходишь, сегодня в клуб, а завтра можешь свалить куда угодно, и никто ничего не заподозрит. Ты отдохнешь, я поработаю, и потом ты мне всё-всё расскажешь. Ты просто не понимаешь, на что я пошла, чтобы добыть это приглашение, — она снова пододвинула конверт.

Я мысленно плюнула и, взяв его, засунула в сумку.

— Ладно! Довольна? — Ирка улыбнулась, что даже не потребовалось комментариев.

В клуб я приехала на такси, ведь это знаменательное событие должно было проходить в семь часов вечера, а Ирка уже улетела. Отец не позволял мне передвигаться без охраны, а вот в командировку разрешил спокойно поехать без неё. Так что плюс в этом есть, долгожданная свобода! Я могла бы и не ходить в этот клуб, а просто сразу уехать куда-нибудь. Но мне было банально интересно посмотреть на этот «притон», как называл его папа. Кто же этот таинственный враг? Почему папа его ненавидит? Вот, что мне было интересно. У папы в криминальных кругах очень много врагов, но вот его он просто терпеть не может. О чем я говорю? Его все терпеть не могут, потому что этот «некто», слишком наглый и появился в городе недавно, но уже качает права, а притоном его клуб папа называет не зря, опять же по слухам я знаю, что там распространяют наркотики.

Не слишком подходящее место для меня, но мне просто хочется посмотреть, как там это всё будет проходить.

Ирка сказала, что народу будет совсем немного, только самые противные бандиты из других городов. Потому-то это и есть закрытая вечеринка, не всех туда пускают, сегодня только гостей из других городов, друзей этого самого «некто».

Такси остановилось, и я вышла, держа в руках приглашение. Я очень боялась не пройти фейс-контроль. Честно признаться, я терпеть не могу платья и всегда стараюсь надевать, что-то деловое и элегантное, но не платье. Поэтому и сегодня я решила не изменять своим правилам, волосы тоже не стала завивать или распускать, а просто заколола «крабиком», над макияжем тоже не стала заморачивать, мои любимы золотые тени со стрелками и красная помада на губах. На мне был красный кружевной лифчик-топ, поверх которого накинута джинсовая куртка, летние обтягивающие красные брюки и красные лаковые туфли на шпильке. Через плечо перекинут ремешок небольшого красно-чёрного клатча внутри которого лежал мой собственный пистолет. Обычно я его не ношу, но сегодня на всякий случай прихватила, а вот телефон оставила дома выключенным, чтобы у папы не возникло сомнений на счёт моего отъезда.

Несмотря на мои худшие опасения, увидев моё приглашение, меня без вопросов пустили.

В клубе было не очень шумно, музыка играла, будто на фоне, всё было красиво и

ухожено. Большая танцплощадка, по бокам небольшие столики, огромная барная стойка. На высоком потолке висел диско-шар, всё вокруг освещалось прекрасным светом софитов. Один плюсик «за» уже есть. Людей действительно совсем немного, человек десять не считая меня и персонал. Хозяйина этого заведения я пока не видела, хотя он должен быть здесь в первую очередь. А, может, и есть просто я не могу понять, кто именно. Все здесь, какие-то папики со своими соержанками, мне аж смотреть противно. Одеты все пафасно, мужчины в костюмы, даму в шикарные вечерние платья. Так и хотелось крикнуть: «Алё — это клуб ребята! Это вечеринка, а не званый ужин!»

Мне даже как-то скучно стало — это минус. Чтобы поднять себе настроение решила заказать себе, выпить и присела за барную стойку, положив сумку себе на колени. Бармен, который протирал стаканы, увидев меня, заметно повеселел. Я призывно улыбнулась и захлопала глазками. Он тут же подошел, пожирая меня глазами, я улыбнулась ещё шире.

— Что желаете? — спросил он у меня, облокотившись о стойку. Я бы могла с ним даже закрутить. Широкоплечий блондин с голубыми глазами и развитой мускулатурой. Но, увы, это немного не мой типаж, так что прости мальчик, не сегодня.

— «Пина Коладу» безалкогольную, — я обворожительно улыбнулась и пробежалась пальцами по стойке, постукивая острыми ноготками с идеальным красным маникюром.

Паренёк поставил передо мной коктейль на подставку:

— Меня зовут Артём, — он протянул мне руку, и я вложила в неё свою ладошку.

— Тина, — ответила я, а парень поцеловал тыльную сторону моей ладони. Я уже хотела сказать что-нибудь, чтобы показать ему, что он меня не интересуется, но тут прогремел выстрел. Некоторые, девушки завизжали.

Потом прогремел ещё один выстрел, и все звуки резко стих, я потянулась к замку на сумке, а парень испугано жался в углу. Я усмехнулась, вот такой ты смелый, ага! Достала пистолет и быстро засунула его за пояс брюк, это было очень неудобно, но за несколько лет к этому дискомфорту привыкаешь. Я положила сумку на стул. Там всё равно только деньги наличкой, ни карту, ни телефон, ни паспорт я не брала, только деньги и пистолет.

Я вскочила со стула и развернулась лицом в зал. Музыка вырубилась, свет так и был только от разноцветных лампочек на софитах. Я осмотрелась. В зале наметилось пополнение, новые пятнадцать мужчин и все вооружены. Самое первое, что я отметила, они не прятали своих лиц, значит это не теракт и не ограбление, видимо, хозяин этого клуба, всё же кого-то так допёк, что от него решили незамедлительно избавиться. Ну, а если лиц они не прячут, значит и нас всех в живых не оставят.

«И как же мне повезло оказаться в этом клубе именно сегодня!», мысленно простонала я и сосредоточилась на присутствующих. Всех грубо сгоняли в центр, и я не стала исключением, один парень, направил на меня пистолет и сказал, ну очень устрашающе:

— Пошла! И давай без фокусов, я нервный могу и пристрелить раньше времени, — он сам выглядел очень устрашающе, высокий, крепкий, большой. И почему только ко мне так обратились? Неужели он заметил пистолет? Да нет, не мог.

Я посмотрела ещё раз в зал и тут заметила его. Он сидел в стороне и наблюдал за мной, то есть смотрел прямо на меня, то есть мне так казалось. Он сидел в дальнем углу клуба, туда не пробивался свет, но очертания лица можно заметить и я была абсолютно уверена, что он смотрит именно на меня. Ну, конечно же, на меня! Во-первых, я по неосторожности надела вещи красного цвета, а он сразу бросается в глаза, во-вторых, я не в платье, как все.

По тому, как он развалился на том диванчике и как расслабленно он за всеми наблюдал,

я сразу поняла он здесь главный и именно он отдаёт приказы.

Я пыталась соображать быстро! Нужно, что-то делать, я жутко не хочу умирать!

Парень, что грозил мне пистолетом, видимо, устал ждать от меня действий и поэтому, больно схватив меня за локоть, толкнул к центру клуба.

Они видимо решили расстрелять всех, как собак, чтобы легче было поставят в одном месте.

Когда он меня толкнул, я слегка запнулась и покачнулась вперёд, правда, я это сделала специально. Этого мне хватило, чтобы развернуться в сторону главаря и, вытащив пистолет резко направить на него. От настолько резких движений «крабик» треснул, и кусочки его разлетелись в стороны, падая на пол, а мои длинные волосы рассыпались по плечам. Я сдула прядь волос, что упала мне на глаза и крепче перехватила пистолет, встала в стойку, чтобы если что было легче двигаться. Я действовала на инстинктах, и сейчас было важно спасти не себя, а людей. Не знаю, откуда во мне проснулось это человеколюбие, но я знала, что если и умирать, то точно не зря, потому и пошла на такой шаг.

Главарь в углу хмыкнул и я даю зуб на отсечение, что сейчас он ухмылялся. Всё будто замерло, а мне стало дико страшно, потому что сейчас мой пистолет был наведён на их главаря, а все их пистолеты были наведены на меня. Я одна и я как мишень для них, стоит лишь дать команду и всё — мне конец. Но, мужчина медлил, я чувствовала его горящий взгляд, он рассматривал меня: пристально, изучающее, пробираясь взглядом к сердцу. Хоть я этого и не видела, но ощущала, каждой клеточкой. Несмотря на страх, я была сосредоточена, руки расслаблены, разум чистый.

— Так, так, так, — разнёсся по помещению красивый насмешливый баритон. — Кто это у нас тут? Девочка, а ты разве не знаешь, что это не игрушка? Убери пистолет по-хорошему, а то хуже будет.

Я еле заметно сглотнула, я не отводила от него взгляда, смотрела прямо на него. Я ни за что не покажу страха и никогда не сдамся, если опущу пистолет, то погибну, сразу же!

— Даже не подумаю, — голос на удивлении не дрожал и звучал громко и уверенно, что мне самой это даже придало уверенности. Главарь хмыкнул.

— Очень зря, Золотко, очень зря, — у него был приятный голос — это не голос убийцы. — Вот зачем так подставляться, а, Золотко?

Я хотела проигнорировать его, но почему-то не смогла.

— Я могу пристрелить вас прямо сейчас, но мне нужно, чтобы вы выпустили отсюда, всех людей. И тогда и только тогда, я опущу своё оружие, — люди переглянулись, а ребята напряглись, готовые вот-вот наброситься на меня, но их хозяин не давал такого приказа, а значит, шавки не нападут, пока.

— А ты хоть стрелять-то умеешь, Золотко, — ух, как меня бесило это прозвище, мне прямо хотелось нажать на курок.

— Хотите проверить? — я сняла пистолет с предохранителя. — Я не против, только отпустите людей.

У меня сердце в груди, билось, как сумасшедшее! Я боялась, и он это видел, я знаю это точно.

— Зачем же такая жертвенность, а? — этот спокойный и насмешливый голос меня ужасно бесил. Он, будто испытывал меня на прочность, хотел, чтобы я сдалась, показала, что дико боюсь! Хм, не дождётся!

— Лучше я одна, чем все! Вы же всё равно меня убьёте, так пусть лучше меня одну, чем

всех.

Он засмеялся:

— Ох, какое самопожертвование! Какая смелая малышка! Только вот, кого ты защищаешь, Золотко? Подонков? — тут смех резко прекратился, и он продолжил уже ледяным тоном, от которого у меня пробежали мурашки! Вот это был голос убийцы! — Я же всё равно найду, каждого кто здесь был и всё равно прикончу. Только на этот раз мои парни будут жестоки, очень жестоки, малышка.

Я выдохнула, стиснув зубы, чтобы не задрожать, руки чуть напряглись, что не ускользнуло от чужого внимания, но я тут, же взяла себя в руки и расслабилась.

— А это уже не мои проблемы, главное спасти их сейчас, а что дальше будет, не моё дело.

Он резко поднялся и направился ко мне. Вот теперь я смогла его рассмотреть. Он был очень красив, и подтянут и молод, лет двадцать-двадцать пять. Тёмные волосы в беспорядке, глаза цвета шоколада смотрят в самую душу, но ещё я увидела в них то, что испугало меня больше всего — заинтересованность. Заинтересованность мной! На нём была чёрная рубашка с двумя верхними расстегнутыми пуговицами и джинсы на ногах кроссовки. Двигался он грациозно, как хищник готовый атаковать свою добычу.

Кто-то из девушек ахнул, когда парень остановился прямо передо мной, упёршись грудью в дуло пистолета.

Он был выше меня, и мне пришлось поднять голову выше, чтобы встретиться с ним взглядом. Он стоял расслабленно и спокойно, с усмешкой смотря на меня, а я молилась, чтобы у меня не задрожали руки.

— Ладно, Золотко, допустим, стрелять ты умеешь, а сможешь ли ты выстрелить? — он не дал мне ответить, потому что видел ответ в моих глазах. Да, я смогла бы сейчас нажать на курок, и он знал об этом. Он стал наклоняться ко мне, медленно, осторожно, не делая резких движений. На его лице играла улыбка, он наклонился к моему лицу так близко, что его горячее дыхание опалило мою щёку. — Знаешь, Золотко, это очень благородно. Вот только запомни на будущее, дорогая.

Когда совершаешь нечто подобное, подумай лучше. Продумывай план действий до мелочей, а то обидно столько сил потрачено и всё зря, — Я слегка нахмурилась и задышала глубже, глаза забегали от плохого предчувствия. Парень же кивнул кому-то за моей спиной. Затем всё произошло слишком быстро, я не успела сгруппироваться для манёвра. Кто-то заломил мне за спину руку в которой был зажат пистолет, от чего он выпал и мне закрыли нос и рот, какой-то тряпкой и последнее о чём я помню — это то как меня подхватили на руки.

А вот последней мыслью было, то что мне конец.

2 глава.

Пробуждение было очень неприятным. Я как будто вынырнула из-под толщи воды.

Я не привыкла быть беспомощной, не знать, что происходит со мной, с моим телом и поэтому очнулась я очень резко. Голову прострелило болью, я едва заметно вздрогнула, не открывая глаза, потому что на это просто не было совершенно никаких сил.

Голова раскалывалось, в ушах шумело, меня слегка подташнивало, и я не могла понять, где нахожусь, что происходит. Я чувствовала под собой холодную поверхность, но совершенно не чувствовала своего тела.

И тут внезапно, шум в ушах прекратился, меня, будто оглушило. Потом я услышала

голоса, будто издалека, отголоски. Не могла сосредоточиться и разобрать, что говорят.

Чувство было, что я нахожусь в какой-то невесомости, голова кружилась, я это ощущала, и от этого было очень не комфортно. Я лежала и не шевелилась, чтобы не дай Бог не спровоцировать рвотный рефлекс.

— Зачем нам эта девка, Снайпер? Не вижу никакого толка от неё! — наконец-то, я различила голоса, хотя полезного пока для себя не усмотрела в этом, потому что всё ещё не понимала, что происходит! В голове туман, я совершенно ничего не помню. Что случилось? Почему мне так хреново и главное холодно?

— Не видишь? — усмехнулся второй, очень знакомый мне голос. — Неужели, тебе не интересно, кто она и как оказалась в клубе Захарова?

Вот тут меня, как током ударило. Воспоминания стали стремительно возвращаться. Ирка! Командировка! Клуб!

«Ооой, мать моя женщина, куда же я опять вляпалась?», мысленно простонала я.

И самое главное — почему я всё ещё жива? Не скажу, что этот факт меня огорчал, нет даже наоборот, но зато теперь я совершенно не представляла, чего ждать от жизни! Да и вообще, почему меня не пристрелили там, в клубе, пока я была в бессознанке?

— Мне интересно, кто она такая, — всё тот же насмешливый голос, от которого мурашки бегут по коже. — И что она делала в клубе. В компании Захара я её никогда не видел, да и на его девочку она, откровенно говоря, не похожа. Да и держалась молодцом, струхнула, но всё равно подставилась. Видел?

Тут ненадолго воцарилась тишина, а я задержала дыхание, чтобы не дай Бог не заметили, что я очнулась.

— Видел и сам удивился, такой отваге. Но сам подумай, девка по любому засланная. У нее, по сути, было только приглашение, какая-то мелочь и пистолет! Ну, какая девица будет ходить в клуб с оружием, да ещё и одна? Ох, Снайпер, не нравится мне это, кончать её надо!

Я узнала второй голос — это был тот самый, кто грозил мне пистолетом. А вот от его рассуждений мне поплохело ещё больше. Вот почему это постоянно происходит со мной? Хотела как лучше, без какой-либо задней мысли, а этот абориген уже придумал себе что-то! И ведь умный падлюка, вот не ожидала! Такие интересные выводы, хотя на самом-то деле это просто какое-то самое невероятно, грёбаное стечение обстоятельств!

— Вот именно, Ден! Это очень странно не находишь? — хмыкнул парень и сказал, то от чего я напряглась. — Что-то долго она в себя не приходит.

Сейчас я и поняла, что по видимому лежу на каком-то холодном полу, а руки у меня связаны за спиной, судя по ощущениям верёвкой, очень туго, что сейчас я ощутила, как свело руки. Послышались шаги, я выровняла дыхание и расслабилась. Точнее попыталась это сделать, ведь сердце у меня в груди билось как сумасшедшее, а тело пробивало небольшой дрожью, то ли от холода, то ли от страха.

Передо мной остановились, кто из них я не поняла, то ли этот Снайпер (где-то я уже слышала эту кличку), то ли Ден, тот самый нервный.

Я чуть не вздрогнула, когда моей шеи коснулись шершавые пальцы, а я бы обязательно вздрогнула, но сейчас у меня было какое-то заторможенное состояние, что и позволило мне не выдать себя.

— Скоро очухается, — удовлетворенно произнёс Ден, а меня чуть не передёрнуло, мне не хотелось, чтобы он меня касался, да мне вообще не нравилось, когда до меня дотрагивается без моего разрешения.

Мне снова стало плохо и я, похоже, опять отключилась.

Второй раз просыпаться было куда приятнее, тело расслабилось, я уже не чувствовала слабости и на удивление смогла спокойно двигаться и даже глаза открыла, правда сразу же зажмурилась от света, что бил в глаза.

Я попыталась встать, руки затекли, казалось, ещё сильнее, потому что я чувствовала, как занемели запястья, слишком сильно они были перетянуты.

Я, всё ещё не открывая глаза, уперлась пальцами в пол и постаралась осторожно подняться, за спиной была стена, и я блаженно на неё облокотилась, наконец-то открыв глаза и быстро-быстро моргая, чтобы глаза привыкли.

Осмотрела комнату, скорее всего это был подвал в загородном доме ну или коттедже, хотя для меня сейчас разница не особо велика. Подвал был обустроен весьма прилично, никаких тебе голых стен и бетонных полов. Всё вполне сносно: навесной потолок с очень яркими лампочками, стены отделаны каким-то материалом, отдалённо напоминающим дерево, пол покрыт тёмным деревянным паркетом, в углу стоит морозильная камера, очень похожая на мини-бар, хотя может это он и есть, дверь была железной, я знаю такие двери. Снаружи она была похожа на обычную деревянную, запирающуюся на ключ, но если смотреть на неё изнутри, то она действительно железная и очень толстая, такие обычно ставят в помещение, которое нужно изолировать от звуков. В нашем доме подвальная дверь сделана по такому же принципу. Теперь, понятно, почему я именно здесь. Типа кричи закричись, всё равно никто и ничего не услышит! Хм, удобно.

В комнате действительно было очень холодно, потому что она не отапливалась. И вот только сейчас я поняла, что сижу я на своей собственной куртке, а мои туфли, между прочем аккуратненько стоят в сторонке, ага. Я подобрала ноги под себя, чтобы хоть чуть-чуть согреть лодыжки и немного отодвинулась от стены, чтобы попробовать развязать руки. Я тянула верёвку, дёргала её, да всё без толку только большее сделала, даже кожу стёрла!

Волосы падали мне на лицо, и я пыталась их отбросить, тоже неудачно.

— Всё выдохлась, — усмехнулась я, когда действительно немного запыхалась. Я даже умудрилась согреться! Вот, что значит нагрузки!

Дааа, главное оставаться на позитиве!

«Блин, что же делать-то?», — нервно подумала я.

Так, главное не поддаваться панике! Ха, самой смешно! Я просто идиотка! Как я могла так попасться? Как?!

Дура! Надо было подойти к стене в клубе и тогда сзади бы ко мне не подкрались, я отвлеклась, отвлеклась на него! Не припомню за собой такого и ведь я же даже не почувствовала, что позади меня кто-то есть! Блиииин! Рядом с этим Снайпером (чтоб ему икалось) я просто теряюсь! Я расслабилась, сосредоточилась на нём — это было очень опрометчиво! Не заметила ничего, что происходило вокруг, позволила себя одурачить, от этого ещё обиднее! Бедненькое моё самолюбие, так по нему ещё никто не ударял, аррр!

Я вздохнула, поняв, что я конкретно влипла! Возможно, сегодня меня убьют, а папочка даже не узнает об этом, пока Иришка не вернётся или пока сам, что-то не заподозрит. Хотя, может, пока меня и не убьют, пока не узнают, всё, что их интересует, значит нужно, как-то оттянуть неизбежное. Только вот как? У меня от всех этих мыслей опять голова разболелась.

Я зарекаюсь, что если выберусь из этой паршивой ситуации, то больше никогда в жизни не буду жаловаться на свою скучную жизнь и никогда больше не соглашусь на такую дикую авантюру!

Знаете, как плохо иметь дверь со звукоизоляцией, я не слышала, как вставили ключ в замочную скважину, а когда дверь открылась, было уже поздно. Теперь спящей притворится, не получится.

В подвал зашёл не кто иной, как Снайпер. Молча, захлопнул за собой дверь и прошёл вперёд, внимательно рассматривая меня, а я... а я высокомерно подняла подбородок и смотрела ему прямо в глаза. Сейчас страха перед ним не было, никакого напряжения, просто холодное спокойствие.

Молчание напрягало — сильно. Поэтому я не выдержала и нарушила его первой:

— Вы так и будете молчать? — спросила я и демонстративно дёрнула руками и поморщилась, правда специально, но ничего!

— А может, сама всё расскажешь? — будто, не замечая моих трепыханий, насмешливо поинтересовался мужчина.

— Что рассказывать? — попыталась я прикинуться дурочкой, может, хоть так выиграю себе немного времени.

Усмешка на его лице стала ещё шире, и он медленно стал приближаться ко мне, а мне пришлось задрать голову наверх, чтобы встретится с ним глазами. Он возвышался надо мной как скала, и я прямо ощущала его величие, его власть, его силу. От него веяло могуществом, он был, как... как волк — хищник, который не пощадит свою добычу, вот как раз сейчас я чувствовала себя добычей!

Он присел передо мной на корточки. На нём была идеально-белая футболка, через которую был виден каждый его мускул, черные джинсы и туфли, всё дорогое, фирменное, уж я-то знаю! И сложно не заметить часы «Rolex» на левой руке.

Тут он вдруг протянул руку к моему лицу и заправил за ухо прядь волос.

— Откуда же ты такая взялась, а, Золотко? — спросил он еле, слышно и, похоже, ответа от меня не ждал, потому, что продолжил уже громче. — Не советую тебе играть со мной, девочка. Это не всегда хорошо заканчивается.

Прозвучало это устрашающе, но я не была бы собой, если бы просто подчинилась чужой воле.

— Я не понимаю о чём вы, — в следующее мгновение после этих слов в руке Снайпера появился складной нож и он приблизил его ко мне.

Я вздрогнула, когда появилось острое лезвие, не из-за того, что оно остановилось в каких-то сантиметрах от моего лица, а из-за самого щелчка.

— Подумай хорошенько, — наклонился он ко мне ближе, от чего наши глаза теперь находились на одном уровне.

Я задышала глубже, вот теперь я испугалась по настоящему, в глазах его пылал огонь, который если и не сожжет, то хорошенько опалит. Я не решалась отвести глаз, и вот в его взгляде теперь промелькнуло, что-то непонятное мне. Время вокруг нас будто остановилось, я задержала дыхание, теряясь в этих глазах цвета янтаря. Дыхание участилось, а он вдруг провёл лезвием ножа по моей щеке, едва касаясь, и спустился им к шее, потом резко обнял меня, отчего я растерялась. Как оказалась, он просто хотел перерезать верёвку на моих руках, а я (сама себе, поражаясь) не хотела, чтобы он отстранялся от меня. От него пахло морем и мятой, было невероятно тепло и на удивление уютно. Его руки в отличие от рук Дена были мягкими и нежными, что захотелось прильнуть к руке и потереться об неё, заурчав кошкой! Впервые в жизни я потеряла контроль над собой и глубоко вздохнула, зажмурившись.

Мужчина, заметив мою реакцию, усмехнулся, опалив своим горячим дыханием мою шею, а я очнулась.

Так, Тина, соберись, он убийца!

Снайпер отстранился от меня, с высокомерной ухмылочкой на губах. Он специально медленно загнул нож обратно и, поднявшись, засунул его в карман джинсов. Всё это он делал, не отрывая от меня взгляда, как бы наблюдая за моей реакцией, а я смотрела на него с непроницаемым, бесстрастным выражением. Он отошёл в угол к той самой морозильной камере, которая действительно оказалась мини-баром.

Что я сразу отметила, так это то, что мужчина не боялся повернуться ко мне спиной, будто зная, что я ничего не выкину. А я и не собиралась! Зачем судьбу испытывать? Он крупнее, сильнее меня, поэтому это просто напрасная трата времени.

Я решила сесть удобнее. Приподнялась, взяла джинсовку и, накинув её на плечи, села на пол облокотившись на стену и согнув одну ногу в коленке и положив на неё локоть, вторую же ногу вытянула.

Запястья ужасно болели на них даже следы от верёвки остались, но моя гордость не позволяет мне их хотя бы размять.

Я очень внимательно наблюдала за мужчиной. Он достал бутылку с водой из бара и резко развернувшись, кинул её мне, я чисто на рефлексах её поймала и нахально улыбнулась.

— Отличная реакция, Золотко. Что же тебе вчера помешало? — я решила его проигнорировать, поэтому просто с высокомерным (а как же иначе?) выражением лица открыла бутылку и пока пила смотрела, чётко ему в глаза, не отрываясь, показывая, что я не боюсь его, что я не подчинюсь, что сломить или убить меня будет трудно. Спокойно закрыла бутылку и кинула её обратно, Снайпер так же ловко её поймал.

— И долго ещё мне здесь сидеть? — окончательно осмелев или оборзев, поинтересовалась я.

— А это зависит от тебя, дорогая, — ооооу, похоже, я задела его самолюбие. Во взгляде появилась ярость. Ну, конечно, я не испугалась, да ещё и посмела что-то спросить! Причём спросить вроде бы обращаясь в пустоту, будто его здесь и не было. — Не понимаешь о чём я, да? — зло спросил он. — Давай, Золотко, не испытывай моё терпение говори, кто такая?

Я пожалала плечами:

— А смысл? Вы же всё равно меня убьёте, так зачем вам лишняя информация? — я упорно обращалась к нему на «вы», что его явно бесило, потому, что он постоянно морщился, а мне это (кто бы сомневался) доставляло ни с чем несравнимое удовольствие.

— Убить я тебя всегда успею, — он понял, что в моих словах скрыта насмешка и теперь он был спокоен. Я честно поражалась его терпением. — Так что рассказывай: как зовут, чем занимаешься, что в клубе делала.

Я не решалась испытывать его терпение и дальше, потому что вдруг поняла — сегодня я точно не умру. Не знаю, откуда такая мысль закралась мне в голову, но я была точно уверена в этом.

— Меня зовут Ти... Кристина, — глупо было бы называться своим именем. Если он связан с криминалом, а он связан, то Тину Серебрянскую знать просто обязан. И тем более я же не знаю, какие у него отношения с моим отцом, впервые в жизни я пожалела о том, что не проявила упорства и не интересовалась криминальными делами отца. Если он со Снайпером не ладит, то я стану отличным козырем в его руках. Не могу я так подставить отца, тем более это отличная возможность оттянуть время. — Белозёрская. Мне двадцать лет

и я студентка, учусь на втором курсе юридического факультета. В клубе я оказалась совершенно случайно, приглашение мне подогнала подруга и поэтому я совершенно никого там не знала, — пришлось немножко покривить душой, но я все, же почти правду сказала, почти.

— Интересно, — притворно задумчиво потёр Снайпер подбородок, а потом сложил руки на груди и поинтересовался таким голосом, что врать мне расхотелось. — А пушку тебе тоже подруга одолжила?

Я отвела взгляд, судорожно придумывая, чтобы такое ответить, но моего ответа и не требовалось.

Снайпер развернулся и направился к двери, открыл её, и чуть повернув голову в мою сторону, сказал:

— Живи пока, Кристина, — небольшая пауза и устрашающее. — Пока...

3 глава.

Это обнадежило. Интересно, что он сделает, когда узнает, что Белозёрской Кристины в природе не существует? Устроит мне допрос с пристрастием или сразу пристрелит? Хотя нет, он придумает что-то более изощренное.

Не один из вариантов меня естественно не устраивал и я загрустила. Хотя прекрасно понимала, что не стоит падать духом, всё обойдётся главное сохранить тайну о себе настоящей. Нельзя ни в коем случае, чтобы он узнал кто я на самом деле, а я думаю, он приложит к этому все усилия.

Тут я вдруг порадовалась тому, что мой пистолет не зарегистрирован иначе проблем я бы точно не избежала. Спасибо большое папочке за такую милость — это ведь он настоял.

У меня ужасно всё затекло, и только сейчас я позволила себе расслабиться. Потёрла запястья, разминая их. Снайпер сказал вчера, значит, как только я отключилась в клубе, так и не приходила в себя всю ночь.

«Интересно сейчас утро или уже день?», — дааа, нашла же я о чём подумать прямо сейчас. Ну, допустим сейчас день, а первый раз очнулась я утром, да и, судя по тому, что у меня сейчас всё тело болит, значит, я лежала на полу всё это время в одном положении. Хотя это-то как раз и не удивительно, скорее всего, меня усыпили хлороформом, а у меня на него аллергия, поэтому мне и было так плохо, и именно поэтому я старалась не двигаться, потому, что даже во время сна чувствовала дурноту. Да-м, мне вот только отравления нахватало, на меня хлороформ очень сильно действует, затормаживает реакцию, короче я находилась в состоянии наркотического опьянения.

Сейчас всё вроде бы пришло в норму, а после того как я выпила воды, стало ещё легче.

Так мне нужно размяться. Я поднялась и, сцепив руки в замок потянулась вверх, встав на носочки, отчего куртка свалилась на пол (да и чёрт с ней). Тело приятно напряглось, а суставы хрустнули, доставляя долгожданное облегчение, я сделала ещё парочку поворотов туловища. Обошла комнату по кругу, пол был очень холодным, но туфли мне надевать не хотелось, и я пообещала себе, что когда выберусь отсюда, буду носить только балетки (ага счас, как же! Да чтобы я, да балетки? Смееешнооо!).

Я остановилась посередине и встала на мостик, потом сделала кувырок и встала на ноги, это упражнение помогает не только растянуть мышцы, но и поставить несколько косточек на место после долгого лежания на полу.

Мне это упражнение далось легко, потому что несколько лет я занималась гимнастикой, правда самостоятельно в спортзале нашего дома.

Я вернулась в свой уголок (я мастер сарказма) и, расстелив на полу куртку села, на неё притянув к себе колени и обняв их, чтобы они стояли на куртке, хоть так о холода спастись.

В этот самый момент дверь открылась, отчего я вздрогнула, на пороге появился тот самый Ден с подносом в руках. Сейчас при нормальном освещении я смогла хорошо его рассмотреть. Как я и предполагала именно он, и грозил мне пистолетом в клубе. Высокий, рослый, но все, же не такой устрашающий, как вчера с пушкой в руках. Сейчас он мне даже понравился, немного. Спортивное тело, красивое волевое лицо с голубыми глазами, тонким носом и с мощным подбородком, который украшала небольшая щетина. Стрижка вроде бы называется «канадка», чёрные волосы уложены и зачёсаны в бок косым пробором, очень элегантно смотрится особенно у этого Дена. Чёрная футболка обтягивает мышцы, очерчивает широкие плечи. Чёрные брюки дополняют образ крутого парня. Единственно, что не вписывается сюда, так это коричневый плетёный из кожи браслет на его запястье.

Сейчас я его совершенно не боялась, да и не казался он мне устрашающим со столовым подносом в руках, вот совсем — это выглядело скорее комично.

— Ого, наша дерзкая красавица, похоже, испугалась.

Фух, как мне хотелось съязвить по этому поводу, но лучше придержать язык за зубами и притвориться овечкой. Поэтому я изобразила озноб и, притянув колени ближе к себе, положила на них подбородок.

Ден поставил рядом со мной поднос и сел рядом, отчего я напряглась и опустила голову ниже, так что теперь мои волосы скрывали от него моё лицо. Изобразила так сказать полное повиновение и испуг.

— Откуда у тебя оружие? — о как мы заговорили. Вот так сразу, без предисловий.

— Это не мой пистолет, — спокойно сказала я и удостоилась смешка, это меня вывело из себя, и я повернула голову в сторону Дена. — Да это не мой пистолет, а брата. И в клубе я оказалась случайно. Я понятия не имею, что на меня нашло, я просто... просто испугалась.

Знаю, звучало это неубедительно, но я актриса от бога, и изобразить усталость не составило труда. Я провела руками по волосам и глубоко вздохнула. Ден же вопреки моим ожиданиям вдруг протянул мне руку и сказал:

— Денис, — я с опаской пожала его руку.

— Кристина.

— Что ж, Кристина, мы проверим, кто же ты такая. А сейчас ешь.

Тут я посмотрела на поднос. На нём стояла чашка с горячим чаем, тарелка с помидорами, огурцами, каким-то мясом и тостами. Ну, хоть не вода и хлеб, что очень удивило.

— Отравить хочешь? — насмешливо спросила я. Принципиально обращаясь к нему на «ты»

— Это не наши методы, Куколка, — я чуть не засмеялась. Один называет Куколка, другой Золотко, тьфу ты!

Ден подождал пока я всё съем, а сам всё это время не сводил с меня глаз, я сидела как мышка.

Он, забрал поднос и вышел, заперев дверь, а я вздохнула с облегчением. И, что это всё было. Он хотел убедиться, что я не врала? Или хотел посмотреть, не сделаю ли я какую-нибудь глупость? Ага, вот и думай теперь, чего это он припёрся, да ещё и был вежлив. Всё это сбивало с толка, его поведение сильно отличалось от того, что я слышала утром. Он — настаивал на моём убийстве, а сейчас сам пришёл, да ещё и еду принёс, для бедной

пленницы.

Тут дверь вновь открылась, только на этот раз я вздрогнула от того, что она с грохотом стукнулась о стену. На пороге стоял Снайпер. Он так же сильно захлопнул дверь.

Я вдруг улыбнулась: нахально, дерзко, высокомерно! Да, я играю с огнём, с очень опасным огнём, но (даже стыдно признаться) мне это дико нравится. Это риск, экстрим, те самые чувства, о которых я мечтала, и мне это действительно дико нравится!

— Ты солгала, — сказал он спокойно, но вот его глаза не обманут, в них пылал огонь, ярости, злости, ненависти и даже какого-то бешенства.

Да, он зол, он очень зол — на меня. На мою ложь. На мою улыбку. Я, не боюсь его, и это ещё больше подогревает его злость. Я усмехнулась:

— Не понимаю о чём вы, — ох, как ему это не понравилось. Я закусила губу, чтобы не сказать, что-нибудь провокационное (хотя очень хотелось).

— Встань, — прозвучало, как приказ: жестокий, грубый, холодный, железный. Таким голосом нетерпящим возражения, неподчинения.

Я же девушка очень строптивая, поэтому я ещё подумала над его предложением (а рассматривала я это именно как предложение, а не приказ) и как бы нехотя поднялась, привалившись спиной к стене.

Он, как хищник приблизился ко мне, встал впрыток, так чтобы наши тела соприкасались и слегка наклонился, чтобы в следующую минуту взять меня за подбородок (нежно, трепетно, ласково) и поднять голову так, чтобы наши глаза встретились.

Знали бы вы, как мне сейчас было сложно держать на лице эту хамоватую улыбочку. Я чувствовала, как по коже бегут мурашки, мои руки слегка дрожали, сердце забилось быстрее, а дыхание участилось.

Ох, как я в этот момент себя ненавидела! Так и хотелось сказать: «очнись, Тина, весна закончилась! Усмири свои гормоны!»

Но я знала — это не возможно! Я реагирую так только на него! С Денисом ведь такого не было, да и не будет, потому что тянет меня (да-да тянет, как на буксире!) к Снайперу!

А это гад заметил мою реакцию, он её и добивался всеми этими действиями. Хотел показать мне, что я из себя представляю!

Я думала, он что-то скажет, съязвит, обозначит свою победу. Но! Но то, что он сделал, просто не укладывается у меня в голове, я была к этому откровенно не готова и поэтому растерялась!

Снайпер, кончиками пальцев свободной руки чуть касаясь, провёл по моему обнажённому боку, поднялся к краю топа, остановился, смотря в мои глаза, а я видела их отражения в его! В них плескалась дикая смесь: страха, желания, страсти, огня, смятения!

В его же глазах я не видела ничего, ничего кроме огня, того самого, что заставляет меня гореть. Он очень резко обнял меня за талию, как бы заставляя отлепиться от стены, и продолжая держать меня за подбородок, впился поцелуем. Злым, жестоким, подчиняющим, властным с толикой нежности и ласки — это было прекрасное ощущение, столько чувств, столько эмоций и все они переполняли меня.

Я должна была, нет я была просто обязана оттолкнуть его, начать сопротивляться, но я настолько была поглощена в эти ощущения, что совершенно забыла, кто рядом со мной. Никогда не испытывала такое влечение, у меня было достаточно мужчин, но не один не вызывал таких чувств, такого пожара в душе, поэтому я ответила, ответила на этот грёбаный поцелуй! Это было подобно влечению и мне не хотелось сопротивляться, я и не

сопротивлялась. Я обвила шею Снайпера руками и одной рукой зарылась в мягкие волосы, как бы притягивая его к себе, чтобы он был ещё ближе. Он прижал меня к стене, а я стала отвечать на поцелуй со всей своей страстью, со всем огнём, взяла всю инициативу на себя, знала, что пожалею об этом. И пожалела.

Снайпер отстранился от меня и теперь в его глазах, были те же чувства, что и у меня! Не успела я прийти в себя, одурманенная поцелуем, как он резко, наотмашь ударил меня по лицу рукой. Удар был такой силы, что я не удержалась на ногах и упала на бок, сильно ударившись локтём об пол. Это было так неожиданно, что я очнулась от всех этих чувств!

В глазах плясали звёздочки, голова кружилась, то ли от удара, то ли от пережитых эмоций. У меня до сих пор дрожали руки, мне было жарко, я хотела, чтобы этот поцелуй повторился, нет, я хотела его. Быть, как можно ближе к нему!

Это было настолько осознанно, что я сама испугалась, испугалась себя. Потрясла головой, чтобы отогнать все мысли и сосредоточиться, открыла глаза и прямо перед собой увидела Снайпера. Он сидел передо мной на корточках, и равнодушие в его глазах меня немного обидело, но я-то знала, что это маска. Я знала, какие чувства у него пробуждаю. Посмотрела сейчас на Снайпера немного по-другому, я поняла, что он делает, что он сделал только что и засмеялась:

— Хм, метод кнута и пряника? — он тоже улыбнулся, даже как-то уважительно.

— Это ещё нужно посмотреть, что для тебя кнут, а что пряник, — усмехнулся он.

Вот тут уже я прониклась уважением к этому мужчине. Меня поразила его пронизательность. Да для меня действительно кнутом была его близость, потому что только рядом с ним я не могу быть собой, не могу держаться, теряюсь, он заметил это ещё в клубе. А вот пряник для меня, это как раз удар, он смог отрезвить, дать прийти в себя, начать думать, а не чувствовать!

— Да, а ты умеешь удивлять, — сама не заметила, как начала ему «тыкать». Хотя после такого поцелуя «выканье» было бы кошунством, даже с моим характером.

— Могу удивить ещё сильнее, — он провёл рукой по моей щеке, видимо, подавшись своим чувствам, потому что резко отдернул её будто от огня. — Пойдём, покажу кое-что.

Он помог мне подняться, вместо извинения я полагаю, хотя извинений мне и не нужно было, мне такое отношение даже понравилось (да я сумасшедшая!). У Снайпера, так же как и у меня было влечение, потому что он задержал свои руки на моей талии дольше, чем это требовалось, и будто нехотя отошёл от меня (хотя почему «будто» — нехотя!)

Я надела туфли и подошла к двери, которую Снайпер как раз открыл для меня.

Интересно, что же он собрался мне показать?

В подвал, из которого мы вышли, навёрх вела лестница, покрытая красным ковром. Мы поднялись и пошли по коридору. Я стала осматриваться. Это действительно был коттедж, всё прямо кричало о благосостоянии владельца. Об этом говорило всё. И шикарные хрустальные люстры и картины на стенах, причём подлинники, незнающий человек бы не понял, но я постоянно с отцом в детстве ходила на разные аукционы и, теперь, просто на автомате подмечаю подлинность полотна. На полу красная ковровая дорожка. Мебель вся дорогая, современная, всё сверкает чистотой и, что меня удивило — уютом. Путь наш закончился у идентичного спуска в подвал, как тот из которого выпустили меня. Только этот находится в другой части дома. И теперь вопрос: сколько их здесь вообще?

Снайпер остановился перед деревянной дверью, которая как я предполагаю, тоже железная.

— Ты поступила очень опрометчиво, там в клубе. И напрасно, не потому что всё провалилось, а потому что никого убивать я не собирался, — он взялся за ручку двери, однако пока не открывал, а смотрел неотрывно мне в глаза.

— Да неужели? — саркастично спросила я. — А, что ты собирался сделать? И почему тогда я здесь? Если ты никого не убивал, то почему я здесь?

— Всё просто, Золотко, всё очень просто. Там в клубе Руслана, ну или Захара, как его называют, не было, а мне он до зарезу нужен. Распоясался падла. Я бы просто поспрашивал, где хозяин, но тут появилась ты и дело осложнилось. И теперь мне просто интересно, что же ты из себя представляешь. Пришла в клуб одна ещё и с пушкой, а теперь оказалось, что никакая ты не Белозёрская Кристина, должна быть причина твоей лжи, и твоего появления, в общем. И поверь мне, дорогая, я узнаю, кто ты такая.

Я в этом и не сомневалась, но помогать ему в этом точно не намерена. Он открыл для меня дверь и холодно сказал:

— Заходи.

И я, конечно, зашла. Это помещение разительно отличалось, от того в котором держали меня. Вот тут голые стены, бетонный пол, окно под потолком. Такой тебе каменный мешок. Холодно, пусто, серо. Очень неприятно, у меня мурашки побежали, а ведь я могла бы находиться и здесь.

Но здесь находилась не я (и слава Богу), а какой-то парень, привязанный к стулу, который стоял прямо посреди комнаты. А ещё здесь было человек шесть накаченных братков с пушками, а того самого парня, что сидел на стуле с обнажённым торсом бил Денис, причём профессионально бил. Не наносил каких-то бесполезных ударов, он бил чётко, точно зная в какую точку на теле нужно ударить, чтобы человек почувствовал весь спектр боли.

Мне стало противно смотреть. Сзади ко мне подошёл Снайпер и положил свои руки мне на плечи, я вздрогнула, ведь уже забыла о его присутствии здесь. Он взял меня за подбородок и повернул голову так, чтобы я увидела его лицо.

— Вот, что бывает с теми, кто мне не угоден.

Тут Денис развернулся и заметил нас.

— Оу, Куколка, решила нас навестить? — тут уже и остальные нас заметили, а мне прямо не по себе стало. Меня одарили такими непристойными взглядами, что я впервые в жизни пожалела, что решилась на такой откровенный наряд. Снайпер вдруг резко развернул меня к себе лицом, при этом больно схватив чуть выше локтей. Вот теперь его взгляд откровенно пугал. Если до этого я считала его страшным, то я глубоко ошибалась, вот сейчас у него взгляд голодного и злого волчары. Лицо не выражало совершенно никаких эмоций и взгляд был холодным, что мне действительно стало холодно!

Он вдруг оттолкнул меня, отчего я пошатнулась и упала прямо в сильные руки двух бандитов. Всё это произошло настолько быстро, что я даже не сразу поняла, что вообще произошло. Они держали меня с двух сторон, а я пыталась вырвать руки, но не смогла, и мне стало страшно, сколько бы я не храбрилась, но в глазах у меня был страх, и было видно, как вздымается моя грудь, и трясутся руки.

Я стояла прямо напротив парня, на нём живого места не было, голова была опущена к груди, лицо было в крови.

Денис подошел к нему и за волосы поднял его голову так, чтобы он увидел меня.

— Ну, что, Русланчик, знаешь её?

Взгляд у «Русланчика» был мутным, но меня он видел, потому что в следующий момент

из его горла вырвался хрип и он закашлялся. Я хотела отвернуться, но Снайпер, подошедший сзади, схватил меня за волосы и, оттянув их, запрокинул мою голову, шепнув на ухо:

— Дай ему тебя рассмотреть.

— Нет, я её не знаю и понятия не имею, что эта девка в клубе делала, — Ден тут же толкнул его голову, а меня наконец-то отпустили, чтобы я снова попала в руки к Снайперу.

— Повезло тебе, Золотко, — я же сказала, что он придумает, что-то изощрённое.

В «мой» подвал мы вернулись, не проронив не слова. Я молчала, потому что всё ещё не отошла от случившегося, а почему молчал Снайпер, я не знаю.

Только, когда мы вошли, и я приземлилась на свою куртку, он заговорил:

— Так, кто же ты, Золотко?

— А ты сам узнай, — да я играю с огнём, но ведь так даже интереснее. Интересно, похоже, не мне одной.

Снайпер подошёл и, наклонившись ко мне, провёл рукой по моей щеке.

— Ты сама мне всё расскажешь, Золотко, — высокомерная улыбка озарила его лица, а в глазах загорелся азарт. — Ты не сможешь без меня дышать, сама приползёшь ко мне. Поверь, я умею быть нежным, девочка.

Я растерялась, совсем недавно он был зверем, который готов сделать всё что угодно, для добычи информации, а сейчас он напоминал мне мальчишку, и я решила ему подыграть.

— Смотри, сам не угоди в свою ловушку, — он был уже у двери и засмеялся.

— Ты не в моём вкусе, — и, не дав мне ответить, вышел, заперев дверь.

Вот так меня ещё никогда не унижали.

«Ну, это мы ещё посмотрим, Снайпер! Ты уже моя одержимость! И я сделаю так, чтобы и ты не смог без меня!», — мстительно подумала я, готовая поиграть в эту игру.

4 глава.

«Блин, как же холодно», — подумала я, сидя на полу и растирая плечи.

Неужели, мне придётся ночевать здесь? Я этого не переживу, тем более я в туалет хочу, но это похоже совершенно никого не заботит. И что прикажите делать? Надо, придумать, что-то. Ну не могут же они меня насильно здесь держать в самом-то деле?

Хотя, теперь для Снайпера раскрыть мою личность является делом принципа! Его бесит моё неповиновение, однако его действия говорят о том, что в какой-то степени ему это нравится так же сильно как и мне. Нам нравится эта игра и теперь никто из нас не готов сдаваться. Уж я-то точно, не сдамся!

Я сведу его с ума — это я умею. Я ненавижу проигрывать и он тоже, значит, это будет захватывающая игра. Мне нужно быть готовой ко всему. Ведь я даже не представляю, что у него на уме, я не знаю чего от него ожидать в следующую секунду. Он смог меня удивить поцелуем и тем что произошло после него, я думала он будет более лоялен ко мне после того поцелуя, но он снова меня удивил. Показал свою жестокость. Хотел напугать? Так я не из пугливых! Хотел показать своё превосходство? Только я лучше! Хочет сломить мою веру в себя? Только я не поддамся!

Я — сильная и я это ему докажу! Это не я к нему приползу, а он ко мне!

Вот он азарт. Мне придало это силы. Надо действовать. Зачем просто сидеть, сложа руки и ждать, что тебя ждёт? Я должна попробовать найти выход! Сбежать! Мне бы только выбраться из этого чёртового подвала, а дальше по обстоятельствам.

Я поднялась, надела куртку и подошла к двери, чтобы хорошенько её осмотреть.

Как я и предполагала, с внутренней стороны нет ни скважины, ни ручки, ни какой-либо

лазейки.

— Чёрт! — выругалась я, хотя сейчас рвалось словечко покрепче, но я вовремя вспомнила, что я все, же девочка (мамино воспитание даёт о себе знать)

Вот зря я о маме подумала. Она даже не представляет, во что вляпалась её непутёвая дочь! А я в свою очередь совершенно не представляю что делать. У меня всего неделя до того момента, как меня хватятся, надо успеть выбраться отсюда. Только вот как? Я, что наивно полагаю, что Снайпер отпустит меня, после того, как узнает, кто я? Нет, я не настолько наивна, чтобы в это поверить! Нет, если он узнает, что я дочь Терминатора, то он убьёт меня, сразу же, не раздумывая. Мой папочка заработал себе отличную репутацию — его боятся, уважают, только вот конкуренты готовы на всё, что бы ему жизнь мёдом не казалась. А я в свою очередь не знаю, друг нам Снайпер или враг и если честно, то узнавать мне не хочется. Потому что если окажется, что враг, то я обречена, а если друг... Это очень маловероятно, так что даже не рассматривается!

Я в безвыходном положении. Когда, Снайперу надоест со мной возиться, что он сделает? Как поступит? Об этом даже думать не хотелось, потому что в этом случае, мне придётся самой всё рассказать, чтобы хоть как-то оттянуть неизбежное. Поэтому я не дам ему скучать. Посмотрим, как ему понравится моя строптивость и неповиновение. Главное не перестараться. Он любит всё контролировать, что ж я тоже! Буду пока играть по его правилам, но если появится, хоть малейшая возможность для побега, я не упущу её! Я не стану игрушкой в его руках! Я не позволю ему собой помыкать! Я не его собственность! Он не имеет права держать меня здесь против воли!

Я стукнула кулаком в дверь со всей дури, конечно, с той стороны этого не слышно, но мне стало легче, вот правда. Прямо камень с души, жаль только что в комнате ничего нет, а то поступила бы так же как и в «Кавказкой пленнице», расхреначила бы всё, что попало под руку, тем самым выражая свой протест.

Я уже хотела (вдохновлённая такими мыслями) ещё раз ударить по двери, но она резко открылась, тем самым ужасно меня, напугав, что я прямо отскочила от неё и чуть не упала из-за своих проклятых шпилек.

— Ты чего здесь, куколка?

«Ден», — усмехнулась я.

— Чего-чего? — передразнила я, пытаюсь успокоиться. Если меня всегда так пугать будут, я же не выдержу. — В туалет мне нужно, вот чего!

Выпалила я. Ну, не говорить же ему, что я убежать хотела? Хотя если бы сказала, то он бы просто посмеялся бы! Ага, бежать, пфф, с такой-то дверью?! (Ну, вот, самой смешно!)

— Ну, так пошли, — спокойно кивнул Ден с усмешкой на губах и приоткрыл для меня дверь.

Я, честно сказать, сначала растерялась, но быстро взяла себя в руки и выскользнула за дверь. Денис взял меня за локоть, видимо, всё же опасаясь. Теперь была моя очередь усмехаться.

— Денис, — обратилась я к нему и удостоилась равнодушного взгляда. — Как вы так быстро проверили мою биографию?

Может, у Снайпера полно связей, но он пришёл ко мне спустя часа два. Если так быстро всё установил, значит, своих дел у него нет, и он занимался только мной? В это мне вот совсем не верилось, вот я и спросила, не особенно рассчитывая на ответ, но Ден ответил.

— Ох, Куколка, Глеб просто блефовал. Не зря его называют Снайпером, он никогда не

промахивается. Он тебя сразу раскусил, только дал немного времени, понять в каком положении ты находишься.

Значит, Снайпера зовут Глеб, так стоп... Блефовал?

— Вот сволочь! — высказалась я, отчего Ден засмеялся.

Глеб значит, стоп Глеб! О, нет!

— Постой, Денис, — я аж, остановилась от пришедшей мне в голову мысли. — Ты сказал Снайпера, Глебом зовут?

У меня руки от напряжения затряслись, если я права, то мне точно не жить!

Ден же, посмотрел на меня, как-то задумчиво и слишком пристально, хотя его насмешливый тон совершенно не вязался с взглядом.

— Оу, ну это в его стиле, не представится. Да, Снайпера зовут Глеб.

Я улыбнулась и как бы между прочем спросила:

— Эм, Глеб Лаврентьев?

— А вот теперь давай поподробнее, Куколка, — теперь и взгляд и голос соответствовали. Ден явно был насторожен, и ему явно не понравилось, что я знаю Снайпера.

Конечно, я знала Глеба Лаврентьева! И вот почему мне была знакома его кличка. Я слышала её один раз от отца. Тогда он должен был заключить какую-то важную сделку, и я в его кабинете готовила документы, под его руководством. Вот тогда-то ему и позвонили. Я, углубившись в контракт, за диалогом не следила, но потом услышала имя — Глеб Лаврентьев. Я как раз закончила с документами, отец вызвал своего начальника охраны и сказал, что-то типа того, что Снайпер не должен выиграть. Я тогда не придавала этому значения, потому что привыкла не лезть в тёмные дела отца. Потом оказалось, что тот самый Снайпер и заполучил этот контракт, вот после этого они с отцом и враждуют. Глеб же, опять же из отрывков разговоров отца, как я знаю, имеет очень влиятельных друзей, с которыми опять же у моего отца тёрки!

Глеб проницателен, умён, такого сложно будет провести. Если он узнает сейчас кто я на самом деле, он обязательно этим воспользуется. Тем более я совершенно не подозреваю чего от него ожидать, и это пугает ещё больше!

Сейчас же у меня есть шанс сбежать и им обязательно нужно воспользоваться. Только сначала в туалет.

Пока Ден вёл меня по коридору, я осторожно осматривалась, и тут заметила двустворчатую дверь: стеклянную, ведущую, судя по всему в сад. Сейчас она была распахнута настежь.

«Вот он шанс!», — сразу же пронеслось в голове.

Тем временем мы остановились у ещё одной двери, и Ден кивнул на неё. Я открыла её, да это действительно туалет. Я зашла, и послышался щелчок запирающейся двери.

Перестраховывается?

Я усмехнулась, неужели, он думает, что я огрею его дверью? Ну, нет, это слишком легко. Я придумала кое-что получше.

Я сделала все свои дела, умылась в раковине, которая здесь была, и остановилась перед небольшим круглым зеркалом, которое висело на стене. Пригладила волосы, макияж я смыла, но и без него свою красоту не утратила, а даже наоборот. Многим нравится натуральная красота, посмотрим, подействует ли она на Дена.

Я хитро улыбнулась своему отражению. Пора начинать нашу игру, Снайпер.

Посмотрим, как тебе это понравится.

Я подошла к двери и постучала в неё. Ден тут же открыл, я вышла, сама захлопнула дверь, мысленно готовясь ко всем карам небесным, которые меня ожидают, если моя затея провалится.

Ден, хотел что-то мне сказать, опять взяв за локоть, и видимо, собираясь отвести меня в подвал, но я не дала ему такой возможности, запнувшись. Разумеется, запнулась я специально. Покачнулась, и налетела на Дениса, облакачиваясь на его грудь руками так, чтобы он не схватил меня, а придержал. Я, как испуганная овечка, подняла на него свои ангельские голубые глазки и чуть приступила на одну ногу, делая вид, будто подвернула ногу.

Сделала я это всё, чтобы незаметно снять туфли. Я, конечно, мастер на все руки, но бегать на шпильках ещё не научилась. Денис же, как я и рассчитывала, не ожидал моей близости и был сосредоточен на моих глазах и на том, чтобы не дать мне упасть. Это-то и помогло мне повернуть этот нехитрый трюк с обувью.

Тут я встала на ноги и резко, со всей силы оттолкнула Дена от себя. В другой ситуации мне бы это вряд ли удалось, но сейчас, когда он не ожидал от меня такой прыти, да и вообще каких-либо действий у меня это получилось. Причём толкнула вроде и не сильно, но Ден (скорее от неожиданности) отлетел к стене.

А я, не теряя времени, рванула к двери. Ден судя по звукам, быстро очнулся и, рванув за мной, запнулся о мои туфли, сопровождалось это отборными матами.

Я уже была уверена в своей победе, когда за спиной услышала голос Глеба.

— Ден, стой! Она моя.

Это придало мне ускорения. Возможно, он даст мне небольшую фору. На это я надеялась, хоть я и отлично бегаю (я мысленно себя поблагодарила за ежедневные походы в спортзал), но быстро выдыхаюсь.

Я выскочила из дома, перепрыгнув через две небольших ступеньки, которые были перед садом. А то, что это сад я не сомневалась, но сейчас рассматривать красоты времени не было. Я босиком бежала по траве в сторону ограды, которая виднелась передо мной. Причём бежала очень быстро, будто за мной стая голодных волков гналась. Оборачиваться очень боялась.

«Надеюсь, здесь нет собак?», — в панике подумала я, хотя даже если и есть, я не думаю, что они выпускают их среди бела дня. Эта мысль придала мне немного уверенности. Сад, скорее всего, находился на заднем дворе коттеджа, значит, где-то здесь должна быть калитка, которую обычно днём не запирают.

И та да — бинго — калитка! Подбежала к ней и толкнула. Удача! Открыто!

Выскочила на улицу и тут же пожалела об оставленных туфлях. Хоть это и коттеджный посёлок, но на улицах не убирают. Под ногами чего только не было и камушки, и осколки, но я бежала по краю, у заборов, там была трава, и не было мусора, в этом мне снова повезло.

Но везение такая штука, может закончиться в любой момент, когда этого и не ждёшь.

Вот и я не ждала, что прямо мне наперерез выскочит машина, причём видимо машина простого мажора, жившего здесь, который мать его, просто решил погонять на своей гоночной тачке!

Я испугалась и поэтому оступилась, остановилась перевести дух, когда этот ненормальный пронёсся мимо, и уже собиралась бежать дальше, но тут меня повалили на землю, от чего я вскрикнула.

Я упала прямо спиной на землю (спасибо травка смягчила удар), а на меня сверху навалился (ну, кто бы сомневался?) Глеб!

Теперь я лежала спокойно, пытаюсь отдышаться. Наши глаза находились друг напротив друга, и я не могла отвести взгляда. Он опирался на руки, чтобы не придавить.

Я могла бы его толкнуть и закричать, что есть мочи: «помогите!». Но... но не смогла!

Я смотрела в его глаза, полные ярости и азарта и не могла отвести взгляда от этих, как янтарь, омутов! Он пленил меня, и сейчас я совершенно не думала, о том, что он мой враг!

Глеб встал с меня, когда понял, что никаких действий я предпринимать не собираюсь и помог мне встать, крепко держа за руку.

Да он был зол, и мне это дико нравилось, он хотел что-то сказать, потянув меня в сторону его дома, но не успела я сделать и шага, как в ногу почувствовала болезненный укол и, вскрикнув, облокотилась на Снайпера, попутно посмотрев на свою бедную конечность. Глеб усмехнулся:

— И далеко ты собиралась так убежать, Золотко? — ох, сколько в его голосе было сарказма.

Да, только я так могу. Я всё же наступила на какой-то осколок. И теперь мне было ужасно больно.

Сначала я этого даже не почувствовала, видимо, от страха и боли, которая пронзила спину при падении.

Я хотела сделать шаг, ведь Глеб явно был очень зол, а злить его ещё и своей беспомощностью не стоило, но тут он вдруг подхватил меня на руки и сам понёс в сторону дома.

Я признаться была этому рада, потому что в последний момент, заметила, как потеплел его взгляд. Я обвила его шею руками и уткнулась лицом в широкую мужскую грудь, чтобы снова не угодить в плен его глаз.

— Ох, Золотко-Золотко, — мне показалось или в его голосе промелькнула нежность?

Даже, если и показалось, мне всё равно, в душе уже поселилось тепло!

Снайпер осторожно внёс меня в дом. Уже там я услышала насмешливый голос Дена:

— Очень умно, Куколка! Очень умно, признаюсь, не ожидал от тебя.

Я беззвучно засмеялась. Глеб же, проронил:

— А с тобой мы отдельно поговорим, Ден.

Я всё так же не отрывалась от его груди, боясь увидеть в его глазах равнодушие и недовольство, но судя по ощущениям, несли меня не в подвал, а наверх по лестнице. На второй этаж я полагаю.

Снайпер остановился ненадолго и, судя по всему, пнул, какую-то дверь ногой, и только после того, как меня в неё внесли я от него, оторвалась.

Да, это действительно была большая комната с огромным окном, только это я, пожалуй, и успела заметить, потому что понесли меня в ванную, которая была прямо здесь в комнате, за отдельной дверью.

Вот её я хорошо осмотрела. Огромная! Здесь была душевая кабина, туалет и что мне особенно понравилось, так это огромное джакузи, прямо в полу, к нему Глеб и пошёл. Он осторожно посадил меня на пол, так, чтобы мои ноги опустились в бассейн. Сам же он включил воду, отрегулировал температуру и взял мою раненную ногу, из которой сочилась кровь. Всё это молча, а я не решалась и звука проронить, даже взгляда не поднимала. Глеб подставил мою лодыжку под струю тёплой воды, и я дёрнулась, закусив губу, чтобы не

вскрикнуть от боли. Снайпер схватил меня крепко и прорычал:

— Не дёргайся! Рану нужно промыть, а осколок вытащить.

И я сидела на попе ровно, сдерживая крик боли и сильно вцепившись Глебу в руку.

Он не трогал порез, просто держал мои ноги под струями воды. Когда, эта пытка, наконец, закончилась, он снова подхватил меня на руки и вынес в комнату, посадил на огромную двуспальную кровать, сам встал и вышел за дверь, предварительно её заперев.

А я стала осматривать комнату, чтобы отвлечься от боли в лодыжке, осколок вымыть не удалось, и он неприятно резал, а куда ушёл Глеб даже думать не хотелось.

Комната была очень уютной. На стенах обои в полосочку приятного голубого оттенка, огромное окно, почти на всю стену освещало её и делало больше. Большая кровать, застеленная пушистым пледом, по бокам от неё стояли тумбочки, а на них небольшие светильники на полу паркет приятно кофейного цвета, у кровати с другой стороны от меня огромный ворсистый, белоснежный ковёр, на потолке хрустальная люстра, у стены туалетный столик с большим зеркалом. А по бокам не примыкая к стенам, в стороне стояли два красных, мягких кресла, одно с одной стороны комнаты, другое с другой, по феншую, можно сказать.

Эта комната явно принадлежала раньше девушке, или должна была принадлежать. Хоть комната и была такой опрятной, было заметно, что здесь никто не живёт. Всё обставлено, но этим никто не пользуется.

Тут дверь открылась, и появился Глеб с аптечкой в руках. Он подошёл к кровати и присел на одно колено передо мной, поставив коробку сбоку.

— Будет больно, — предупредил он и нежно взял мою ногу. — Но ты сама виновата.

Вот не мог он не промолчать и всё испортил. А, как хорошо всё начиналось.

Глеб положил мою ногу боком на своё колено, а я закусил губу и вцепилась в плед. Вторую ногу я поставила на кровать и уткнулась в коленку лбом.

Снайпер делал всё осторожно, не причиняя боли, и я улыбнулась. Такая забота поражала.

Когда он закончил обрабатывать рану, я вздохнула с облегчением. Только тогда я и посмотрела на него. Он вытащил бинт и стал осторожно забинтовывать мою ногу, делал он это так легко и нежно, что я просто растаяла.

— Спасибо, — сказала я тихо, слегка охрипшим голосом и прокашлялась. Он кивнул, но следующая его фраза просто разрушила всю сказочность момента.

— Выкинешь такой фокус ещё раз, Золотко, пеняй на себя.

Правда, сказал он это совершенно не убедительно, и я поняла, что этот раунд я выиграла! Не смотря на всю опасность и на своё весьма плачевное положение, игра мне понравилась, и я подумала мысленно ухмыляясь:

«Один-ноль, Снайпер»

Глеб пошёл обратно к двери, прихватив с собой весь инвентарь, уже выходя, обернулся ко мне, сказав:

— Теперь это твоё временно место жительства. Сходи в душ, там есть халат, а вечером тебе привезут одежду.

— А как ты узнаешь мой размер? — съязвила я.

— Было бы, что узнавать, — насмешливо ответил он мне. — Один-один, Золотко.

«Вот сволочь!», — с улыбкой на губах подумала я, когда дверь за ним закрылась и плюхнулась на кровать, просто глупо улыбаясь.

Эта игра уже начинает мне нравиться! Правда ценой моего проигрыша, будет моя жизнь, но сейчас меня это не волновало. Совершенно не волновало!

5 глава.

Я решила воспользоваться предложением Глеба и всё же сходить в душ. Ну, как сходить, скорее, доковылять, ну или допрыгать.

Я всё же поднялась с мягкой постели, хотя мне этого не хотелось. Очень не хотелось! Это намного лучше, чем куртка в холодном подвале.

Видимо, Снайпер решил сменить тактику боя. Поменял правила игры. Похоже, Денис и собирался отвести меня в эту комнату, но я так не вовремя решила сбежать и возможно так просто бы я не отделалась, если бы, не поранила ногу. Вот поговорка: «не было бы счастья, да несчастье помогло» и оправдала себя.

Теперь, к сожалению, побег невозможен, я не могу спокойно стоять, а уж бегать и подавно. Ну, ничего, я придумаю что-нибудь ещё. Я же умная девушка.

Сначала нужно осмотреть комнату. Я попыталась встать на ногу полностью, но мне было жутко больно, осколок Глеб вытащил, но теперь этот порез не даёт мне спокойно жить. И передвигаться заодно!

Пришлось прыгать до окна, чтобы убедиться в том, что его не открыть. Нет ни створок, ни ручек, чисто одно, большое окно, встроенное в стену! Я постучала по стеклу и реально чуть не засмеялась. Оно было пуленепробиваемым и теперь у меня вопрос: зачем Снайперу пуленепробиваемые окна, притом, что калитку он не запирает?!

Конечно, после моего неудачного побега, он будет осмотрительнее, но всё же? Для кого этот дом стоился? Да, это был риторический вопрос — конечно же, для бандита, который является жестоким, циничным, хладнокровным убийцей! Хотя, некоторые его поступки меня смущают и смущают конкретно!

Например: этот инцидент с побегом, он ведь мог зашвырнуть меня в тот холодный подвал, привязать к стулу и никаких проблем, но нет, он переселил меня в эту роскошную комнату, да ещё и занимался врачеванием. Хотя это может быть просто умный ход, но мне не хотелось верить в это. Не хотелось верить в то, что со мной он остаётся тем же убийцей. Там в подвале, где был Руслан, Снайпер был Снайпером, а потом, рядом со мной он был Глебом. Мне хочется, чтобы это была не маска, мне хочется, чтобы это была не игра моего воображения, я хочу, чтобы он всегда был со мной собой, а не тем Снайпером, каким его привыкли видеть в том грязном мире денег и власти!

Мне хочется рассказать ему кто я и посмотреть кто он на самом деле, но если я ошиблась, то под удар попадёт отец, а этого я себе никогда не прощу. Пусть лучше пострадаю я, чем те, кого я люблю! Мне нравится Глеб, дико нравится, но у нас нет шанса, даже, если я захочу и откроюсь ему, между нами всегда будет пропасть, которую можно преодолеть только совместными усилиями, но опять, же я не уверена в самом Глебе! Я не знаю, что он испытывает ко мне! Влюблённость? Или же это просто влечение?

— Так, Тина, не забивай себе голову, этими глупостями! — призвала я себя к порядку. — Между вами ничего нет и быть не может!

Если я не возьму под контроль свои чувства, свою тягу к нему, то я просто проиграю в этой смертельной игре и открою ему все карты! Окрою ему себя!

Господи, как я могла так быстро сойти с ума? Я теряю контроль рядом с ним и ничего поделать с этим не могу, как бы ни пыталась.

Я покачала головой в отчаянии. Я не знаю, что мне делать со своим сердцем, ведь когда

я увидела в глазах Глеба заботу, нежность, ласку, во время того, как он бинтовал мою рану, я чётко осознала, что влюбилась! Влюбилась в эти глаза. Влюбилась в этого наглого, высокомерного, дерзкого, бандита! Да я влюбилась, как малолетняя девчонка, но знаете, я не жалею об этом! Я приняла эту истину и дышать стало легче, но я, ни за что не покажу ему своих чувств, пока не буду уверенная в ответных!

«Да, попала ты, Тинка», — подмигнула я своему отражению в стекле и вздохнула, будто освободившись от тяжёлого груза, что лежал на сердце.

Развернулась обратно в комнату и попрыгала к двери, осмотрела её и, конечно, замочная скважина отсутствовала!

Да сколько же можно, в самом-то деле? Сначала, в подвале, теперь ещё и здесь! Вот гад, не единого шанса на побег не оставил! А хочется ли мне теперь убежать, так это отдельный вопрос.

Всё хватит, пора в душ! Пришлось ковылять, потому что от моих прыжков было много шума. Это было очень сложно и я, если честно устала, потому что постоянно оступалась, задевая больные места! А, как я брюки стаскивала, так это вообще отдельная история! Три раза, чуть не упала! Но в итоге (слава Богу) без происшествий я все, же достигла места назначения и даже нашла халат, он висел на крючке у входной двери, тут, же и огромное махровое полотенце, я подхватила это всё и повесила на крючок у душевой кабины. И вот, наконец, я ощутила невероятное блаженство, под тёплыми струями воды.

Вода смывала всю усталость, всё напряжение и все тревоги! Здесь кстати был шампунь и гель для душа, что я отметила сразу, так это то, что и гель и шампунь женский, но не тронутый, прямо как и вещи в комнате.

«Да, а Глеб подготовился! Как мило с его стороны!», — съязвила я, но скорее из вредности.

Выключила воду, насухо вытерлась полотенцем, жаль повязка на ноге пострадала, но мне было на неё плевать, мне было так легко и хорошо, что и о ране думать не хотелось. Закуталась в белоснежный, пушистый халат, приятно пахнувший лавандой. Голову я высушила феном, который нашла в шкафчике, который скрывался за зеркалом на стене. Вот это всё очень настораживало, но я так устала, что думать или прилагать вообще какие-то усилия, мыслительные и физические просто откровенно было лень.

Поэтому я вот так завёрнутая в халат с мокрой повязкой на ноге доковыляла (ну, прямо калека) до кровати и плюхнулась на неё поверх покрывала, сразу же вырубившись, события этого ну очень насыщенного дня сказались.

Проснулась я от того, что почувствовала чужой взгляд, пристальный, и сразу же поняла, кто это был.

Хотела открыть глаза, но поняла, что мне в лицо бьёт свет от светильника с тумбочки. Поэтому и дальше стала притворяться спящей и осторожно приоткрыла глаза. Глеб сидел в одном из кресел и как, оказалось, смотрел вовсе не на меня, а в стену над моей головой. Он был задумчив, а взгляд у него был такой же, когда мы были в подвале с Русланом: пронзительный, жестокий, стальной, тот самый взгляд, от которого у меня бегут мурашки страха по коже. Я поёжилась, и тут Глеб перевёл свой взгляд на меня, но в этот раз он был не таким, совсем другим, не понятным мне, но не таким пугающим и я расслабилась. Открыла глаза и зажмурилась, потянулась, делая вид, что только что проснулась. Села на постели и вздрогнула, будто только сейчас заметив Глеба, опустила глаза, потом перевела взгляд на окно. Была ночь, виднелись лишь в отдалении огни ночного города. Кстати, из моего окна

открывался прекрасный вид, что я, просто, тупо залюбовалась и чуть не пропустила вопрос, который мне задал Глеб.

— Как нога? — прозвучал он вроде бы между прочим, чтобы хоть с чего-то начать, но я услышала в голосе нотки тревоги и нежности и сейчас была уверена, что мне это не кажется! Поэтому я улыбнулась, искренне и обернулась к нему, заглядывая прямо в глаза, которые сейчас, казались тёмными, цвета шоколада.

— Болит, немного, но терпимо, — тут Глеб вдруг поднялся и подошёл к постели. Сел на край кровати и спросил, пристально смотря в мои глаза:

— Кто ты такая, Золотко? — вы просто не представляете, как мне хотелось ему сказать, но я просто испугалась, поэтому просто поджала губы и вздохнула.

— Я не могу сказать, правда, — снова взгляд к окну. — Не сейчас.

Он ничего не ответил, просто встал и пошёл к двери, правда уже у неё развернулся и сказал:

— Красивые ножки, Золотко.

Я тут же хотела одёрнуть коротенький халатик, который и так задрался, мама не горюй, но тут поняла, что именно он сказал, и с улыбкой швырнула подушку в него. Которую он ловко поймал и так же с улыбкой швырнул обратно, но попал как это не странно прямо в меня, ведь я её поймать не успела!

— Два-один, — сказал он это с улыбкой, которая, наверно, покорила не одно девичье сердце, и моё не стало исключением.

Нет, ну почему он такой разный? То жестокий, то нежный! Ох, я докопаюсь до этой тайны! Докопаюсь! И, кажется, сейчас я начала понимать, почему он такой и, чтобы увериться, спросила, когда он уже отвернулся от меня.

— Глеб, чья это комната? — он замер и я поняла, что попала прямо в цель. Он напрягся и, не разворачиваясь, ответил:

— Моей сестры, — по его голосу я поняла, что расспрашивать дальше не стоит. Он не ответит.

Он вышел и запер дверь. Значит, у Глеба есть сестра, хотя нет, судя по комнате, была. Но, что случилось? У Снайпера спрашивать нет смысла. По его реакции, явно случилось что-то очень серьёзное и это запретная тема, но я не буду собой, если не узнаю. Может, не у самого Снайпера, но узнаю!

Я хотела сходить умыться и тут с краю от постели заметила три коробки. Обычные коробки, как из-под обуви, только больше. Конечно, я сунула свой нос внутрь и убедилась в том, что эта одежда.

Любопытство пересилило усталость, и я стала изучать содержимое тщательнее. Одна коробка была с нижним бельём разной расцветки и фасона, всё пристойно и на удивление моего размера!

«Вот как он это сделал?!», — восхитилась я. Мне бы такое умение, вот, в самом деле! Я сразу же надела первый кружевной комплект, а поверх накинула всё тот же халатик.

В другой коробке были обычные чёрные балетки, голубые кеды и босоножки на платформе.

«Это он меня так к побегу готовит, что ли?»- засмеялась я.

Ну, а в третьей коробке были летние брюки, белого цвета, блуза нежно-розовая, спортивный костюм, чёрного цвета, мешковатая футболка, синего цвета со стразами и зауженной талией и ещё парочка коротеньких шортиков.

Вот шортики и футболку я и надела. Всё-таки сходила (хромая, естественно) умыться и расстелив постель, нырнула под тёплое одеяло и быстро уснула, не думая, что меня ждёт завтра, отбросив все мысли проч.

После этой ночи обо мне будто забыли, на долгих четыре дня! Ну, как забыли. Ден, заходил, приносил мне еду. Он был хмур и немногословен, когда я пыталась с ним поговорить, смотрел на меня таким взглядом, что все вопросы сразу же исчезали! Он приносил еду, сидел со мной в полной тишине ждал, когда я доем и так же молча, уходил. Ещё заходила женщина неопределённого возраста и убирала комнату, меняла повязку на моей ноге (рана, кстати, к этому времени уже зажила), она тоже молчала, как-то разговаривать её у меня не получалось, она меня тупо игнорировала, так что о просьбе о помощи и речи быть не могло.

Глеб не появился ни разу, будто забыл обо мне. Для меня эти четыре дня были Адом. Во-первых, мне было банально скучно и жарко ведь окно-то не открыть, а сейчас лето и оно как раз находилось с солнечной стороны. Спас меня от этого кондиционер, который, оказывается, был в комнате, но о нём я узнала только на второй день от Дена. Во-вторых, меня очень тревожило долгое отсутствие Глеба в моих временных пенатах.

Я, могла бы подумать, что так на него подействовал наш разговор, где ему пришлось вспомнить о сестре, но я знала, нет — я чувствовала, что дело было в другом. Сейчас что-то происходило, что-то странное. Я уверена, что в этом и причина мрачного настроения Дена и не появления Глеба. Что-то случилось и я не знаю, связано это со мной или нет. И мне было банально страшно узнавать, но и эта ситуация, это неведение, просто бесило! Я уже готова была на стенку лезть от напряжения! Сердце сжималось от плохого предчувствия!

Я никак не могла понять, что меня тревожит: одиночество, скука, страх или же осознание того, что через какие-то три дня вернётся Иришка, а я нет! Что будет тогда? Как мне выкрутится из этой ситуации? Ответа на эти вопросы я не знала. Я хотела разобраться во всём, но такой возможности мне просто не дали.

Был уже поздний вечер четвёртого дня, и я решила снять напряжение, нежась в горячей ванне.

Набрала в джакузи тёплую воду и опустилась в неё, чувствуя долгожданное освобождение. Не знаю, сколько я так пролежала, но точно долго, потому что вода успела хорошенько остыть, поэтому я закруглилась, сходила в душ, высушила волосы и вышла в комнату в одном белье.

Взяла шортики и встала перед огромным овальным зеркалом, которое по моей просьбе сюда принёс Ден.

Осмотрела себя придирчиво. Ведь все эти четыре дня я ни разу не подумала о своей форме, но, слава Богу, моя фигура не претерпела изменений, такая же красивая и подтянутая. Но всё, же не стоит забрасывать свои тренировки. И так уже устроила себе отдых, правда только физический. Теперь нужно с моральным отдыхом, что-то делать. Я перекинула волосы на одно плечо и тут заметила, как открывается дверь. То есть увидела самый краешек двери, потому что зеркало стояло так, что этот участок комнаты еле захватывало. Я даже не растерялась, потому что точно знала, нет, чувствовала, что это именно Глеб! Поэтому я (плутовка эдакая) решила его, немного подразнить и заодно отомстить за долгое отсутствие.

Я выгнулась, так чтобы все мои достоинства хорошо просматривались, наклонилась и медленно стала натягивать шорты, очень медленно и дразняще.

«Ага, это было так незаметно, будто я каждый день так делаю», — мысленно засмеялась я. Да, это была открытая провокация, ребята! Но сейчас мне этого хотелось, мне это нравилось. Играть с ним, дразнить.

Я натянула шортики, с улыбкой выпрямилась, поправила волосы и резко развернулась, думая, что Снайпер всё ещё стоит у двери, но когда я обернулась, то сразу же попала в плен его рук. Да-да, он подошёл так тихо, что я его даже не заметила! Я испугано (ага-ага, типа) подняла на него свои глаза и потерялась, потерялась в его взгляде, полном желания, вожделения и... и безграничной ласки! Да-да, именно ласки! Я не могла поверить в это!

А ещё я заметила на его лице усталость. Небольшая щетина, мешки под глазами, всё это доказывало мою теорию о том, что эти четыре дня и для него были Адом, правда, по другой причине, что-то явно случилось. Его руки на моей талии были очень напряжены, он был напряжен. Видимо, так сказалась усталость и моя игра с ним. Мне очень захотелось помочь ему, к этому меня подтолкнул ещё и взгляд, совсем не как у хищника, каким он был там в клубе! Сейчас он был мягким, нежным, с толикой усталости, которую Глеб пытался скрыть. Я, поддавшись чувствам, которые охватили меня, привстала на носочки. Одну руку положила ему на плечо, другой слегка притянула его лицо к своему, зарывшись пальцами в мягкие волосы и массируя кожу головы, очень нежно, едва касаясь, прикоснулась губами к его. Щетина приятно царапнула кожу, от Глеба не последовало никаких действий, лишь его руки сжали мою талию крепче, а я углубила поцелуй, закрыла глаза, чтобы почувствовать все эмоции, что переполняли меня, когда мужчина мне ответил. Это было подобно полёту, невероятно, опьяняюще, как и всегда рядом с ним. Я просто тону в нём! Я хочу ощутить больше, мне нужно больше чувств!

Я спустилась свободной рукой вниз, проведя по груди Глеба пальцами, и забралась рукой под его футболку, чтобы почувствовать тепло его тела, ощутить его настоящего! Он же в свою очередь, стал нежно гладить мою спину, плечи, руки, а потом отстранился и обнял, зарывшись носом мне в волосы. Так мы постояли немного, и тут Глеб сказал тихо, но очень чувственно:

— Мне надоели эти игры, — вот таким он мне нравился больше.

Это был он настоящий, и я ответила, точно зная, что последует за этим, и я была к этому готова. Мы оба этого хотели, мне осталось только сделать шаг ему на встречу, и я сделала, оставляя все сомнения, где-то далеко.

— Мне тоже, — Глеб тут же подхватил меня на руки и понёс в сторону кровати. Опустил на неё очень осторожно, как будто я самое ценно сокровище, которое только может быть.

— Ох, Золотко, что же ты со мной делаешь? — спросил он, покрывая моё лицо поцелуями и спускаясь к шее, а меня переполняли чувства, что ответить я бы не смогла.

Я стащила с него футболку, любуясь шикарным телом и проведя кончиками пальцев по красивому рельефу мышц. Глеб стал покрывать моё тело поцелуями, лаская, глядя, заставляя распалиться меня ещё сильнее. Ни с одним мужчиной я не чувствовала, того, что чувствую с ним! Я плавилась в его руках, растворялась, горела в этом огне! Я знала, что вместе нам не быть, но я ни за что не пожалею о случившемся! Пускай завтра нам будет сложно, пускай завтра вся эта сказка закончится, да пусть хоть весь мир рухнет, мне всё равно! Главное, что сейчас есть я и он! Я ни на что не променяю этот миг!

Теперь я уверена в его чувствах ко мне, теперь я чётко вижу в его глазах не только влечение, но и любовь! Любовь, которая сжигает меня и его изнутри! Мы грим в этом

пламени вместе! Если завтра мне придётся сгореть, я сгорю! Рядом с ним, только рядом с ним! Теперь я ни за что его не потеряю! Теперь я принадлежу, только ему! Теперь, я его собственность, навсегда!

6 глава.

Знаете, как приятно просыпаться в объятиях любимого человека? Это просто блаженство, ни с чем несравнимое удовольствие! На самом деле я проснулась от того, что мне в глаза било солнце и только потом вспомнила события прошедшей ночи и с улыбкой открыла глаза. Глеб лежал на боку и смотрел на меня, перебирая пальцами прядь моих волос. Я этого совсем не ожидала, вчера я думала, что он уйдёт, а нет, он дожидался, когда я проснусь и не будил, а просто лежал и смотрел на меня.

Я закусила губу, потому что просто не могла сдержать улыбку! Я так никогда не улыбалась ещё! Мне только и хотелось, что улыбаться!

«Дайте мне кто-нибудь лимон, пожалуйста!», — подумала я.

— Доброе утро, Золотко, — сказал Глеб хриплым со сна голосом и нежно провёл своей рукой по моей щеке.

Сначала, я хотела потянуться к нему, чтобы поцеловать и уже потянулась, но в последний момент, когда наши губы уже почти соприкоснулись, я решила отомстить ему за «красивые ножки» (даааа, я злопамятна!), поэтому быстро вскочила. Взяла, второе покрывало и завернулась в него так, чтобы при ходьбе одна сторона сползла с плеча, оголяя его. Взяла вещи, которые планировала надеть, всё это медленно, скучающе. Снайпер, наблюдал за моими действиям очень пристально, не сводя взгляда с моего тела, а я, мысленно потирая ручки, готовилась к великой мести.

Я медленно направилась в сторону ванной и как я и предполагала, простыня свалилась с плеча и я улыбнулась, ну очень предвкушающе. Включила свет, обернулась на Глеба с призывной улыбкой и скрылась в ванной, только слегка прикрыв дверь. Выждала пару минут, прислушиваясь к звукам в комнате, потом закрыла дверь плотнее и защёлкнула щеколду так, чтобы и в комнате было слышно.

Потом улыбнулась и крикнула:

— Два-два, — из комнаты послышался мужской смех.

Вы не представляете, как я сейчас была счастлива! Счастлива, как никогда на свете! Я впервые в своей жизни почувствовала себя по-настоящему живой! Это так здорово влюбляться и точно знать, видеть, что и ты любима!

Я повесила вещи на крючок, скинула простыню и забралась под тёплые струю воды. Такое блаженство! Осознание того, что мы сделали, только сейчас накатило на меня, и я вдруг подумала:

«Отец меня убьёт», — но знаете, это совершенно не пугало! Если нужно будет отдать жизнь за него, я её отдам, потому что знаю, он поступит так же! Я доверяю ему, доверяю себя, свою жизнь, но не свою тайну!

Пока я не готова к этому, поэтому я морально готовилась к тяжелому разговору, пока мылась, пока сушила волосы, пока одевалась.

Но так и не была готова, ещё минуты две постояла перед закрытой дверью, чтобы привести в порядок дыхание, чтобы руки хоть немного перестали трястись.

— Ладно, Тинка, соберись! Ты не трусиха, — прошептала я себе под нос и вышла в комнату.

Глеб в шикарном, дорогом, офисном костюме сидел в кресле, закинув ногу на ногу и

пил кофе.

Сейчас только смятая постель напоминала о прошедшей ночи, ну и моя довольная физиономия, конечно. Когда я его увидела, снова потерялась!

Ну, почему это происходит только рядом с ним?! Раньше меня бы это раздражало, но сейчас я получала кайф от этого. Глеб нужен был мне как кислород, он действовал на меня как наркотик, я зависима от него. Он действовал на меня опьяняюще, и я была готова подчиниться ему.

На тумбочке у кровати стоял поднос с завтраком, который приятно пах, свежесваренным кофе и тостами. Я натура в прицепе не любящая романтику, и то растаяла!

Снайпер, заметив мой взгляд, сказал:

— Поешь, — вроде он был расслаблен, но в голосе было напряжение, он точно так, же как и я готовился к неприятному для нас обоих разговору. Да, я могла бы всё рассказать прямо сейчас, в нём я была уверена, а вот в себе нет, потому и медлила.

Я застелила постель и плюхнулась на неё, скрестив ноги по-турецки.

Я медленно растягивала завтрак, долго ела омлет с тостами, а потом ещё очень долго потягивала кофе, получая от этого удовольствие. Утреннее солнце заглядывало в окно, согревая своими лучами моё лицо, я попивала кофе и шурилась от солнца, как кошка, добравшаяся, до сметаны.

Когда я, наконец, отставила чашку на поднос, Глеб встал с кресла и, подойдя, так же поставил свою кружку на поднос и встал рядом со мной, я опустила глаза в пол, чтобы не встретиться с ним взглядом и не потерять снова.

Но у Снайпера были другие планы, он нежно за подбородок поднял моё лицо, буквально, заставив, посмотреть на него.

— Давай, Золотко, рассказывай. Теперь уже нет смысла отмалчиваться. Я же всё равно узнаю, кто ты, теперь-то точно. Не усложняй мне задачу, — я сглотнула и прокашлялась, в горле вдруг встал противный ком.

— Глеб, я прошу тебя, дай мне ещё немного времени. Я должна разобраться... разобраться в тебе, в себе, в нас, взвесить все «за» и «против», но я прошу не заставляй меня говорить сейчас. Я не смогу быть полностью откровенной с тобой, именно сейчас, — упрямо говорила я. У Снайпера потемнели глаза и он, опустив мой подбородок, сжал кулаки от злости, и я поняла, что нужно ещё что-нибудь сказать. — Пойми меня, пожалуйста! На меня столько навалилось. Со мной в жизни никогда такого не происходило! Ты заставил меня ощутить на себе весь спектр эмоций, и сейчас это всё свалилось, мне нужно прийти в себя, разобраться, понять. Всё понять!

Сейчас я чувствовала себя настоящей дурой! Это ведь так просто сказать: «Я Тина Серебрянская, дочь твоего врага, но я тебя люблю и хочу быть с тобой, не смотря ни на что!». Хотя нет, ни черта это не просто! Я должна сначала услышать от него о его чувствах ко мне! Пусть он скажет, что испытывает ко мне! А там посмотрим.

— Ладно, Золотко, я дам тебе время, — сказал он, сжав зубы, и пошёл к двери, а я улыбнулась, он зол, но он сдержал свою злость, ради меня, из-за меня! А это очень дорогого стоит. Правда, дверью он хлопнул так, что стены пошатнулись. И ещё Глеб не запер дверь! Представляете?

Он дал мне выбор, дал время! Я могу сейчас уйти, просто уйти ничего не объяснив, он отпустил меня, а могу остаться и всё ему рассказать!

Но уйти это слишком просто, а рассказать слишком сложно! Но я никогда не выбираю

лёгких путей. У меня было три дня, для того, что бы сбежать, теперь же у меня есть два, что бы во всём разобраться, чтобы всё рассказать. Не сразу, но я это сделаю.

«Почему не сразу?», — спросите вы. Да, всё просто, я хочу заставить его помучиться, так как он заставил мучиться меня! Сейчас нужно показать Глебу, что я остаюсь, что я не уйду, что мне важно то, что будет с нами дальше.

Я около двух часов пролежала на постели, тупо пялясь в потолок, с улыбкой на губах накручивала прядь волос на палец и обдумывая всё. Если вдруг я не наберусь смелости, то смогу, наверное, позвонить Ирке и сказать о том, что я решила ещё куда-нибудь зарулить и тогда у меня будет больше времени.

Да именно так я и поступлю. Я поднялась, размялась, тело приятно болело, надела спортивный костюм, кеды и вышла из комнаты.

На втором этаже было пять дверей, одна из которых вела в мою комнату, был огромный коридор, на полу (тут уже зелёная) ковровая дорожка, но на фоне стен с позолотой и нарисованной на ней металлической стеной обвитой лозой — это смотрелось очень гармонично. Такой рисунок на всю стену, меня сразу покорило, казалось, будто здесь на стене действительно эта решетка. Просто шикарный 3D эффект! Просто представьте огромный широкий коридор, стены которого буквально оживают. Ещё на стенах висели прямоугольные зеркала, зеркала от которых отходили светильники, да это же просто антиквариат, сейчас такие очень сложно найти, уж я-то знаю. А ещё здесь в конце коридора с обеих сторон были огромные окна, свет от которых освещал абсолютно всё пространство!

Посередине этого чудесного коридора (из которого мне просто банально не хотелось уходить) вниз спускалась лестница, широкая, большая, с витиеватыми перилами, покрыта ковровой дорожкой. Всё чисто, прямо плюнуть некуда. Внизу большой холл, в стороны отходят два коридора. Пол покрыт отполированным паркетом, кажется, в нём даже отражение своё можно увидеть, на потолке огромная хрустальная люстра. Мебель тоже самый настоящий антиквариат!

Я закатила глаза. Дааа, меня зависть гложет! Хотела бы я жить в таком доме. Огромная двустворчатая дверь прямо передо мной была распахнута настежь и открывала вид на огромные металлические ворота, которые сейчас были закрыты.

Так теперь нужно сообразить, куда повернуть налево или направо. Я хочу прогуляться по саду и наконец-то подышать свежим воздухом! Я всё же не комнатное растение и мне нужно хоть немного свободы. Решила свернуть направо, но ошиблась в выборе направления, потому что в той стороне была гостиная, я успела увидеть только кусочек от неё, потому что решила идти в другую сторону, развернулась и тут, же в кого-то врезалась, (типичная Тинка). Я буквально впечаталась носом в широкую грудь, а не упасть мне помогли крепкие руки, держащие за локти. Я подняла глаза и хотела отшатнуться, но он мне не позволил, сильнее сжав руки.

— Всё-таки решила уйти, Куколка? — взгляд Дена меня откровенно пугал, было в нём что-то отталкивающее, и я слотнула. Он явно был чем-то недоволен! Только вот чем? И почему смотрит на меня так, будто это я виновата во всех смертных грехах? Я снова попыталась вырвать руки, Ден не сводил с меня взгляда и похоже только сейчас заметил, что причиняет мне боль. Он осторожно разжал ладони, напоследок проведя шершавыми пальцами по моим запястьям, и его взгляд смягчился.

Я поспешила списать это на то напряжение, в котором он был эти четыре дня (а не следовало, но об этом я узнала позже, намного позже).

Я расслабилась и попыталась улыбнуться (надеюсь, хоть убедительно).

— Нет, я не уйду, — после этих слов я отвернулась от Дена и улыбнулась уже по настоящему, искренне. — Просто хочу прогуляться. Но я, похоже, выбрала не, то направление и хотела вернуться, но ты мне так бесцеремонно помешал.

Тут я снова повернулась в его сторону и ткнула ему в грудь пальцем. Надо бы его опасаться, но я точно знаю, что он ничего мне не сделает, даже если захочет, всё равно не сделает, не зря же я на курсы самообороны ходила.

— Ну, прости, Куколка, что ты так резко развернулась, — засмеялся он. — А, куда ты хотела пойти прогуляться?

Последнее слово он по-особому выделил.

— В сад, — проигнорировала я его издевательские интонации.

— Ну, пойдём тогда. Между, прочим, Куколка, сад расположен полукругом, поэтому ты можешь с любой стороны к нему выйти.

«Вот как будто я могла об этом знать!»- мысленно съязвила я, а вслух ничего не сказала, а вот Ден своим вопросом удивил.

— Что у вас с Глебом произошло? — я вопросительно подняла брови, совершенно растерявшись от такой резкой смены темы. — Он вылетел от тебя злой как чёрт.

— Не понимаю о чём ты, — улыбнулась я, не собираясь даже обсуждать наши отношения с Глебом, тем более их пока и нет и тем более с Деном!

— Да? — насмешливо поинтересовался он. — Неужели, ты, Куколка, даже не замечала тех взглядов, что Снайпер на тебя кидал?

— Конечно, замечала, — кивнула я, потому что поняла, что просто так он не отстанет. — Только думала, что это всего лишь игра моего воображения.

— Я тоже думал, что это только игра моего воображения, — вдруг хмыкнул Ден, как-то удовлетворенно, что не могло не насторожить, но меня представьте, не насторожило, и поэтому я задала ему вопрос.

— А сейчас, что? — и хитро так улыбнулась, уловив возможность немного разведать обстановку. Понять, как Глеб отреагировал на моё молчание.

— А сейчас я уверен, что мне это не показалось. Ведь, Снайпер приказал, если ты решишь уйти не препятствовать тебе, а просто отпустить. А он никого никогда не отпускает, не добившись желаемого, Куколка, — проговорил он, задумчиво смотря на меня, и кивнул в сторону коридора. — Пошли.

Когда мы проходили мимо гостиной он вдруг схватил меня за руку и остановился. Тут я услышала голоса, доносящиеся из комнаты, один точно принадлежал Глебу, другой мужской голос был мне не знаком. Ден потянул меня внутрь и остановился, когда Глеб и его посетитель нас заметили.

— Покажу нашей Куколке, красоты сада, Снайпер. Девочка, решила остаться, — Глеб кивнул ему, даже не взглянув в мою сторону (а я вдруг подумала: «обиделся»), а вот его посетитель мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти, не сводил с меня пристального, изучающего взгляда, который заставлял поежиться. Что этот человек пытался разглядеть? Почему смотрел так пристально? Хотя меня сейчас больше волновало, почему на меня не смотрел, тот, кто покорило моё сердце одним своим пронзительным взглядом. Ведь в ту нашу первую встречу в клубе, я сразу же попала в ловушку этих глаз, пронзительно карих.

Я не успела, даже всё это осознать, когда Ден схватил меня за руку и буквально выволок из дома. Я засмеялась от своей собственной реакции. Мне хватило только вспомнить эти

глаза, как я уже пропала, выпала из жизни.

Сад действительно располагался полукругом, здесь была и аллея из деревьев и две беседки увитые лозой, от Деня я узнала, что зимой сад выглядит ещё красивее. Мы присели в одной из беседок, ну то есть это я присела, а Ден стоял, облокотившись о перила, и курил. Я улыбалась, подставив лицо, тёплым лучам солнца и ловила кайф от этого. Я скинула кеды и вышла из беседки на мягкую траву, которая всё ещё была мокрой от росы. От ограды нас отделяла стена из деревьев, и казалось, будто в этом мире только я и природа, такая невероятная гармония. На сердце у меня было тепло и уютно, впервые в жизни я не хотела выбираться из этого плена. Да меня похитили только из-за моей глупости, и вы только посмотрите, чем эта глупость для меня закончилась, я нашла человека, которого люблю и который (о Боже!) любит меня, хоть его гордость и не позволяет в этом признаться. Я села на траву и подставила лицо приятному летнему бризу, который ласкал кожу.

Ну, как всегда все приятные моменты, всегда заканчиваются, и этот не стал исключением. Всё это умиротворение разрушил Ден.

— Интересная ты всё-таки девушка. То рвалась на волю, даже чары свои против меня использовала, а теперь посмотрите, у неё есть шанс, а она сидит и ничего не делает.

Это признаться меня очень удивило, и я проронила:

— Я получила свободу, как и хотела, а мне великодушно позволили остаться в этом роскошном доме, почему бы не воспользоваться предложением? — ну, не говорить же ему в самом-то деле, что я хочу добиться от Снайпера признания в том, что он готов всё для меня сделать. Ведь только тогда я буду уверена в правильности своих решений и смогу всё, без опасений, ему рассказать. И о том, как я по чистой случайности оказалась в клубе и о том, кто я и главное о том, что я его люблю. Ведь и я промолчала о своих чувствах. Но не из-за гордости, а из-за принципов (да-да, обычные женские принципы, типа: мужчина должен первым признаваться в своих чувствах).

Ден просто покачал головой, а я решилась, наконец, задать вопрос, который меня мучил:

— Денис, — почему-то Деном, я называла его только в мыслях. Наверное, потому что он представился мне. — Что случилось с сестрой Снайпера?

Тут Ден присвистнув, затушил сигарету, засунув её в карман джинсов, и посмотрел на меня с уважением.

— Ты не перестаешь меня удивлять, Куколка, — блин я уже успела привыкнуть к этому прозвищу. — Как про сестру узнала? Снайпер бы точно не рассказал.

— Ты же знаешь, в какой я комнате обретаюсь, — пожалала я плечами. — Мне было легко сложить два и два, потом обратиться к Глебу и понять, что попала в точку.

Тут Ден вдруг засмеялся, а я не поняла, что же такого смешного я сказала, но потом после его пояснения, как поняла и тоже засмеялась.

— Господи, Куколка, вы с ним так похожи. Ты так же метко стреляешь, как и он. Снайпером ведь его назвали не потому, что он метко из оружия стреляет, а потому что он всегда попадает в цель.

Когда мой приступ смеха прекратился, я спросила:

— И всё же, что с сестрой? — Ден тут же нахмурился, став серьёзным.

— Её убили, Куколка, как раз из-за его профессии. Большого я тебе не скажу, пусть Снайпер сам разбирается, но предупреждаю сразу, тема это очень болезненная.

Я кивнула, все, так как я и предполагала, а по взгляду Дениса поняла, что он и вправду

большого мне не скажет, поэтому перевела тему.

— Тогда, чем Снайпер занимается? Что это за профессия такая?

— Оу, это очень интересно, Куколка. Он занимается сбором информации на заказ. Я, подчёркивая он, не занимается заказными убийствами, он занимается сбором информации. Ему называют человека, переводят аванс, он всё о нём узнаёт, анализирует и выявляет самые слабые места и бьёт прямо в цель.

— И вправду интересно, — я вздохнула с облегчением. Значит, он, в самом деле, не собирался никого убивать. И вправду он попадает всегда прямо в цель, всегда метко стреляет. Он очень метко попал в моё сердце и украл его, навсегда. — А, что с Русланом?

Спросила я, чтобы окончательно уверится, что Снайпер, мой Снайпер, никого не убивает и не убивал.

— Тебя это действительно волнует? — с усмешкой спросил Ден, а я посмотрела на него осуждающе.

— Нет, просто спросила, чтобы разговор поддержать, — съязвила я.

— Да, ничего с Русланом страшного не произошло. Пересчитали ему косточки, пусть знает, чей это город и отпустили с обещанием не доставлять проблем. Всё, что нужно от него мы уже получили.

Я удовлетворенно кивнула и дальше в молчании стала наслаждаться прекрасной погодой. Почти всё, что я хотела, я узнала.

***

В это же время в доме.

Тинка вышла и только, тогда Снайпер смог расслабиться. Ему дико хотелось взглянуть на эту хитрую плутовку, которая постоянно дразнит его и которая заняла все его мысли. Сейчас он не мог думать о делах, но приходилось.

Вот уже четыре дня кто-то упорно под него копал, только вот Глеб никак не мог найти крысу. Он точно знал, что информацию сливает кто-то приближенный к нему. Они с Деном весь город перерыли, но ничего нужного не нашли и вот сейчас Глеб был вынужден обратиться за помощью к знакомому — Михаилу. В криминальных кругах известному, как Фартовый. Кличку он получил, потому что, не смотря на все свои преступления, ему всегда везло, и он спокойно легализовал свой криминальный бизнес в весьма законный, когда другие уже второй десяток лет на зоне топчут. Везучая мразь и очень опасная. И сейчас увидев дочь своего врага в доме Снайпера, мужчина не мог поверить свое очередной удаче.

— Снайпер, что за девка, а? — спросил он у Глеба, хотя и сам знал ответ.

Терминатор хорошо прятал своё сокровище на протяжении многих лет, его дочь знали, но никто никогда её не видел, она нигде с ним не засветилась, только раз. Терминатор взял девушку на совещание, как своего адвоката и тогда Миша Фартовый и отметил их сходство.

— Это имеет значение? — холодно поинтересовался, Снайпер, снова надевая свою маску.

— А, ты хоть знаешь, кто она? — со скрытой усмешкой спросил Фартовый, Глеб тут же всё просчитал и понял, что Михаил узнал, его девочку, он точно знает, кто она. И сейчас у Снайпера появилась отличная возможность понять, кто его любовь на самом деле.

— Так просвети, — спокойно и даже скучающе, спросил мужчина, не выдавая своих настоящих эмоций. И это ему давалось очень просто, только не рядом с ней, рядом с ней он не может быть таким, рядом с ней, такой настоящей и ему хочется быть настоящим. Он видел тот огонёк в её глазах. Когда она дразнила его, когда он касался её, она не прятала

эмоций, была собой. Хоть и не говорила кто она, но она была настоящей, не фальшивой, как все с кем у Снайпера раньше были отношения, нет, она совсем другая и только его, хоть пока и не догадывается об этом.

— Её зовут Серебрянская Тина, — с презрением произнёс Фартовый, а у Глеба сердце ёкнуло, он знал, что последует дальше и не ошибся. — Снайпер, отдай девку мне.

— Зачем, она тебе? — стальным голосом поинтересовался Глеб.

— Хочу, отомстить Терминатору, за всё. Мне везёт, это знают все и только с ним я промахнулся, но если у меня в руках будет его дочь, он получит сполна.

— Я подумаю, — отозвался Снайпер, заранее зная, что резкий отказ вызовет подозрения. Нет, сначала он должен поговорить с ней.

— А, что тут думать, Снайпер? — удивился Фартовый. — Тебе ведь Терминатор, тоже немало крови попортил, это отличная возможность заставить его ответить за всё. Только отдай девку мне.

— Я же сказал — я подумаю, — тоном, не терпящим возражений, закончил Глеб их разговор

***

7 глава.

Я пришла в комнату счастливая и полностью довольная своей жизнью. Сходила в душ, привела себя в порядок. Надела балетки, летние брюки и блузку. Волосы я заколола карандашом, который нашёлся на тумбочке. Встала у панорамного окна и выглянула на улицу, оно выходило в сторону окраины города, туда, где начиналась широченная река. Сейчас в ней отражались солнечные лучи. На душе так спокойно и умиротворённо. Только вот было как-то тревожно, где-то вдалеке, отголоски тревоги. Очень странное чувство.

«Ты должна ему рассказать!», — твердил внутренний голос, подгоняя к этому решению. Сейчас или никогда.

Я кивнула своим мыслям и уже направилась к двери, когда она резко распахнулась и со всей силы грохнулась о стену, от чего я вздрогнула.

На пороге стоял злой, как чёрт Глеб. Мне так страшно стало. От его взгляда. Таким я его ещё не видела, в его глазах плескалась невероятная смесь гнева, ярости, ненависти, презрения, холода и все эти чувства были направлены на меня. Я знала, я видела, я чувствовала!

По коже пробежал холодок, руки задрожали, в груди неприятно защемило.

Я испугано попятилась назад, когда Снайпер стал на меня наступать. Всё ещё не веря в происходящее, я спросила, нервно растягивая слова:

— Глеб, что-то случилось? — взгляд его потемнел ещё сильнее, а я даже и не заметила, как дошла до стены и уперлась в неё спиной, нет, я буквально вжалась в неё, потому что чувствовала это дикое напряжение между нами, в воздухе будто витала вся эта плохая энергетика.

Я стояла, задержав дыхание, теперь уже боясь и рот открыть, казалось, что эта тишина, мёртвая тишина, как перед бурей. Стоит сказать слово и грозовая туча разразится молнией и громом. Да, сейчас я Глеба именно таким и видела: злым, как грозовая туча. Он молчал, но я читала по его глазам. В них была дикая ярость, злость, возмущение, но за всеми этими эмоциями я видела, боль! Да, боль и разочарование!

Что же всё-таки случилось, что сейчас он так смотрит на меня? Что я успела сделать не так? Чем я его разочаровала?

Я так испугалась, что непроизвольно вскрикнула, когда Глеб резко подлетел ко мне и схватив за горло, придавил к стене так, что весь воздух выбило разом. Из глаз брызнули слёзы, я зажмурилась и тут же услышала просто нечеловеческий рык:

— Смотри на меня! — рука на моей шее сжалась сильнее, перекрывая кислород. Я подняла руки и одной ладонью пыталась оттолкнуть Снайпера от себя, а другой вцепилась ногтями в его руку, чтобы он хоть чуть-чуть ослабил хватку, но он лишь усилил её. — Я сказал, смотри на меня!

И я распахнула глаза, по щеке тут же покатились слезы, но я не обратила на неё внимания, я была сосредоточена не его глазах, в которых было отвращение. Мне это очень не понравилось и я, пытаясь вдохнуть хоть крупицу воздуха, хотела отвернуться, но Глеб не позволил мне, схватив свободной рукой за подбородок, а я смогла найти в себе силы и прохрипела:

— Отпусти! — это прозвучало настолько отчаянно, что я сама удивилась. Я никогда не была так слаба, сейчас из меня будто выкачивают силу. Это не от явной потери кислорода, это от его взгляда. Глеб наклонился к моему лицу, всё ещё не ослабляя хватку, и жестоко спросил, чеканя каждое слово.

— Ты дочь Терминатора? — я испугалась и теперь уже двумя руками схватила Снайпера за руку, потому что почувствовала ещё совсем немного, и он задушит меня. Я была обессилена, а после того, как Глеб ещё и стукнул меня по стене спиной, оторвав от неё ненадолго, я подумала, что прямо сейчас свалюсь в обморок. — Говори, ну же! Ты Тина Серебрянская?

Он отпустил меня только после того, как я прохрипела: «да», оно вышло слишком тихим, но он расслышал и тут же отпустил меня, поморщившись, как будто я ему противна.

Я, получив долгожданный глоток воздуха, закашлялась, держась за шею, и буквально свалилась на колени, пытаясь отдышаться.

Кислород обжог все внутренности по щекам текли слёзы, я не могла отдышаться, горло болело от кашля, но я ничего не могла поделать. Глеб спокойно стоял у окна и смотрел на улицу, его будто совершенно не заботило моё состояние, но он явно был напряжён.

Меня одолевали чувства, среди них был и страх и облегчение. Страх от того, что теперь он узнал всё и самое главное не от меня, и он ведёт себя, так, будто ему плевать на меня, будто я для него испорчена, будто на мне клеймо! И... и как будто он брезгует прикасаться ко мне, об этом мне сказали его глаза, когда я прохрипела это несчастное «да»!

Но с другой, же стороны, мне легче от того, что он уже всё знает и мне не придётся ему рассказывать.

Правда, не такой реакции я ожидала, я думала, что теперь он... он любит меня и примет то кем я являюсь, но теперь он будто совсем другой, не тот кем был, не такой, не мой!

Я попыталась встать, но у меня резко закружилась голова, и затошнило, пришлось посидеть несколько минут, привалившись к стене с закрытыми глазами. Потом, когда меня немного отпустило, я переползла в угол комнаты и, придерживаясь рукой о стену, еле как поднялась, всё ещё ощущая дикую слабость. Только тогда Глеб обернулся, вот сейчас я и поняла, что он наблюдал за мной в отражение окна. Он сложил руки на груди и неотрывно смотрел в мои глаза.

— Ты должна была мне рассказать раньше, — холодно проронил он, сопровождалось это таким взглядом, что я поёжилась.

— Я собиралась, — всё ещё хрипло ответила я и снова закашлялась. Схватила одной

рукой за горло, второй всё ещё опираясь на стену, потому что если бы я сейчас сделала бы хоть шаг, то непременно бы упала.

— Нет, ты должна была рассказать мне сразу, — он снова подошёл ко мне, а я вздрогнула и отшатнулась. Теперь я была зажата в уголке, а Глеб нависал надо мной. Я дёрнулась. Я боялась его! Сейчас он был способен на всё! Только вот я не понимала причину его ярости, не понимала, как он узнал обо мне! А может это снова был блеф? Хотя о чём это я? Он бы не был таким, если бы просто блефовал. Нееет, он знает точно! Сейчас он резко взмахнул рукой (от чего я вжала голову в плечи) и со всей силы ударил кулаком в стену, сбоку от моей головы. Потом второй рукой больно сжал мой подбородок и склонился так, чтобы наши глаза встретились и зловещим шепотом продолжил:— В тот самый первый грёбаный день, Тина!

Я оттолкнула его от себя. Ну, как оттолкнула, он сам отошел, ведь у меня вообще сил не было, да я еле стояла!

Я сдула прядь с лица и стала выговаривать ему.

— И как бы ты отреагировал тогда? Как? — голос сорвался на крик, правда, было больно, но сердцу во сто крат больнее. — Ты же понимаешь, я не могла этого допустить! Мне не хотелось, чтобы меня использовали против отца! А ты именно так и поступил бы!

Он покачал головой, отворачиваясь от меня.

— Видишь, ты зол на меня из-за того что я это я и... — он не дал мне договорить, впервые за весь наш разговор, показав свои настоящие чувства: гордость, злость, боль, ярость, крикнув:

— Я зол не поэтому, — столько чувств было в этой фразе. И я замолчала, опустив глаза в пол.

Повисло напряжённое молчание. Глеб снова отошёл к окну, а я приходила в себя. Уже могла нормально стоять на ногах, поэтому подошла к нему сзади и положила руку ему на плечо.

— Глеб, мы справимся со всем вместе. Ты и я, потому что... — тут я замаялась немного, но потом уверенно продолжила:— Потому, что я люблю тебя!

Он вздрогнул. Резко развернулся, сбрасывая мою руку, и слегка отталкивая от себя.

— А я тебя нет, — это было как удар под дых. Всё перевернулось во мне, потому что я не могла прочесть ничего в его глазах, в них была пустота, полное равнодушие и холод, от которого становится не по себе. — Я добился от тебя всего, чего хотел, Серебрянская. Ты доставила мне ни с чем несравнимое удовольствие, но, ни на что другое ты, увы, не годишься.

Сказать, что мне было больно, значит, ничего не сказать! Да, у меня сердце разрывалось, в глазах щипало от подступающих слёз, но я не была бы собой, если бы, не вздёрнула подбородок и не посмотрела Снайперу прямо в глаза. Я не покажу ему, как сильно меня задела его слова!

Он развернулся и вышел из комнаты, захлопнув (но, не заперев) дверь. И только тогда из глаз хлынули слёзы. Руки тряслись, я отступала назад, будто бы пытаюсь уйти от всей этой боли, дошла до угла комнаты и сползла на пол.

Это было очень больно! Слёзы текли, не останавливаясь, душа болела нестерпимо, мне было сейчас больнее от его слов, чем от той боли, когда он чуть меня не задушил. Я призналась ему в своих чувствах! А он растоптал их! Он просто втоптал меня в грязь! Разбил, сломал, уничтожил! Почему же так больно? Почему именно я? За, что?... За, что он так со

мной? Почему так жестоко? Я ведь видела его эмоции до этого! В его глазах всегда был огонёк! Сначала была заинтересованность, потом увлечённость, потом зависимость и любовь, а сегодня только презрение и ярость, отголоски боли и совсем не следа от чувств! Как человек мог так изменить своё мнение, только узнав моё имя? Впервые в жизни я жалела, что родилась в своей семье! В первый раз в жизни мне было так больно! Я впервые в жизни плачу, впервые в жизни показала свою слабость, открыла свои чувства! И, что вышло в итоге? Пустота! Боль! Так, зачем вообще нужна любовь? Раз она приносит лишь страдания? Может, тогда вообще не любить? Ведь, я точно знаю, что мне никто кроме него не нужен, а он меня ненавидит, презирает, только из-за того, кто я есть! Только из-за того из какой я семьи! Сейчас, прямо в этот момент, мне захотелось умереть! Просто перестать дышать, потому, что без него дышать уже не хотелось! Жизнь перестала иметь какой-то смысл. Солнце за окном уже не дарило тепла, уже не светило так же ярко! Сердце разбилось на миллиарды осколков, и я не знала, как склеить их обратно! Всего одна лишь фраза и меня не существует, меня уже нет! На место любви и радости пришла боль и отравила кровь. Глеб завладел мной, забрался под кожу, украл моё сердце! Он пленил меня, чтобы причинить боль! Это не выносимо и я не могу это вынести. Я поднялась с пола и, шатаясь, пошла в ванную, всё расплывалось перед глазами от слёз. Я подошла к зеркалу и открыла шкафчик, ещё в первый раз, когда я обследовала его, заметила бритву. Я взяла острое лезвие и посмотрела на него сквозь пелену слёз, оно опасно сверкнуло на свету. Я пошла к джакузи включила воду и села на пол рядом. Мне было так плохо, что я почти не соображала, просто взяла и провела лезвием по ладони. Медленно вгоняя остree вглубь руки. Тут я почувствовала невероятную боль и очнулась от всего! Это было так неожиданно, что я сама очень испугалась, когда увидела кровь на руке.

«Как я могла? Никогда такого не было со мной!», — на меня вдруг обрушилось осознание того, что я только что хотела сделать! Я только что хотела покончить жизнь самоубийством, причём таким способом. Я ведь даже боли сначала не почувствовала! А потом, когда ощутило, это отрезвило, и я разозлилась на себя, на свою глупость!

«Когда я стала такой слабой? Я же, никогда не сдавалась, а что сейчас? Ведь, всё ещё можно исправить, а если я... Всё можно исправить!», — упрямо думала я, пока смывала кровь. Я морщилась от боли и боялась посмотреть на лезвие, которое сейчас валялось на дне джакузи!

«Всё теперь буду всегда бояться острых предметов!», — так Тинка вернулась, раз я уже шутить начала, значит точно в норме. Я сжала ладонь в кулак, потому что кровь не желала останавливаться и снова подошла к шкафчику. В нём была ещё и аптечка, только вот её мне принесли уже позже, когда нужно было регулярно обрабатывать рану на ноге.

Сейчас же мне она пригодится. Я вытащила перекись и стерильный бинт. Вообще-то это было бы смешно, если бы не было так страшно и больно! Просто одной рукой обрабатывать и заматывать другую руку не очень удобно, да и неприятно, я еле как кровь остановила. Порез слишком глубокий, придётся зашивать, но сейчас главное всё исправить, поговорить с Глебом. Наконец-то расставить все точки над «і».

Да, как я вообще могла так низко пасть сегодня? Как могла подумать, что это конец? Ведь я всегда по жизни иду с высоко поднятой головой, а сегодня я её опустила и мне стыдно из-за этого. Я не должна была быть такой слабой!

Я, правда, никогда в жизни не плакала, всегда всё принимала без слёз! Я была сильной и никогда не отчаивалась, а сейчас сплеховала! Ну, это ещё хорошо, что очнуться вовремя

успела! Теперь, я никому не позволю, так растоптать себя! Глеб, я уверена не этого хотел, не моей смерти! Он всё решил за нас, отказался от меня от чувств! Он принял решение и моего мнения не спросил, будто это он всё и всегда должен решать!

Ага, сейчас! Ну, я тебе устрою Глебушка! Сначала помирюсь с тобой, покажу тебе, что я не отступлюсь, а потом... а потом закачу истерику! Да закачу настоящий скандал! Ты получишь за каждую мою капельку крови, ты ответишь за моё сердце! Я добьюсь от тебя твоих настоящих чувств.

Я помотала головой, чтобы окончательно согнать хандру, все неприятные эмоции! Посмотрела в зеркало и ужаснулась. Глаза, опухшие и красные, как у кролика, губы обкусаны.

«Так, Тинка, надо привести себя в порядок! Чего это ты расклеилась? Это просто минутная слабость», — выговаривал мне внутренний голос и я с ним полностью согласилась. Умылась одной рукой, разгладила волосы, снова заколола их карандашом и пошла, искать Глеба.

Только спустилась на первый этаж, как тут же столкнулась с Деном.

— Ну, и кашу же ты заварила, Куколка, — тут же осуждающе, но с улыбкой сказал он.

— Меня зовут Тина, — хмуро отозвалась я. Не его я искала.

— Я знаю, Серебрянская, — ответил он, делая акцент на моей фамилии, я попыталась его обойти, но он не позволил, схватив за руки. Я его упорно игнорировала, пытаюсь вырваться и заглядывая ему за спину.

— Где Глеб? Мне нужно срочно с ним поговорить, — всё так же, не смотря на него, спросила я.

— Снайпер уехал, — спокойно ответил он и вдруг потянул меня на себя, что я покачнулась и навалилась на его грудь руками. Я охнула и только сейчас подняла на него глаза, Ден пристально вглядывался в моё лицо. — Что с рукой?

— Порезалась, — отмахнулась я, когда он взял меня за запястья, всё ещё не отпуская и не разрывая зрительный контакт. Я сжала кулаки. — Куда он уехал?

Ден покачал головой и только сейчас отпустил меня, отступил на шаг и провёл рукой по своим волосам.

— Он уехал по делам, Куколка, и неизвестно, когда вернётся. Он приказал не выпускать тебя из дома.

Тут во мне вдруг всё взбунтовалась. Значит, он нахамил мне, оскорбил, растоптал мою гордость, смешал с грязью, а теперь ещё и не отпускает, сволочь!

Ох, не представляете вы, как я была зла, сейчас! И естественно всю свою злость мне захотелось выплеснуть на Дена! Поэтому я как разъяренная фурия отскочила от него и взмахнула рукой.

— Вот так значит, да? Ну, нет — это, уже не в какие рамки не лезет, — Ден, хотел подойти, но я снова отскочила. — И, что ты сделаешь, Денис? Запрещь меня в комнате или снова в подвал отведешь?

Я упёрла руки в бока и яростно уставилась на него (для полноты образа не хватало только ножкой притоптывать), а он, скотина такая, спокойненько мне ответил, вот совершенно не обращая никакого внимания на мою вспышку гнева.

— Нет, что ты, Тиночка? Снайпер приказал тебя только из самого дома не выпускать, а так ты вольна делать, что пожелаешь.

От этого я признаюсь, растерялась и задала вопрос не глупый, но в этот момент из моих

уст он звучал именно глупо.

— Почему? — Ден с усмешкой пожал плечами.

— Ну, наверное, он хочет спустить пар, потом приехать и всё спокойненько с тобой обсудить. А ты прикинь теперь, что тебя здесь не будет. Так, что не торопись уходить, тебя здесь никто не удерживает, но дай ему возможность успокоится, — тут он щёлкнул пальцами. — Мне, кстати, тоже нужно уехать. Буду, завтра, так, что не скучай, Куколка, — он подмигнул мне и направился к выходу, который находилась за моей спиной. Когда он уже меня обогнал, вдруг проронил: - Не наделяй глупостей, Куколка. Из дома тебя всё равно не выпустят. И вот ещё что: он не заслуживает твоих слёз.

Я так и стояла спиной к нему и ждала когда хлопнет дверь и только после этого обернулась.

«Вот же пронизательный чёрт!», — подумала я со смешком и пошла в свою временную комнату. Настроения что-то делать всё равно, нет. Поэтому буду ждать Снайпера. И вот тогда-то он точно не отвертится.

Я зашла в комнату и выглянула в окно. Да с территории дома мне точно не выбраться, Снайпер позаботился об этом. Вокруг дома туда сюда шныряли его ребята с пушками. Вот они-то не Денис, церемониться не станут, скрутят и всё, хана Тинке. Я покачала головой, за это Снайпер понесёт отдельную плату.

Я вынула карандаш из причёски, кинула его куда-то в угол, переделась в шорты и футболку, и плюхнулась на кровать. Стресс пережитого дня сказался, и я сразу же уснула. Проспала я по ощущениям не больше двух часов, а вот проснулась от звуков выстрелов, которые доносились с улицы. Быстро вскочила, надела балетки, со сна ещё не совсем соображая, что делаю. Бросилась в ванную и заперлась в ней. Сполоснула лицо холодной водой, чтобы окончательно проснуться. Стала метаться по ванной в поисках, того чем можно защититься. Конечно, от пули меня ничего не защитит, но хоть какое-то оружие, придаст мне уверенности. Ничего такого не нашлось, и я просто возле стены присела на пол, облокотившись об неё, прямо напротив двери.

«Так, Тина спокойно, дверь в комнату ты не запирала, если тебе повезёт, то в ванну заглядывать не будут.

Выстрелы прекратились, а я напряглась, прислушиваясь к каждому звуку. Тут я услышала, как дверь моей комнаты распаивается, ударяясь о стену. Напряжённо задержала дыхание. Я слышала, как обыскивают комнату и переговариваются, но из-за бешеного стука сердца, не могла сосредоточиться и разобрать слова, по телу пробежал холодок, и я потихоньку встала с пола, не отрываясь, смотря на дверь.

Несколько минут ничего не происходило, и я уже была готова поверить в свою удачу, как дверь дёрнули.

— Чёрт! — шёпотом простонала. Дверь дёрнули сильнее, и я поняла, что щеколда не выдержит такого напора и мысленно принялась ругать Снайпера.

«Ну, неужели, нельзя было поставить нормальную дверь, с нормальным замком? Дом шикарный, а они деньги на хорошую дверь пожалели!».

Щеколда всё же не выдержала и дверь распаивалась. Я приготовилась к самому худшему, но то, что увидела, не укладывалось у меня в голове. На пороге ванной стоял начальник охраны моего отца, Станислав Петрович, которого в определённых кругах называли просто Петрович.

— Тина ты в порядке? — взволнованно спросил он и двинулся ко мне, а меня вдруг

захлестнула паника.

Я слышала выстрелы! Глеб! А если он уже вернулся? А если они его ранили? На меня начала накатывать истерика! И я закричала:

— Где Глеб?! Что с ним?! Что вы с ним сделали?! — я собиралась выскочить из ванны и бежать искать его, но у Петровича этого в планах не было. Он подчинился приказам моего отца и был не только начальником охраны, но и его правой рукой, самым близким к нашей семье человеком. Взгляд его ужесточился, и он больно схватил меня за руку.

— Тина, я прошу тебя, не сопротивляйся. Не показывай свой характер, сейчас не самое подходящее для этого время. Отец просил доставить тебя в целостности и сохранности.

Он вывел меня в комнату и передал в руки своим бойцам, ведь я всё же сопротивлялась. Вырывалась, кричала, кусалась, лягалась, да что я только не делала да всё без толку!

Меня запихнули в джип, который стоял у ворот, вообще-то их было три. Ничего рассмотреть я не могла, потому что моей целью было выбраться из этой передряги. Я волновалась за Глеба! Да, чёрт возьми — переживала! Даже в машине не могла успокоиться и в родительский дом меня тоже силком тащили. Оказывается наш коттедж, находится на другой стороне города, а я почему-то думала, что мы со Снайпером соседи, да вот так хорошо я ориентируюсь на местности.

Меня отпустили только внутри дома, к тому моменту моя истерика прекратилась, но страх за Глеба остался, но об этом нужно говорить с отцом.

Я знала, что сейчас они с мамой, скорее всего в гостиной и, не дожидаясь действий от папиных мальчиков, сама туда направилась, полная решимости узнать, как папа нашёл меня и самое главное, что с Глебом.

Уже вполне спокойная я вошла в комнату и увидела такую картину: мама стоит у окна, ежась, будто от холода, а папа сидит в кресле и пьёт виски.

Мама, как будто почувствовав моё присутствие, тут же обернулась и вздохнула с облегчением.

Подошла ко мне и крепко-крепко обняла, шепча:

— Моя девочка! Моя хорошая девочка, — я удивилась такому порыву чувств, обычно мама не проявляет такие эмоции, только в очень и очень редких случаях. Я обняла её в ответ. Мы постояли так немного, и она отстранилась, нежно взяла меня за подбородок и всмотрелась в моё лицо. — Ты в порядке, Солнышко? Он тебе ничего не сделал?

Я просто помотала головой, смотря в такие любимые, с детства голубые глаза. Мама у меня настоящая красавица из детских сказок. Прекрасная, подтянутая фигура, нет ничего лишнего. Идеально личико с острыми чертами и пронзительными голубыми глазами. Волосы, как шёлк, блестящие и нежные, сейчас заплетены в длинную косу. Просто представьте толстую, каштановую косу, любая девушка бы позавидовала. Вообще-то я пошла в маму. Всем: внешностью, характером, правда хладнокровие и некоторые увлечения мне достались от отца. Он сейчас как раз отставил стакан с недопитым спиртным на стеклянный журнальный столик и встал. Мой отец выглядел не хуже мамы, они оба идеальная пара. У папы очень красивое волевое лицо, мощный подбородок сейчас был покрыт небольшой щетиной, карие глаза, смотрели на меня с осуждением. Папа как всегда был в идеальном костюме, всё элегантно, с иголочки, темные волосы уложены. Всё в нём кричит о власти и силе, а взгляд проникает под кожу. Точно такой же взгляд и у Глеба.

— Андрей, — посмотрела на него мама и покачала головой. — Я прошу тебя, будь мягче.

— Не лезь, Варвара, — грозно одёрнул её отец, а у меня мурашки по телу пробежали. — Твоя дочь поступила очень безответственно.

Смотрел он на меня, но обращался к моей маме, будто, меня здесь и нет вовсе. Он так обычно делает, когда очень взбешен, но и я сейчас на ангела не похожа. Мама фыркнула, и сама прекрасно понимая всю ситуацию.

— Она и твоя дочь тоже, дорогой!

Мама хотела ещё что-то сказать, но папа вдруг резко подошёл ко мне и отодвинул мои волосы в сторону, а я запоздало вспомнила, что меня, сегодня душили. После такого на шее точно должны остаться синяки и похоже остались и самое страшное папа это заметил. Взгляд его потемнел.

— Это он сделал? — тут и мама заметила, а папа рыкнул, так, что я подпрыгнула от неожиданности: - Ему не жить!

Вот в этом я не сомневалась. Папа его точно убьёт! Он может! Поэтому я, сама, не отдавая себе отчета, вцепилась в его руку, теперь-то мне точно было известно, что с Глебом всё в порядке и прошептала:

— Не трогай его, пожалуйста!

— Как он посмел прикоснуться тебя? Сначала, похитил, потом силой тебя удерживал, а теперь ещё оказывается, что и бил.

— Пап, но как ты узнал? — быстро спросила я, чтобы увести тему в более безопасное русло.

Тут уже мама, заметив всё напряжение, взяла папу за руку, очень нежно, его взгляд тут же смягчился.

— Андрей, я прошу тебя, давай, я ей всё расскажу. Ты, можешь и лишнего наговорить, а потом будешь жалеть. Это мы уже проходили, дорогой! Сядь, расслабься, только не вмешивайся, — вот меня всегда поражала эта мамина способность. Я прямо удивилась сейчас. Папа, хоть и был хмур, но её все, же послушался и вернулся в кресло. Нет, ну смешно же! Сам Терминатор! Гроза города, бежит на поводу у обычной женщины! Кому расскажи — не поверят! — Отлично, — кивнула она и повернулась ко мне. — Тинуль, Иришка, вернулась в город на три дня раньше, — вот это было неожиданно и я нахмурилась. — Нам она сказала, что ты решила отдохнуть от нас подольше и зарулила в другую сторону, — тут она усмехнулась. — А зная, твой характер, для нас это неожиданностью не было. Мы естественно поверили и расслабились, но вот сегодня часа четыре назад, нам пришло анонимное письмо, о том, что ты находишься в доме Снайпера, и тебя там держат насильно. Мы сначала естественно не поверили, но потом... — я не дала ей договорить и сама продолжила:

— Потом вы спросили Иришку.

— Да, дорогая, и она нам всё рассказала! Всё от начала и до конца!

Я вздохнула, покачав головой, и улыбнулась уголками губ. Это письмо! Я уверена, что его отправил Глеб. И тогда в комнате, он специально хотел сделать мне больно, чтобы я возненавидела его! А сам отправил папе письмо, свалил из дома и Дена отозвал, чтобы самим под удар не попасть. Только вот, зачем он так поступил? Он решил, что нам не по пути и натравил моего отца на себя? Да, нет, тут дело в другом! Только вот в чём?

Тут папа снова встал и пригрозил:

— Я убью его!

Ох, теперь я просто не допущу этого! Теперь, я блин сама его за такие фокусы убью! Так

подставится и ради чего? Ну, понятно, что ради меня, но почему он не спросил моего мнения? Почему так поступил? Я это узнаю, но сейчас надо спасти этого безбашенного!

Уверено подняла на папу глаза и чётко сказала:

— Ты не тронешь его!

— И, почему же? — удивлённо спросил отец, с нотками сарказма в голосе.

— Потому что я беременна!...

8 глава.

— Потому что я беременна! — прозвучало это настолько уверенно, что я сама была готова в это поверить.

Взгляд папы нужно было видеть. Если бы я его не знала, то непременно бы сжалась в клубочек и спряталась далеко-далеко, чтобы он так не смотрел на меня, но я привыкла к такому его взгляду, ещё во время своего переходного возраста. Мы тогда так же в гостинной постоянно спорили на счёт моего поведения. Я куролесила, как и положено любому подростку и с родителями ругалась, но у меня этот период быстро прошёл, но за это время я привыкла к папину упрямству. Ведь сейчас по сдвинутым бровям и жестокому взгляду, было чётко видно, что он принял свой проигрыш, он понял, что выхода у него теперь нет, но он чисто из своего упрямства будет всё отрицать и делать назло. Ему теперь нужно будет доказательство, того, что я действительно беременна. Тестам всяким он не доверяет принципиально, мама боролась с этим как могла, но не получилось и сейчас я была этому рада. В клинике с нашим врачом я смогу договориться и она подделает результат, подпишет бумажку и у меня будет время и с Глебом разобраться и доказать отцу, что я не отступлюсь от своей любви!

Я перевела взгляд на маму и поняла, что она сразу раскусила мою ложь. Она всегда видела, когда я лгу, и сейчас увидела, но отцу не говорит. И взгляд у неё какой-то, откровенно говоря, странный. Она молчала, будто обдумывая. Причём обдумывая что-то другое, а не: «сказать отцу или нет?». Нет-нет, она думала о другом. Взгляд был каким-то отрешённым.

Мама не смотрела на меня, она погрузилась в свои мысли, как будто вспоминая что-то.

Папа же в это время разговаривал по телефону, я так заиклилась на маме, что и за разговором не следила, но по последней фразе поняла, что звонил он, как раз Инне Петровне, попросил приехать и осмотреть меня.

Я усмехнулась.

«Что ж, теперь, он меня и из дому не выпустит?», — слишком он гордый, теперь, нужно быть осторожнее. Наш с Глебом ребёнок стал бы отличным якорем для отца, поэтому я обязательно должна уговорить Инну, подписать эту чёртову бумажку о беременности. Мне же нужно совсем немного времени. Папа рано или поздно всё равно остынет и примет мой выбор, а я заставлю Глеба прекратить войну с моим отцом. Пока не знаю, как я это всё проверну, но об этом я подумаю позже, сейчас главное с этой ситуацией разобраться.

Пока ждали врача, я сходила в комнату, которая была моей и привела себя в порядок. Совсем недавно я купила себе квартиру, правда, мне пришлось очень долго уговаривать отца отпустить меня.

Он не позволял мне жить одной, отговариваясь тем, что я съеду от них только после свадьбы, но я-то знала, что он просто так пытается держать меня при себе, чтобы точно знать, что я в порядке. Быть дочерью бизнесмена и криминального авторитета в одном флаконе очень тяжелое бремя, надо постоянно бояться опасности, быть на чеку, скрываться

от кого-то. Правда, я всегда жила, как обычный человек, ведь даже когда я училась (а училась я в обычной школе), папа распустил слушок, что отправил дочь, то есть меня, учиться в Англию. Ни с кем из его партнеров, как его дочь я не знакома. Я всего лишь юрист-стажер, имени которого не называют, то есть имя-то называют, только вот не моё настоящее. Для всех лиц, не посвящённых в дела отца я всего лишь работник — Кристина Белозёрская.

Только эти обстоятельства и помогли мне добиться свободы, конечно, не полной. Папа взял с меня слово, что без охраны я и шага не сделаю, я клятвенно пообещала, но обещание выполняла не всегда. Мы с Ирккой всегда были авантюристками и частенько выбирались по ночам в клубы, всегда вместе и всегда тайно. Так и отрывались, а наши родители и не догадывались об этом. Нам жутко нравилось нарушать правила, да, как и всем в принципе.

Сами же знаете, что когда тебе что-то запрещают, так и хочется сделать наперекор и вляпаться в историю. Вот и мы влипали частенько, но всегда разбирались сами, потому что знали, что в лучшем случае нас посадят под замок, а в худшем... а в худшем даже думать не хотелось.

И вот эта выходка с клубом, единственная в которой нам не повезло. Если бы Ирка не вернулась из командировки раньше времени, то отец бы просто решил, что этим письмом кто-то хочет нагривить его против Снайпера, но тут так не повезло, Ирка вернулась и рассказала всё отцу, потому что жутко за меня переживала. Я её понимаю и не виню, потому что уверена, ей тоже попало.

Я, как раз расчёсывала волосы у зеркала, когда в комнату вошла моя мама с Инной. Мы поздоровались, и я уже хотела обратиться к Инне с просьбой, когда мама вдруг остановила меня, подняв руку, будто догадавшись о моих намерениях, хотя почему будто, я знала, что она уже давно всё увидела. Это мужчины обычно не замечают очевидных вещей. Мама настояла на осмотре, мне пришлось подчиниться, но итог меня поразил!

Инна закончила с осмотром, вымыла руки и только после этого с улыбкой сказала:
— Поздравляю, Тиночка, ты станешь мамой.

И всё, я просто выпала, я не слышала, что дальше говорила Инна, потому, что в ушах жутко зашумело: от страха, от радости, от неожиданности, меня переполняли самые разные эмоции.

Это было, как снег на голову, как гром среди ясного неба, очень и очень неожиданно!

Я ведь блефовала, а теперь, когда узнала, что у нас с Глебом будет ребёнок, мне просто сложно было это принять! Мне сложно поверить!

Я улыбнулась и приложила ладонь к животу, чувствуя, как кружится голова!

«Теперь я точно сделаю всё возможное и невозможное, чтобы быть с ним!»

Мама говорила с Инной, и её вот моё положение совсем не удивило, чего уж нельзя сказать обо мне.

Я всё ещё находилась в состоянии лёгкого шока! Очнулась, только когда мы уже распрощались с Инной и спустились в гостиную к отцу. Мама видимо ему уже сказала, а я и не заметила. Я вообще в этот момент ничего не замечала, вообще! Только после папиных слов с меня спало оцепенение:

— Я настаиваю на аборте, — у меня прямо дар речи пропал! Нет, он так не поступит со мной.

— Андрей! — возмутилась мама, нахмурившись, когда заметила моё лицо.

— А, что Андрей? — так же возмутился он. — В следующий раз несколько раз подумает, прежде чем спать с кем попало.

Ну, вот тут уже я не выдержала!

— Папа! — воскликнула. — Я не позволю тебе отнять у меня самое дорогое, нашего с Глебом ребёнка, ведь я люблю его и хочу быть только с ним, папа! Как ты этого не понимаешь? Я не отступлюсь, никогда, слышишь?!

Я, правда, старалась не повышать голос, но во мне всё разрывалось от боли и возмущения! Я понимаю отца, но и он должен меня понять, ведь я тоже человек и имею полное право на свой выбор!

— Я не хочу ничего слышать о вашей любви, Тина! Этого не будет, ты поняла меня? Я позволю тебе оставить ребёнка, но к Снайперу ты и близко не подойдёшь и вообще, будешь сидеть в доме безвылазно! — папа тоже не выдержал и стал кричать на меня и каждое его слово, больно било по сердцу. Сейчас с ним говорить бесполезно и это понимала не только я, но и мама. Она всё больше хмурилась и казалась очень сосредоточенной, видеть её такой я не привыкла.

— Папа, ты не можешь так поступить со мной! Ты же знаешь, я всё равно найду способ быть с ним, — чтобы я, да так просто отступила? Нет, уж, я всё же буду идти до конца!

— Тина, немедленно иди к себе в комнату и чтобы я тебя не видел сегодня! Агата тебя проводит, — проводит?! Проводит?! Он серьёзно собирается запереть меня в комнате?

— Папа, мне уже не восемнадцать лет и никакого права надо мной ты не имеешь! — эмоционально высказала я, но тут мама вступила в разговор.

— Тинусь, послушай отца, пожалуйста, иди в комнату, — она посмотрела на меня, глазами говоря, что ей нужно поговорить с папой и, повернувшись к нему, подошла и положила свою руку на его напряженное плечо, заглянула в глаза. — Андрей, теперь послушай меня. Подумай хорошо, вспомни нашу молодость, ты этого для нашей дочери хочешь? Этого? — спросила она его требовательно, а мне стало совершенно ничего не понятно. Мне родители с детства твердили, что у них всегда всё было хорошо и я их о прошлом не спрашивала, о том, как они познакомились, как встретились, как папа сделал ей предложение, а всё потому что мне всегда отвечали, что всё было подобно сказке. А теперь оказывается, я чего-то не знаю.

— Варь... — начал папа, но мама его перебила:

— Просто ответь, ты этого для неё хочешь? — тут мне стало видно, что папа сильно задумался, а если и так, то маме будет легче его переубедить, только вот зачем ей это? Она ведь сама всегда настаивала на том, что её дочь никогда, не будет связана с криминалом и никогда не будет с человеком, который хоть как-то замешан во всё это, она всегда была против моих бандитских увлечений, так что случилось с ней сейчас? Почему она отстаивает моё право на отношения с Глебом? Почему её отношение так сильно изменилось? Чего я не знаю? Мне пришлось отвлечься от своих мыслей, потому что мама, заметив в глазах папы, то же что и я, обернулась ко мне. — Тин, иди в комнату, а я пока поговорю с твоим отцом.

И я, конечно, пошла, в холле столкнулась с Агатой, нашей домработницей, которая отвела меня в комнату и заперла в ней. А мне вдруг стало очень смешно.

«Выбралась из одной тюрьмы, чтобы угодить в другую», — причём схожесть была невероятная, такие же панорамные окна, только со шторкой на них, такая же дверь без внутренней скважины.

Агата принесла мне поесть и снова заперла, я поела и вдруг подумала, что здесь-то есть на чём свою злость выместить.

Я поднялась, взяла со стола хрустальную статуэтку, и уже раздумывала в какую стенку

её запустить, и уже даже руку подняла, когда вошла мама. Она так на меня посмотрела, что мне просто стыдно стало, а после её слов я вообще краской залилась.

— Тана, если ты не уважаешь отца, то прояви уважение, хотя бы ко мне и к моим подаркам, — я кашлянула, отвела глаза в сторону и вернула статуэтку на место, это была хрустальная балерина, не очень большая, но очень красивая и её действительно мне мама подарила.

Я прошла села на мягкую постель и устала на свою руку, которая была всё ещё забинтована.

Мама постояла немного, в молчании наблюдая за мной, и подошла, чтобы сесть рядом. Она села и притянув меня к себе, обняла, нежно, прямо как в детстве, глядя по голове.

— Тинуль, ты действительно любишь этого мальчику?

— Да, мамуль я очень его люблю, больше жизни, — я обняла её в ответ и потянулась к резинке на конце косы. Сразу детство вспомнилось, когда мы так же сидели, обнявшись, и я постоянно распускала мамину длинную косу, сейчас поступила так же и зарылась в её приятно пахнущие карамелью, волосы.

— Это правда его ребёнок, Солнышко? — я просто кивнула, на душе было приятно от нахлынувших воспоминаний. — Тогда я принимаю твой выбор. Каким бы он ни был, но я его принимаю.

Я тут же отстранилась от неё и с улыбкой заглянула в такие родные глаза.

— Мам, ты сейчас серьёзно? Ты ведь сама всегда говорила... — договорить я не смогла, меня прервал мамин кристальный смех.

— Тинусь, я всегда была против твоих увлечений, потому что боялась, что так и случится. Ты влюбишься в того, кто не угоден твоему отцу. Я это чувствовала, дорогая, и пыталась оградить от этого, но видимо, от судьбы не уйдёшь. Значит, вы должны были встретиться. И если ты уверена, что именно он твой человек, я поддержу и помогу, вам быть вместе. Только ты должна точно мне сказать, любишь ты его или нет! На что ты готова, чтобы быть с ним?

Вот тут в пору бы расплакаться от счастья, благодарности, умиления, но вместо этого я уверенно посмотрела в мамины глаза и ответила на вопрос:

— Я готова на всё! — я действительно была готова, давно готова. — Мам, ты просто не представляешь, как я боюсь его потерять, — вздохнула. — Я никогда так не боялась! Только вот, он сделал мне больно, и я не знаю, как мне его простить. Понимаешь? Так больно мне не было никогда, мам!

Я вздохнула, и грустно улыбнувшись, снова посмотрела на свои руки.

— А без этого нельзя, Тин. Когда любишь, боль всегда во много раз сильнее, — мама повернула мою голову к себе и ободряюще улыбнулась. — Иногда любящие нас люди делают нам больно, чтобы защитить. Похоже, твой Глеб, тоже на всё готов, ради вашей любви. Ты ведь не знаешь точно, что побудило его на этот шаг, ты не знаешь всего. Иногда самый дорогой нам человек, готов даже заставить страдать себя, что бы спасти свою половинку. Ты ведь не знаешь всех обстоятельств?

— Ну, вообще-то знаю, но сейчас мне, кажется это не искренним. Он сильно ранил меня, но тогда я воспринимала всё по другому, теперь мне это видится совсем не таким. Фальшивым, будто он действительно специально делал мне больно.

— Тогда я его уже уважаю, — усмехнулась мама. — Не, каждый готов, обречь себя и своего любимого человека на муки ради блага, — тут мама взяла мою забинтованную руку в

свою. — Когда-то из-за твоего отца и у меня возникало желание вскрыть себе вены. Очень часто.

Я удивлённо уставилась на маму. Она всё поняла, увидела и не осудила. В её взгляде была лишь поддержка, уважение, гордость и любовь. Она гордилась мной и моим поступком, она поняла, что я люблю его. А ещё меня удивило, что когда-то, мои любящие родители тоже страдали.

— Расскажи, — тихо попросила я. Мама печально улыбнулась и посмотрела в окно перед собой.

— Может, и расскажу, но точно не сейчас. Просто скажу, что мы с твоим отцом начали не правильно. Но мы смогли всё перенести и вы сможете. Ещё я за тебя, потому что, когда мы с твоим папой уже хотели быть вместе. Мои родители отказались принять его. И мне пришлось сделать выбор между ним и своей семьёй. И я выбрала твоего отца. Я выбрала сердцем! И я очень не хочу, чтобы тебе пришлось пережить, то же что пережила я. Мне не хочется тебя терять, милая. Потому, что точно знаю, кого выбрало твоё сердечко. Вы с папой оба гордые, поэтому этот выбор разрушит нашу семью, так как когда-то разрушил мою.

— Ого, мам, — ошарашено посмотрела я на неё. — Почему ты раньше мне ничего не рассказывала?

— Ну, дорогая, это всегда очень больно вспоминать, но когда-нибудь я расскажу тебе всё. Главное, что я выбрала твоего отца и никогда не пожалела об этом. Теперь, я хочу дать тебе ту поддержку, которой никогда не было у меня. Пора вас с Глебом сводить, Солнышко.

— Как? — тут же заинтересовалась я, радуясь как ребёнок. Моя мама! Постоянно опекающая меня родительница, сейчас сама толкает меня в руки моего любимого бандита, как можно таким не воспользоваться?

— Сегодня твой отец обязан присутствовать на вечере для аукционеров, я пойти не смогу, а вот ты сможешь.

— Мам, я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, — мама подняла с улыбкой брови.

— Правда, не понимаешь? — я кивнула. — На этом вечере обязательно будет и твой Глеб. Если ты пойдёшь на этот вечер с отцом, то у тебя будет не только возможность встретить его, но и показать твоему упрямому папе, что у вас есть шанс и, что твой Снайпер на твоей стороне. Тинусь, только представь, какой это отличный шанс, прекратить между ними войну. Ты сама знаешь, Тин, что твой папа очень злопамятный, и ну вот не может он простить того, что его обошел молодой парень в бизнесе. Это задело его самолюбие. И мне это очень надоело, — она подмигнула мне. Впервые сегодня я увидела свою маму такой.

— Мамуль ты лучшая, — я крепко-крепко её обняла.

— Повторяй это почаще, дорогая, — засмеялась она и с улыбкой отстранилась от меня. — Только, Тинусь, тебе придётся надеть платье, я знаю, что ты как и я их терпеть не можешь, но нужно сразить наповал твою вселенскую любовь.

(ну хоть не "твоего Глеба", как маме понравилось его называть.)

— Мама! — тут же возмутилась. — Я и платья вещи несовместимые.

— Тинуль, от такого платья ты точно не откажешься, идём, — встала мама и пошла к двери, а я не могла не съязвить:

— Что домашний арест закончен?

— Пффф, милая, в этом доме я решаю, а не твой папа, — тут же подмигнула она мне. Ох, моя мама оказывается коварная женщина, и почему я раньше этого не замечала? Этим я явно пошла в неё.

Мы прошли в родительскую спальню, и мама тут же подошла к двери в гардеробную. Вышла она с чехлом в руках.

— Я ненавижу платья, но это как только увидела, сразу подумала о тебе, дорогая, знала, что ты не носишь платья, но это я просто не могла не купить, — она протянула платье мне, я заинтригованная положила футляр на постель и стала расстегивать молнию. Сразу же показалась шикарная бархатная ткань тёмно-красного цвета, я бы даже сказала бордового.

Платье оказалось шикарным, выше всяких похвал. Когда я извлекла его из чехла, прямо задержала дыхание. Длинное облегающее платье в пол с соблазнительным вырезом и полностью закрытой спиной, что делает его ещё привлекательнее, длинные рукава, вышитая золотой нитью птица-феникс прямо спереди, притягивает взгляды и делает платье гламурнее, шикарнее, даже я (человек в принципе, не любящий платья), была пленена им.

Ткань очень приятная на ощупь, что прямо грех не примерить. И я примерила. Платье село идеально, как влитое, будто специально на меня сшито! Оказывается полы платья спереди расходятся в стороны при ходьбе, но это невозможно заметить, если буду просто стоять, я ведь тоже сначала не заметила.

Короче я пересмотрела свой взгляд на платье и осталась довольна.

Встала перед зеркалом и не могла оторвать взгляд от платья, которое идеально обтягивало фигуру и показывало все достоинства, ничего, не скрывая, обтягивая как вторая кожа. А цвет и птица, будто летящая вверх, придают мне шарма. Я положила ладони на живот и только, кажется, сейчас осознала, что я стану мамой!

Я просто заморожено смотрю на себя, а мама подходит сзади и обнимает меня за плечи.

— Ты шикарна, девочка моя! Сделаем укладку, немного макияжа, чтобы не портить твою природную красоту, и будешь как конфетка! — глаза её радостно горели, а в уголках появились слёзы, которые мама, тут же смахнула и озорно мне, подмигнула.

Мне прямо переданся её энтузиазм, и я была готова переступить через себя и пойти в этом платье на этот вечер! Я готова сиять! Я готова вернуть Глеба! Я поражу его и он поймёт, кого он чуть не потерял!

9 глава.

Я выдохнула с облегчением только после того, как папа уехал в офис по делам, там возникли, какие-то проблемы. Зато, теперь хотя бы можно немного расслабиться и прийти в себя. А самое главное не попасть под горячую руку. Когда папа в бешенстве к нему лучше не лезть, поэтому я искренне сочувствую его работникам, но с другой стороны хорошо, что папа поехал в офис, это даст ему время остыть, ведь его всегда отвлекает, и что странно, успокаивает работа с бумажками, в этом мы очень похожи.

Мама же, как и хотела, поехала к своей лучшей, ещё со студенческих лет, подруге. Виолетта Романовна, мама Ирки. Так что не только наши отцы дружат, но и матери не разлей вода, прямо, как и мы.

Уезжая мне, мама строго-настрого наказала готовиться к вечеру. Я, конечно, посмеялась, ведь сказала она это шуточным тоном. Я просто не узнала её, обычно она другая. Такой она мне больше нравится, мама приняла мой выбор и поняла меня, как никогда правильно. Она поддержала меня, когда папа был готов растоптать всё: меня, мои чувства, мою любовь, убить моего ребёнка. Самое ценное, что у меня есть, самое дорогое и любимое! А вот мама нет, она сразу всё поняла, она, будто почувствовала, поэтому и настояла на осмотре.

Я, кстати, до сих пор не могу поверить в это. Вот прямо вообще, мне кажется, что со

мной такого произойти не могло, просто не могло! Будто, я не достойна такого подарка от судьбы, хотя не то чтобы не достойна, я скорее не готова стать матерью. Меня просто гложут сомнения, смогу ли справиться с этим? Буду ли я хорошей мамой? Смогу ли я когда-нибудь, так же, как и мои родители?

Как же справиться со всем этим? Как вернуть Глеба?...

— Глеб, — мягко прошептала я его имя.

Как же я скучаю, как же мне хочется сообщить ему о нашем ребёнке, как же я хочу увидеть его, прикоснуться, почувствовать, быть рядом. Не могу без него, постоянно думаю о нём, представляю, вспоминаю его образ, лицо, глаза, губы, прикосновения. Так мне его не хватает рядом. Надеюсь, сегодня он всё же будет на этом вечере, и я смогу поговорить с ним. Заставить его всё мне объяснить.

Меня так же волнует письмо, которое он отправил отцу. В том, что это был Глеб, я даже не сомневаюсь, интуиция просто кричит мне об этом под вой сирены, а я привыкла доверять своему шестому чувству. Хочет Снайпер того или нет, но ему придётся мне всё объяснить!

Только после того, как я буду точно знать, что он любит меня и готов бороться за наше счастье рядом со мной, я расскажу ему о ребёнке. Сразу не буду, потому что тогда буду постоянно сомневаться, а не ради ребёнка ли он сделала то или иное. Я очень хочу, чтобы он был рад, чтобы не испугался. Ведь даже я боюсь, но если он поддержит меня, то я буду самой счастливой на свете, тогда мне всё будет по плечу. Вместе мы справимся, а сейчас нужно готовиться к предстоящей встрече.

Я позвала Ирку и она как раз скоро должна приехать. Мы давно не виделись, нам нужно всё обсудить. Как же много мне нужно ей рассказать. Спросить совета, Ирка точно подскажет, с её-то опытом.

Она подъехала, как раз, когда я уже пообедала, мы столкнулись с ней в холле.

— Тинка, как же я рада, что ты в порядке, — тут же подскочила она ко мне с объятиями. — Мне так жаль, что так вышло.

Я тоже крепко её обняла.

— Ир, всё в порядке правда и ты не виновата, ты же не знала, — пожала я плечами, а она тут же отстранилась и посмотрела на меня осуждающе.

— Тинусь, я виновата, очень! Поэтому в следующий раз, когда я решу выкинуть, что-то подобное стукни меня по голове, — тут же заливисто расхохоталась подруга и я с ней за компанию.

— Ох, Ир, тебя даже если стукнуть, ты всё равно по-своему поступишь. Мы же с тобой прирождённые авантюристки, — сквозь слёзы смея проронила я.

— Да, тут ты права, — кивнула она мне. — Ладно, пошли в твою комнату. Ты обязана мне всё рассказать, а то я же сгораю от любопытства.

Я снова засмеялась. Вот в этом и есть вся Ирка. Она обожает посплетничать и долги свои тревоги в душе не держит, но сейчас в ней, что-то изменилось, только вот я не могу понять, что именно. Вроде всё как всегда. Она весёлая, как всегда элегантна, в шикарном, облегающем, коктейльном платье без рукавов, кремового цвета, волосы распущены и блестят на солнце, как и всегда. На ногах открытые босоножки на высокой платформе, на лице играет обворожительная улыбка. Но, что-то фальшивое проскальзывает в ней. Надо будет и с этим разобраться.

Мы поднялись ко мне в комнату, и я ошаршила Ирку новостью о том, что я собираюсь прийти на этот вечер в платье.

— Господи, Тин, это же просто шикарное платье, а на тебе оно будет сидеть просто идеально, — она восторженно водила руками по мягкой ткани.

— Ириииш, — позвала я её. — А ты с отцом пойти не хочешь? Ведь, твоя мама тоже не придёт на этот вечер, раз они с моей тусуются.

Тут Ирка повернулась ко мне с удивлённым лицом.

— Ну, вообще-то мой папа не собирается на этот вечер, у него есть дела и поважнее. Да и у меня небольшие проблемы, чтобы отвлекаться.

— Проблемы? — тут же уцепилась я за эту фразу. По лицу подружки я сразу поняла, что говорить она об этом не собиралась. — Что случилось, Ир? — тут же нахмурилась я и сложила руки на груди.

Подруга тут же подошла к моему туалетному столику и взяла в руки плойку, затем кивнула мне на стул перед ним:

— Садись, — потрясла она плойкой и продолжила только когда я села. — Ничего особенного, Тин, правда, — я наблюдала за её лицом через зеркало, пока она колдовала над моими волосами. — Просто со мной кое-что произошло во время командировки, но это не так важно, просто сейчас всё очень сложно и я сама со всем ещё не разобралась, — пожала она плечами, с важным видом перекидывая мои волосы через плечо и начиная их расчёсывать. — Ты давай лучше рассказывай, что с тобой произошло, а то родители молчат, типа: «заварили же вы девки кашу», а мне что прикажешь делать? Мучится сомнениями?

Я засмеялась и всё-всё ей рассказала. Вообще всё и во всех подробностях, высказала всё, что я думаю о Глебе, да и вообще всю ситуацию в целом. На некоторых моментах подруга, конечно, поржала с меня, но в целом она меня понимала. Я тоже в долгу не осталась. Пошутила над тем, что теперь и она должна найти себе постоянного парня и забеременеть. Так она меня такими крепкими словечками обложила, что я просто не могла сдержать смеха. Я поняла, что семейная жизнь, не для Ирки, по крайней мере, пока она не встретит своего человека и не поймёт, что без него не может, даже дышать.

А в это время мы уже успели полностью меня преобразить, время пролетело незаметно и вот я уже стою перед зеркалом и не могу поверить, что это я.

Волосы красивыми волнами уложены на одно плечо и зафиксированы лаком, глаза просто сияют, я чуть-чуть подкрасила ресницы и подвела глаза, теперь весь акцент падал на глаза, губы подкрасила гигиенической помадой, чтобы сохранить в образе натуральность. Природная красота — наше всё.

Платье сидело идеально, серебристая сумка-клатч, придавала образу изюминку, птица-феникс мерцала золотыми нитями, переливаясь на свету. На ноги я надела серебристые босоножки на шпильке, но их скрывало платье, если я стояла на месте.

— Тинка, — покачала Ирка, головой растягивая гласные, произнося моё имя. — Ты красавица! У Снайпера просто крышу снесёт.

— Надеюсь, — засмеялась я. На часах уже было полшестого вечера, а мы должны быть в семь на этом важном мероприятии.

— Ну, что, Тин, ты готова? — хитренько улыбнулась подружка, смотря мне в глаза через зеркало.

— О, да, я готова, — улыбнулась я ей, и мы вместе пошли вниз. Там мы столкнулись со Станиславом Петровичем, он не был хмур, а вполне даже весел. Видимо, в офисе папа оторвался не на шутку.

— Тина, твой отец ждёт тебя в машине, — кивнул он с улыбкой и тут заметил Иру. — О,

Ириш, с возвращением.

— Здравствуйте, Станислав Петрович, — кивнула она ему. — Спасибо, я тоже рада вас видеть, — она обворожительно улыбнулась, своей коронной улыбкой. — Отвезёте меня домой?

— Конечно, дорогая, заодно и с твоим отцом повидаюсь.

Я тоже улыбнулась, у Петровича с Ирккой, всегда были хорошие отношения, в детстве они часто подшучивали друг над другом. Петрович всегда звал Ирку, белоголовик, я смеялась, а она дулась.

Если сейчас смотреть на мою жизнь, то можно сказать, что у меня было прекрасное детство. Сколько мы с Ирккой прошли вместе, страшно иногда вспомнить.

Я улыбнулась и вышла на улицу. Куртку даже не прихватила, на улице и так прекрасный тёплый вечер.

Я стояла, подставив лицо ветру, зажмурилась от удовольствия, так чудесно на улице, на душе приятно, в груди зарождалось приятное чувство предвкушения. Сегодня я встречусь с Глебом, и мы со всем разберёмся, наконец-то разберёмся.

Я вздрогнула от громкого гудка папиного автомобиля, и быстро спустившись с крыльца, плюхнулась на заднее сидение. Папа сидел рядом и молчал. Полностью меня игнорировал. Я отвернулась к окну и открыла его, потому что мне нужен был воздух. Прямо передо мной садилось солнце за горизонт, прекрасное зрелище, небо окрашено в розовый цвет.

За полчаса мы доехали до чудесного особняка, где должно было проходить мероприятие, не проронив ни слова. Хотя я бы назвала этот особняк дворцом. Всё, как в сказке, повсюду позолота. Я быстро закрыла окно, потому что наш водитель уже вышел из машины, чтобы открыть её для меня.

Мне подали руку и помогли выбраться из машины, я кивнула с высокомерным выражением лица. Ведь в данной ситуации нужно соответствовать своему статусу. Сегодня я дочь своего отца. Тина Серебрянская. Сегодня я, не обычная девчонка, которая привыкла жить по своим правилам, сегодня я примерная дочь, девушка, которая всегда была в тени. Сегодня очень важный день, я не только встречу Глеба, я выйду из тени.

Мы с отцом вместе пошли к входу, я взяла его под локоть. Хотя мы и в соре, но не стоит это афишировать и отец это тоже прекрасно понимает. Потому и улыбается, я тоже только своей коронной улыбкой.

Мы поднимаемся по широкому крыльцу и заходим в шикарный холл. На полу лежат красно-золотые ковры, прекрасные белые, мраморные колонны, увитые золотой лозой поддерживают высокие потолки с прекрасным орнаментом, хрустальные люстры, от которых идёт приятный свет, изысканная мебель.

Всё красиво и ухожено.

Всех вошедших сразу же приветствуют.

— Здравствуйте. Добро пожаловать, — везде у дверей и в холле стоят охранники. Конечно, здесь же практически все сливки высшего общества собрались. Здесь и журналисты шныряют повсюду. Мы прошли чуть дальше, здесь была широкая лестница, на которой лежала ковровая дорожка красного цвета, перила из белого дерева с золотой лозой.

Всё слишком вульгарно и как-то лицемерно, на мой взгляд, но надо уметь держать лицо, хотя так и хочется поморщиться.

Мы с отцом поднялись в зал, в котором было много влиятельных людей со своими спутницами. Все в дорогих костюмах и шикарных платьях с лицемерными улыбками на

лица. Вот не люблю я таки сборища, а все, потому что многие здесь не ладят друг с другом, из-за этого бывают скандалы. Потом журналисты переворачивают это так, что сложно выкрутиться. Невозможно концов найти, отличить правду от лжи. Такая грязь, и сейчас я с ужасом понимаю, как сложно мне будет сегодня.

Мы прошли ещё чуть вперед, и папа направился в сторону небольшой компании состоящей из двух представительных мужчин и их очаровательных спутниц. (Признаюсь — при слове «очаровательных» я мысленно поморщилась). При приветствии я просто кивнула.

— Андрей, может, представишь нам свою спутницу? — хитро спросил один из мужчин, просто пожирая меня взглядом. Я лучезарно улыбнулась, убрала свою руку от отца и взяла бокал шампанского у официантки проходящей мимо.

Пить мне нельзя, поэтому я взяла бокал лишь для вида, всё равно придётся его растягивать на весь вечер.

— Позвольте представить, Тина, моя дочь, — их лица просто нужно было видеть, а я еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

Быстрее всех пришла в себя, видимо жена, того кто просил меня представить.

— Ой, Тиночка, какая же ты красавица, — вот только лицемерия мне и не хватает сейчас. Я изо всех сил держу улыбку на губах, и мне это удаётся. — Так на маму похожа, прямо одно лицо. Кстати, почему Варвара не пришла? — это уже к моему отцу.

— У неё появились неотложные дела, — спокойно ответил он, а женщина кивнула с улыбкой и снова обратилась ко мне:

— Как в Англии, Тиночка? — я улыбнулась и сказала, то, что ей хотелось услышать.

— Лучше чем у нас, — я стала незаметно озираться в поисках Глеба и заодно своего спасения, за дальнейшим разговором я не следила, до того самого момента, пока не услышала своё имя.

— ... а Тиночка споёт для нас, — «что Тиночка сделает?», — так и хотелось мне спросить (язвительно, естественно), и я перевела взгляд на папу, как бы спрашивая, что мне делать.

— Конечно, Тина споёт, — кивнул он мне. Это он так мстит? Ведь прекрасно же знает, что я не люблю петь на публике, но всё равно заставляет, я лучезарно улыбнулась.

— Конечно, папочка, — да, это был скрытый сарказм.

Тут была небольшая сцена, хотя даже не сцена, а место для объявлений, для меня поставили микрофон. Я встала у него и тут заметила, Глеба. Он смотрел прямо на меня. Такой красивый, родной.

В идеальном чёрном костюме с идеальной причёской и без спутницы, что меня очень порадовало. Он следил за каждым моим движением, очень пристально и сейчас я порадовалась выбору песни, которую буду исполнять, она идеально подходит под наши отношения. Выбор мой пал на песню Ханны — Без тебя я не могу.

Я прямо сама почувствовала те чувства, которые слышно в песне, уже на первых нотах. Я начала петь, смотря прямо на Глеба, чтобы он знал, эта песня для него.

— Шаг к тебе навстречу, хоть и думаю — зачем?

Наш день обнимет вечер, наше всё станет ничем.

Словами боль, всё для чего? Ведь ты не мог со мной остаться.

Я теплотой твоей живу, но тебе не скажу я, что:

Без тебя я не могу. Не знаю, как еще держусь.

Хочу обнять, но отвернусь, чтоб ты не понял, как я злюсь на себя.

Без тебя я не могу. Не знаю, как еще держусь.

Хочу обнять, но отвернусь, чтоб ты не понял, как я злюсь на себя.

Без тебя я не могу! — чувства во мне зашкаливали, потому что это было правдой. Я не могу без него, я не представляю себя без него!

— Думать бесконечно на кого ты променял.

Никто не будет Вечно с тобой, кроме меня.

И пусть уже не буду рядом — я без тебя, тебя люблю.

Моя единственная радость, которая не покажет что:

Без тебя я не могу. Не знаю, как еще держусь.

Хочу обнять, но отвернусь, чтоб ты не понял, как я злюсь на себя.

Без тебя я не могу. Не знаю, как еще держусь.

Хочу обнять, но отвернусь, чтоб ты не понял, как я злюсь на себя.

Без тебя я не могу, — на проигрыше я глубоко вздохнула, глаза защипало от слёз, но я не подавала вида, улыбаясь. Улыбалась для него.

Без тебя я не могу. Не знаю, как еще держусь.

Хочу обнять, но отвернусь, чтоб ты не понял, как я злюсь на себя.

Без тебя я не могу. Не знаю, как еще держусь.

Хочу обнять, но отвернусь, чтоб ты не понял, как я злюсь на себя.

Без тебя я не могу.

Только когда песня закончилась, я отвела взгляд от Глеба, все в зале смотрели на меня, но я этого на протяжении всей песни не замечала, для меня никого не существовала. Зал взорвался аплодисментами, я поклонилась и поблагодарила всех.

Это очень сложная песня, в ней очень сильные слова и она полностью описывает наше с Глебом внутреннее состояние. Нашу ситуацию в целом. Поэтому после исполнения я сразу же сбегала на второй этаж, прихватив бокал шампанского. Я знаю, что алкоголь мне противопоказан, но если я выпью совсем чуть-чуть, один бокальчик, ничего не будет, просто сейчас мне нужно немного расслабиться. А ещё я не хотела сталкиваться со Снайпером, сначала да, во мне была уверенность, а теперь я боюсь. Боюсь снова обжечься. Боюсь, что мне это всё привиделось, и он снова сделает мне больно.

Я отпила немного и у меня вдруг закружилась голова, может от волнения, а может это просто алкоголь в голову ударил, но мне срочно нужно подышать свежим воздухом, поэтому я пошла в сторону белых двустворчатых дверей, которые вели на балкон. Но меня вдруг остановил знакомый мне мужчина, его я видела тогда в доме Снайпера. Он улыбнулся мне, преградив дорогу.

— У вас невероятный голос, Тиночка, — я улыбнулась, не жилая даже отвечать, мне нужно на воздух. — Почему же Андрей прятал такую талантливую красавицу ото всех? — с весёлым огоньком в глазах спросил он, а я усмехнулась.

— Ну, что вы! Он не прятал, я просто уезжала учиться в другую страну, — глаза его опасно сверкнули, и улыбка слетела с лица, будто её и не было вовсе.

— Твой отец, дорогая, сильно пожалеет за прошлое. Ты тоже заплатишься! За грехи твоего отца — расплачиваться будешь ты.

Мне резко поплохело, стало страшно, но я не убрала улыбку с лица и вообще не выразила больше никаких эмоций. Я выше этого, я сильнее!

— Меня не пугают ваши угрозы, — обворожительно растянула губы в улыбке и вздёрнула подбородок. — Удачного вечера.

Пожелала я с сарказмом и обошла мужчину, но он не дал мне уйти, больно схватив за локоть, я вздёрнула бровь в вопросительном и высокомерном жесте.

— От Снайпера тебе сбежать удалось, а от меня не получится, — внутри всё сжалось от плохого предчувствия, но я этого не показала и уже хотела ответить, что-нибудь, как появился Глеб. Буквально оторвав мужчину от меня. Я не дожидаясь, того что будет дальше, да и не слушая, что происходит, направилась к балкону, попутно поставив бокал на поднос мимо проходящей официантке.

Уже выходя на балкон и закрывая за собой дверь, я заметила Глеба уже одного, на его лице играла хитрая улыбка, хотя нет, тут больше подходит определение — хищная.

Я закрыла дверь и, наконец-то вздохнула. Стало немного прохладно на улице и это отрезвило, помогло быстро собраться с мыслями и прийти в себя. Балкончик был большой с резными, металлическими перилами, покрытыми позолотой. Я подошла к краю и уставилась на речную гладь, которая была покрыта рябью от ветерка. Огни города красиво мерцали в этой темноте. Большая, полная луна отражалась в поверхности воды. Такая невероятная, романтическая атмосфера, что у меня дыхание перехватило. Не хотелось уходить отсюда.

Тут дверь скрипнула, и я немного повернула голову назад, хотя я знала точно, чувствовала, кто вошёл.

Глеб подошёл ко мне, и протянул мне бокал с шампанским.

«О, как галантно», — съязвил, внутренний голос

— Держи, — я приняла бокал, чуть повернувшись в его сторону, смотря на такое родное лицо, но тут вспомнила, наш последний разговор и отвернулась.

— Если ждёшь благодарности, то не надейся! — огрызнулась я на него, хотя мне хотелось обнять его, прижаться к его сильному телу, но я девушка злопамятная, поэтому так просто он не отделается. — Я сильная девочка и сама бы справилась. Не надо было лезть.

Он ничего не ответил на мой выпад, а просто спокойно повернулся в сторону города, так же как я недавно и на душе у меня вдруг стало спокойно.

— Зачем ты это сделал, Глеб? — не выдержала я и спросила, о том, что меня волновало. Он вопросительно уставился на меня. — Почему ты так поступил со мной? Зачем нужно было отправлять это письмо?

— Догадалась, — кивнул он, даже не спрашивая, а утверждая.

— Конечно, я ведь не глупа, Глеб, — посмотрела на него осуждающе. — Но, зачем? Почему ты поступил так жестоко со мной? Я ведь уже была готова всё тебе рассказать, но ты даже не дал мне возможности оправдать себя. Ты не захотел меня понять. Так зачем нужно было мучить меня? Если я тебе противна, мог бы сказать об этом помягче, не так резко, не так безжалостно, — произнесла я всё это на эмоциях, смотря прямо в глаза Снайперу. Правда, последнее слово я почти прошептала, повернувшись корпусом к Глебу. После моих слов он подошёл ближе ко мне, слишком близко, так близко, что я уловила приятный запах его одеколona, почувствовала его тепло, сердце тут же забилось чаще, дыхание перехватило.

— Мне было сложно принять такое решение, Золотко, но я не мог поступить иначе, — он прикоснулся к моей щеке кончиками пальцев, нежно, боясь навредить, боясь, что я отступлю. Но я стояла, ждала, что, же он скажет дальше, задержав дыхание. — Ты в огромной опасности Тина, но я не могу сказать большего. Тот мужчина, с которым ты только что столкнулась, Фартовый и у него большой зуб на твоего отца. Когда он увидел тебя в моём доме, понял, что сможет использовать. И Фартовый не отступится от своей идеи. Ты в опасности и я не смогу тебя защитить, Золотко, а вот отец сможет. Я не хотел делать тебе

больно, но так нужно было, чтобы я смог тебя отпустить, ведь так не хотелось, — он прикоснулся к моей руке, в которой был сильно зажат клатч, я сразу, же расслабилась.

Я, даже и не заметила, как была напряжена. Наши губы находились на одном уровне, и я начала шептать, чтобы не нарушить тишину, которая была вокруг. Не гнетущая, а спасающая.

— Ты должен был спокойно поговорить со мной, вместе мы бы обязательно разобрались. Придумали бы что-нибудь, вместе, но ты всё решил за меня. Ты не имел на это право, Глеб. Ты разбил моё сердце, чтобы защитить, а мог бы просто всё объяснить, так как сейчас, и я бы всё поняла.

— Я люблю тебя, Золотко, и не мог по-другому, — сердце ёкнуло, Глеб наклонился ко мне и едва заметным касанием прикоснулся губами к моему виску, прошептал: - И сделаю всё, чтобы тебя защитить. Всё, даже если мне придётся потерять тебя.

Я вздрогнула, он повторил, то о чём говорила мама. Меня переполняли чувства, вся гамма эмоций. Я отставила бокал на перила и обняла Глеба за плечи, прошептал ему на ухо.

— Я прощаю тебя, — его плечи под моими руками напряглись и я, чуть отстранившись, посмотрела в его глаза, он не прятал своих чувств, был искрещен, во взгляде его была любовь и облегчение.

Я притянула его к себе и поцеловала, он тут же положил свои руки на мою талию и слегка сжал, ответив на поцелуй. Ух, как долго я мечтала об этом. Как же я скучала по этому запаху терпкого одеколona, как скучала по его рукам, как скучала по его губам. Мне нужно злиться на него, но я просто не могу. С ним я становлюсь мягче, с ним мне хочется быть слабой, чтобы он защищал меня, был рядом со мной.

Теперь я хотя бы знаю причину его поведения, но всё равно немного злюсь. Он хотел просто отгородить, оттолкнуть меня от себя, а я как дура сразу за лезвие! И теперь в своём поцелуе я передала ему все свои эмоции: радость, боль, восторг, ликование, гнев, любовь, ненависть. Такие противоречивые чувства, но всё это я испытала, там, в комнате в его доме.

Он отстранился от меня прижавшись своим лбом к моему.

— Что же ты делаешь со мной, Золотко? — я опустила глаза в пол и закусил губу, чтобы не улыбнуться.

— Мне нужно вернуться, — спокойно сказала я, беря бокал.

— Идём, я тебя провожу, а то опять нарвёшься на кого-нибудь. Знаешь, Золотко, на таких мероприятиях лучше держаться поближе к отцу, — усмехнулся он, а я стукнула его сумкой по руке.

— Знаешь, Снайпер, я простила тебя, да, но если ты ещё раз сделаешь, что-то подобной, второго шанса я тебе уже не дам, ясно? — строго спросила, когда мы спустились в холл.

— Конечно, Золотко, но мне не нужен второй шанс, потому что ты уже принадлежишь мне.

Я удивилась от такого заявления, хотела уже ответить, но тут услышала вибрацию мобильного в сумке и решила просто проигнорировать его заявление, достала телефон, под его насмешливым взглядом.

Это было сообщение от мамы.

«Солнышко, если что, то я всегда на твоей стороне, и перед отцом тебя прикрою, всегда», — я улыбнулась. Она как будто знает, что происходит.

«Спасибо мама», — быстро напечатала я ответ и зашла в другой контакт, написала сообщение:

«Пап, что-то я плохо себя чувствую. Поеду на такси, только не переживай», — после

этого я выключила телефон и улыбнулась, закусив губу. Вот вам и папе месть и долгожданная свобода!

— Слушай, Глеб, давай сбежим отсюда, раз уж мне так опасно здесь находится, — как бы обдумывая это предложение, произнесла я, вроде бы и не обращая ни к кому конкретно.

Потом с улыбкой посмотрела на него, он понял мой намёк и тоже улыбнулся, но в следующую минуту, стал серьёзным, но в глазах-то плясали смешинки.

— После вас, о, непревзойдённая! — он показал рукой к выходу, и я решила ему подыграть, тоже приняв серьёзное выражение.

— Как благородно, — потом засмеялась и пошла на выход.

Снайпер подвёл меня к машине и пикинул брелком сигнализации. Галантно открыл для меня дверь.

Я села и пристегнулась. Он обошёл машину и тоже плюхнулся за водительское сидение.

— Куда леди желает сбежать? — весело поинтересовался он, я притворно задумалась.

— На ваш выбор, — хитро прищурилась я, прекрасно понимая его намёки.

— Ну, тогда приглашаю вас к себе выпить, — подмигнул он мне. — У меня здесь неподалёку квартира есть, можем, поехать туда. Если пожелаешь, конечно.

Я предвкушающе улыбнулась.

— Я не прочь выпить, — последнее слово я выделила. — Сегодня был очень насыщенный день, мне не помешает расслабиться.

Глеб завёл машину и тронулся с места, я снова посмотрела в окно. Я могла бы сейчас рассказать ему о нашем ребёнке, но ещё не время. Я услышала от него о его чувствах, он попросил прощения, всё объяснил и я понимаю, что отношения должны строиться на доверии и пока речи о них не идёт. Я должна быть в нём уверена, уверена в том, что он не испугается такой ответственности.

Мы подъехали к элитной многоэтажке с подземным паркингом, практически в центре города. Глеб помог мне выйти, сумочку я оставила в машине. Мы подошли к лифту, створки разъехались, Глеб пропустил меня вперёд. Он нажал на пятнадцатый этаж, я через зеркало смотрела на Глеба, а он специально смотрел на экран отсчитывающий этажи, как будто это самое интересное, что здесь есть.

Я улыбнулась и стала накручивать прядь волос на палец, чуть отвела ногу назад, чтобы полы платья разошлись в стороны.

Глеб поправил галстук и тоже улыбнулся. Вопрос, кто первый сорвётся, всё ещё актуален, но ненадолго. Ладно, так уж и быть в этом раунде я проиграю, Снайпер.

Я повернулась к нему с серьёзным выражением лица, схватила за галстук, и пока он не успел опомниться, притянула к себе, медленно, дразня. Он тут же обнял меня, притягивая к себе ближе, и впился страстным поцелуем в мои губы.

«И после этого я себя нетерпеливой считаю?», — усмехнулась я, и стала расстегивать пиджак Глеба, потом так же, не прерывая поцелуя, развязала галстук, чтобы провести коготками по его шее, от чего он вздрогнул. Глеб зарылся рукой в мои волосы и углубил поцелуй, а я провела коготками вниз по рубашке. Да, я снова играю с огнём.

Тут мы услышали оповещение о том, что прибыли на нужный этаж. Я спокойно отстранилась от Глеба, и как ни в чём не бывало, вышла из лифта. Он засмеялся и, обогнав меня, подошел к красной дубовой двери с золотым номером на ней «777», я засмеялась. Блатной номер блин.

Ну, всё теперь улыбка долго с лица не сойдёт. Глеб открыл дверь ключом, на котором висел брелок. Что вы думаете? Конечно, золотые три семёрки. Он с очень, ну очень многообещающей улыбкой засунул ключи в карман брюк и открыл для меня дверь.

Я, смеясь, вошла и обернулась на него. Взгляд приобрёл насмешливую зловещность и я попятилась назад, ага кто бы мне позволил.

Глеб резко схватил меня за руку и притянул к себе, так сильно, что я чуть о свои ноги не запнулась.

Снайпер прижал меня к стене и впился в мои губы, требовательным, жарким, собственническим поцелуем. Я помогла Глебу снять пиджак и в нетерпении стала расстегивать его рубашку, буквально срывая её. Он оторвал меня от стены, чтобы прижать другой, так же сильно, он исследовал моё тело сквозь платье, а я водила руками по его мощному прессу. Он оторвался от меня, давая мне время отдышаться. Мы смотрели в глаза друг другу у него во взгляде, горел тот же огонь, что и у меня. Огонь желания, огонь страсти! Нам обоим хотелось быть ещё ближе друг к другу, сорвать все барьеры.

Я снова притянула его к себе и сама поцеловала, направляя его в сторону комнаты. Он подхватил меня на руки, приподнимая платье, чтобы я могла через разрез обвить его талию ногами. Глеб кинул меня на постель и навис надо мной, одной рукой прижал мои запястья над головой к кровати и стал спускаться поцелуями к шее.

— Отец, убьёт меня, — простонала я, отдаваясь ощущениям, и с замиранием сердца ожидала его ответа.

От этого ответа зависит наше с ним будущее и Глеб не разочаровал меня, он зарычал, отстраняясь и отпуская меня.

— Мне плевать на твоего отца, Золотко, — я улыбнулась. — Слышишь, Тина? Мне плевать.

Он снова склонился надо мной, а я решилась, наконец-то на важный шаг. Я упёрлась ладошками в грудь Глеба.

— Глеб постой, я должна тебе кое-что сказать, очень важное, — я отдышалась и всё ещё не поднимала на него глаза, смотрела на его широкую грудь и водила пальцем по рельефу мышц. Глеб поднял моё лицо за подбородок, заставив посмотреть в глаза, и я сказала:- Я беременна.

У меня было большое желание зажмурить глаза, но я сдержала этот порыв и смотрела прямо в его глаза. Сначала это был шок, потом неверие, потом любовь, ласка и осознание, наблюдать за такими эмоциями любимого было выше всего моего существа. Во мне поднялась волна радости и просто дикий восторг. А особенно, когда Глеб поблагодарил меня за такой подарок, и я просто пропала. Пропала в глубине его глаз, снова мы потерялись в диком пламени, мы горели в своём собственном огне. Огне страсти, любви, доверия, преданности, желания!

Так мы и уснули уставшие, но очень довольные.

И, знаете, мне кажется, что я даже во сне улыбалась. Впервые за последние дни я не заметила, как прошла ночь, впервые в жизни я ни разу не проснулась среди ночи, хотя такое обычно бывает.

А вот когда я проснулась, поняла, что такое чувство дежавю. Да-да, именно дежавю. Я снова проснулась от того, что мне в глаза светило солнце, я приоткрыла глаза и засмеялась, уткнувшись лицом в подушку. Глеб, опершись на локоть, разглядывал меня и теребил, перебирал между пальцами мои волосы, вот прямо так же, как и в его доме в наш первый

раз. Мне прямо так же захотелось пошалить, поэтому я чуть привсталала, прекратив смеяться, чмокнула Глеба в губы и уже хотела убежать в душ, так же как и в первый раз, но на этот раз неудачно. Снайпер понял мои намерения, поэтому схватил меня за руки и опрокинул, обратно на спину, и навис сверху, прижав мои руки к кровати. Вот тут я опять засмеялась.

— Ты не меняешься, Золотко, — так же со смехом сказал он, а я притворно оскорбилась.

— Ну, за это ты меня и любишь, — я свела брови вместе, хотя подозреваю, что глаза мои смеялись. — Ведь любишь?

— Очень люблю, — сказал он, наклоняясь ко мне и целуя.

Потом у нас ушёл ещё час, чтобы мы доказали друг другу, как сильно мы друг друга любим, потом мы вместе сходи в душ, а потом Глеб отправился готовить завтрак! Представляете?

Я его совсем не узнаю, он такой, каким я его ещё не видела никогда, такой настоящий, любящий. Ну, прямо мечта, а не мужчина! Я надела бельё и накинула поверх шелкоковый халатик, встала у открытого балкона и стала наблюдать за людьми спешащими по своим делам, за детьми, которые бегали по улицам, наслаждаясь своими каникулами.

Вроде, всё было как всегда, но сейчас на самом-то деле всё изменилось и изменилось кардинально! Я влюбилась, у меня есть любимый человек и у нас с ним будет ребёнок. От этих мыслей у меня на лице расцвела самая счастливая улыбка, которая, наверно, сияла даже ярче чем солнце, в животе приятно порхали бабочки!

Я так задумалась, что даже не заметила, как сзади подошёл Глеб, только когда он обнял меня, и прижал спиной к своей груди, я поняла, что он рядом. Так сильно погрузилась во всю эту атмосферу счастья, что совсем потеряла себя.

— Теперь ты моя, Золотко, — прошептал он мне на ухо, опаяя своим горячим дыханием мою шею, а потом обхватил меня руками за живот и добавил. — Вы мои.

Всё прямо перевернулось во мне, но я переборола себя, и специально улыбнувшись своей высокомерной улыбкой, развернулась в его объятьях, обвила руками за шею, притворно, возмущившись:

— Я не твоя собственность, Лаврентьев! — ещё и одну бровь подняла, для пущевого эффекта.

— Это ты просто об этом ещё не знаешь, Серебрянская, — я закусил губу, чтобы моя улыбка не была слишком широкой, но потом плюнула на всё и снова его поцеловала.

10 глава.

— Ммм, это просто божественно, — блаженно зажмурилась я, поглощая невероятно вкусные оладьи, которые буквально таяли во рту. — Глеб ты меня удивил. Где ты так научился готовить? Это же просто неподражаемо.

Глеб пил кофе и с улыбкой наблюдал за мной. Да и как тут не улыбаться, я же веду себя как настоящий ребёнок! Просто понимаете, когда мужчина готовит для тебя завтрак, да ещё и такой вкусный тут не каждая девушка устоит. Я не устояла и сейчас меня просто распирает от восторга!

Вкусный кофе, божественные (а иначе и не скажешь) оладьи с клубничным джемом, любимый мужчина рядом, прекрасная погода, что же ещё для счастья надо? Лично мне ничего, лишь бы он был рядом, а с остальным мы справимся.

— Это очень долгая история, Золотко, — сказал он с улыбкой, но в глазах я заметила едва заметную печаль.

— Ну, а мы вроде как никуда не спешим, — пожалала я плечами и для большей убедительности закинула ноги на диванчик и поджала их под себя, взяла с тарелки ещё один оладушек и щедро обмакнула его в джем. — Так, что рассказывай.

Глеб засмеялся и забрал у меня пустую чашку кофе, чтобы налить ещё. Потом вернулся сел рядом со мной, отдал мне горячий напиток, а я, задержав дыхание, ждала, что же будет дальше.

— Ладно, Золотко, но пообещай, что дослушаешь до конца, и не будешь перебивать, — я кивнула, задержав дыхание. Возможно, сейчас я всё узнаю: и причины его странного поведения, и что случилось с его семьей, я могу узнать всё прямо сейчас. — Ты первая, Тина, кому я об этом рассказываю, — я отставила чашку на стеклянный журнальный столик и приготовилась слушать, смотря на него. Глеб отвёл глаза к окну и начал свой рассказ. — Я потерял своих родителей давно, Тин. Они никогда в жизни не были связаны с криминалом, у них был свой законный бизнес. Они держали антикварный магазин, и на их товары был очень большой спрос. Продавцы и покупатели самые элитные. Моим родителям всегда доверяли, потому, что они действительно умели правильно и хорошо работать, были мастерами своего дела. Лучшими антикварами, даже по меркам нашей страны. Фамилия супругов Лаврентьевых была самая узнаваемая, — вот теперь мне стали понятны и картины на стенах в его роскошном доме, и антикварная мебель. — Все знали, что у них в магазине всё подлинное и дорогое, как уж тут не поживится? Самый лучший вариант для грабителей. И вот в один из рабочих дней на магазин напали четверо вооружённых, сначала убивать моих родителей они не планировали, но что-то пошло не так и один из грабителей застрелил обоих. Мне было тогда шестнадцать, а ещё у меня была младшая сестра Лиза, ей тогда было четырнадцать. Это был для нас с ней невероятный удар. Нас отправили в детский дом, потому что больше родственников у нас не было. Жизнь в детдоме не была адом для нас, потому что я уже тогда изменил своё отношение к людям, научился контролировать свои эмоции. Я заставил всех меня бояться за год пребывания в этом учреждении. К сестре даже подходить боялись, потому что знали, связываться со мной себе дороже. Меня считали поехавшим, жестоким, безжалостным психом. Уже тогда знали, что ничего хорошего из меня не выйдет, да я и давно бы скатился по наклонной, если бы не Лиз. Она была моим якорем, могла меня остановить в любую минуту, когда я уже не мог себя контролировать. Вот так мы и прожили до моего восемнадцатилетия. Потом я вступил в права наследства и оформил опеку над сестрой. Стыдно признать, но я совсем не уделял ей время, потому, что моей целью была месть. Я хотел отомстить за родителей, найти тех подонков, что разрушили мою спокойную и счастливую жизнь. Самое страшное, Тина, что я действительно отомстил. Помог мне в этом Терминатор — твой отец, — у меня всё внутри сворачивалось от жалости и обиды за него, а вот после этого известия сердце буквально ёкнуло в груди. Я не могла поверить в это, в то, что он сказал, не могла принять и уже хотела высказать ему всё, что думаю, но он поднял руку, призывая к молчанию. — Ты обещала выслушать, — и я замолчала опустив глаза на сцепленные в замок руки. — Так вот, Тин, твой отец помог мне найти этих подонков, а я в тот раз впервые попробовал себя в роли хакера, — усмехнулся он, а я боялась услышать, что было дальше. — Не знаю как, но твой отец смог вычислить убийц и назвал мне их имена. Сначала он предлагал помощь, потому что понимал мои чувства, но это дело принципа, это должно было быть моё решение, как поступить и что с ними сделать. Я не убивал их. Нет, Золотко, — поднял он моё лицо за подбородок, чтобы я смотрела ему в глаза, а я признаюсь, выдохнула с облегчением. Хотя сама не представляю, как бы я

поступила с теми, кто убил бы моих родителей. — Я нашел всю информацию на них, раскопал всю подноготную. Этого хватило на пожизненное заключение, для всех четверых. Ты, наверно, спросишь, почему я так поступил. Всё просто, Золотко, мне хотелось прикончить каждого, убить каждую тварь с особой жестокостью, но я осознал, что для них это слишком просто. Такие мрази, даже, смерти не заслуживают, Тина. Для них страшнее смерти, только заключение. Да и теперь я о них помню, и уж поверь мне, Золотко, им в тюрьме очень хреново живётся. Сейчас они предпочли бы умереть, потому что, то что с ними там делают мои подкупные надзиратели, во много раз страшнее смерти. Они получили сполна, за все годы наших с сестрой мучений, — теперь он смотрел мне в глаза и в них был лёд, но на задворках боль, нестерпимая, она грызёт его изнутри все эти годы. Ему больно всё это вспоминать, но он продолжает рассказывать, из-за меня. Он доверяет мне свои самые большие тайны, а это очень многого стоит, особенно сейчас. — Только после вынесения приговора я успокоился и, наконец, стал уделять время сестре, она и научила меня готовить, ведь ей самой пришлось рано повзрослеть.

— Что с ней случилось? — тихо спросила я, чтобы не разрушить этот момент. Глеб снова отвёл от меня взгляд.

— Знаешь, Тинуль, мы ведь с твоим отцом никогда не были врагами. Он был для меня наставником, опорой и я бы даже смог назвать его отцом. Он помог мне начать свой бизнес, а я платил ему своим талантом, он называл человека, а я находил про него всё. Знаешь, у нас были такие взаимовыгодные отношения. Мы никогда не соперничали в чём-то, ведь я прекрасно понимал, что твой отец намного опытнее меня и тягаться с ним не то, что тяжело, опасно, — с этим я была согласна. — Потом в один из дней похитили мою сестру, прямо из университета, на глазах у всех. Показательно, на обозрение всем, — я взяла Глеба за руку и крепко её сжала, демонстрируя поддержку. Мне дико хотелось узнать, что дальше, но я боялась причинить ему боль, напоминая о прошлом. — Я хотел обратиться к твоему отцу за помощью, потому что был в отчаяние, не знал, что делать. Я всё ждал от похитителей, каких-то действий, требования выкупа, но ничего не было. И ты просто не представляешь, Золотко, как это тяжело терзаться сомнениями, жив единственный дорогой тебе человек или нет, ты не представляешь какая это мука, не знать, что с любимым тебе человеком, через что ему приходится пройти, пока ты сидишь и бездействуешь. Поэтому решение обратиться к Терминатору, в то время для меня было единственно верным. Вот тогда-то они и позвонили, — он вздохнул, как бы собираясь с силами. Что-то ему не нравилось, и он не мог продолжить, я сжала его руку сильнее, и он продолжил: - Тинка, я тогда был готов поверить во что угодно, они специально ждали несколько дней, чтобы я с катушек слетел. У меня было такое состояние, что я не отдавал себе отчёта в действиях, — он будто специально оттягивал этот момент, когда должен был раскрыть все карты, а мне было дико страшно. Я знала, то, что я услышу, мне не понравится, так и вышло. — Меня смогли убедить в том, что это сделал твой отец, чтобы избавиться от меня. Ведь к тому моменту я уже хорошо поднялся и был ему, якобы, как кость в горле. У меня даже сомнений не возникло, что это мог быть кто-то другой, понимаешь, Тин? — я понимала, прекрасно понимала, но промолчала. — Я делал всё подгоняемый яростью. Я узнал о твоём отце всё, вообще всё! На это мне потребовалось ещё два дня. Твой отец перешёл дорогу очень сильным людям, но чтобы его уничтожить использовали меня и у них это почти получилось. Я бы уничтожил Терминатора, если бы в последний момент мне не сообщили, что мою сестру нашли, — я задержала дыхание, у меня из глаз текли слёзы, не жалости, а боли. Я ощущала его боль всей

своей душой. — Её нашли мёртвой, Тина, и я понял, что всё было напрасно. Я поехал к твоему отцу, просто поговорить и тогда и узнал, что это был не он. И если бы я обратился к нему за помощью, то моя сестра была бы жива. Но я пожелала поверить в другое и мы с твоим отцом разошлись, не скажу, что как враги, но близко к этому. А самое страшное, Золотко, это то, что я до сих пор понятия не имею, кто это был и почему выбрал именно меня. Может потому что я был в то время ближе всего к твоему отцу, а может из-за своей репутации психа, — он усмехнулся, пытаясь немного разрядить обстановку. — Я не знаю, кто это и твой отец тоже, хоть мы и разошлись, выяснить было необходимо, но он не смог. И это ещё хорошо, что я не узнал о тебе тогда, — он нежно погладил меня по щеке, стирая слезы, и я улыбнулась, потому, что в глазах его было облегчение. Глеб смог отпустить прошлое, он высказался, и ему стало легче. — Я благодарен твоему отцу, за то что он тебя так оберегал, за то что прятал всё это время.

— Я тоже ему благодарна, — кивнула, вытирая слёзы. И только сейчас всё осознала. — Глеб я и не представляла, что вас с моим отцом, что-то связывало. Господи, это так неожиданно, что я прямо прийти в себя не могу! — я засмеялась и покачала головой.

Как же всё-таки интересно переплелись наши судьбы. Мы должны были встретиться. Не знаю, существует ли кто-то там наверху, но, то что с нами случилось, это точно судьба.

— Теперь ты всё знаешь про меня, Золотко, — он нежно мне улыбнулся. Эта улыбка была только для меня. Я чувствовала, что так он улыбается только со мной. — Готова ли ты быть с таким?

Я сделала вид, что задумалась, отвела глаза и подняла лицо к потолку с выражением великой задумчивости на физиономии, но потом засмеялась и повернулась к Глебу.

— Конечно, готова.

— Тогда нам стоит кое что поправить, изменить. Мы познакомились, как бы это сказать... — он задумался на секунду, — не правильно.

— Не правильно? — переспросила я, в душе ликуя.

— Да, Золотко. С тобой всё пошло не по плану и это нужно исправить, — он вдруг улыбнулся, такой мальчишеской улыбкой, что я прямо удивилась, как я раньше не разглядела в нём этого мальчишку.

— Как? — в предвкушении спросила я, задержав дыхание.

— Давай начнём всё сначала, — он нежно взял ладонь в свои руки, а я улыбнулась, смотря ему в глаза, и кивнула. — Глеб, — тихо представился он и усмехнулся.

— Тина, — так же тихо ответила я, ощущая на душе невероятную лёгкость.

— Есть одна мысль, — улыбнулся он, а я подняла брови. — Собирайся, кое-куда прокатимся.

Я нахмурилась. Вот вы понимаете, какая интрига? Что же задумал этот чёрт?

Через полчаса я уже сидела в его крутой тачке и ехала непонятно куда. Ещё через десять минут, я стала догадываться, куда Снайпер едет и занервничала.

— Глеб, куда ты едешь? — спросила я нервно, покосившись на него, а он улыбался, ну очень хитро.

— К твоему отцу, — спокойно ответил он, а я чуть не закричала от негодования и стала ему выговаривать:

— Ты с ума сошёл? — возмущению моему не было предела. — Он же убьёт тебя, Глеб.

— А, что ты предлагаешь, Золотко? — всё так же улыбаясь, спросил он. — Прятаться вечно? Ну, уж нет, ты моя и твой отец с этим ничего не поделает.

Я бы могла возразить, привести массу аргументов, но по одному только голосу Глеба поняла, что спорить с ним бесполезно. Хотя может так и нужно, резко, чтобы потом не мучиться. С такими мыслями и с переживаниями мы доехали до дома моих родителей. Глеб помог мне выйти из машины, а я нервно поправляла платье и причёску, всё ещё не в состоянии поверить, что Глеб готов на этот шаг. Я-то уж точно не готова.

Глеб буквально на буксире подвёл меня к огромной входной двери.

— Давай, Золотко, назад пути уже нет. Пора разобраться со всем этим.

Я глубоко вздохнула, и первая вошла в дом. Из гостиной доносились голоса. Мама и папа точно, они о чём-то спорили. Я остановилась напротив гостиной в полной нерешительности и с быстро бьющимся сердцем. Глеб ободряюще мне улыбнулся, взяв за руку крепко её сжал, и мы вместе зашли в комнату.

Мама с папой так были поглощены своим спором, что нас даже не заметили, поэтому я кашлянула, чтобы привлечь к себе внимание и сильнее вцепившись в руку Глеба, произнесла:

— Мам, пап, привет, — они тут же посмотрели на нас, когда мама увидела, как трогательно мы держимся за руки, улыбнулась, а папа грозно нахмурился и взгляд у него был просто убийственный, я даже поёжилась. Глеб и папа буравили друг друга взглядом. Папа не выдержал первым, шагнул вперёд и уже хотел начать говорить, но мама положила свою руку ему на плечо, останавливая.

— Андрей, дай им сказать, — он обернулся на неё и, уловив её твёрдый взгляд, расслабился, но не до конца и мама пустила в ход тяжелую артиллерию. — Не заставляй её делать выбор, ведь ты прекрасно знаешь, что она выберет. Позволь им самим решать, Андрей. Не подвергай нашу дочь таким страданиям, это слишком жестоко, даже, для тебя.

Мы с Глебом переглянулись. Отец всё больше хмурился, однако молчал, внимательно следя за нами. Мама осторожно кивнула Глебу и подмигнула мне.

— Андрей Вячеславович, — начал Глеб уверенно и ободряюще сжал мою ладонь. — Я люблю вашу дочь и ни за что не отступлюсь от неё. Чтобы вы ни сделали, не предприняли, я всё равно буду с ней.

На мгновение воцарилась тишина, Глеб сказал немного, но в словах его было столько, чувств, столько уверенности, любви, что даже моё бы сердце растаяло. Папа молчал, а у меня в груди всё замерло от нетерпения. Взгляд папы ненадолго смягчился, но мне этого хватило, чтобы понять — мы победили.

— Глеб, если с моей дочерью, что-то случится, тебе не жить, — грозно произнёс отец. Вы просто не представляете, как мне хотелось кинуться ему на шею в этот момент. Я посмотрела на Глеба с победной улыбкой и выхватила свою руку из его захвата, подошла к отцу и крепко-крепко его обняла.

— Спасибо, пап, — тихо шепнула я ему на ухо, когда он прижал меня к себе.

— И надо было разыгрывать весь этот спектакль, — усмехнулась мама, обращаясь к папе с претензией, мне стало не понятно такое её поведение. — Ладно, идёмте я вас чаем напою, пока этот чёрт не передумал.

Я засмеялась, уткнувшись папе в плечо. Его дорогой пиджак, как всегда приятно пах морем.

— Варвара! — возмутился папа, а она направилась в сторону выхода из гостиной.

— Цыц, милый! Ты знаешь, что я права.

Я вырвалась из объятий папы и, схватив Глеба за руку, потащила его на кухню, чтобы он

вдруг не сболтнул лишнего, а это лишнее бы точно было, потому что как только мы остались одни он шепнул мне на ухо:

— Никогда бы не подумал, что Терминатор будет так стелиться перед женщиной.

— Цыц, — пригрозила я и уловила в своём голосе мамины нотки, от чего мне стало смешно, и я толкнула Глеба в бок. — Тебя это тоже ожидает.

Он засмеялся, прижав меня к себе, нежно поцеловал, и это было самое правильное, что он мог сделать в этот момент. Я отстранилась от него и затащила на кухню, а то папа может и не выдержать нашего поцелуя, тут и зашла мама. Подошла к Глебу с улыбкой и протянула ему свою руку.

— Варвара Алексеевна, — он тоже представился, а она продолжила. — Мне очень приятно познакомиться с парнем, который покорило сердце моей дочери.

— Взаимно, Варвара Алексеевна, взаимно, — мама была впечатлена его хорошими манерами, это сразу было видно в её глазах.

— Что ж присаживайтесь, дети мои, — мы сели за большой стол, мама налила нам чаю, даже, не спросив, чего бы мы хотели, впрочем, как и всегда, она сама прекрасно знает, что нужно в той или иной ситуации. Мама поставила перед нами чашки, пиалочки с варением и мёдом, тарелку со своим фирменным яблочным пирогом и наклонившись над столом с улыбкой сказала, обращаясь к Глебу:

— Если ты сделаешь больно моей дочери, дорогой, то угрозы моего мужа покажутся тебе детским лепетом, — я, чтобы не рассмеяться взяла чашку и скрыла за ней свою улыбку, отхлебнув немного травяного чая. Который, к слову, мама собирает сама из самых различных травок и создает невероятные сочетания.

Мама подмигнула нам и скрылась из виду, Глеб ещё несколько минут смотрел в сторону, куда она ушла, и тут я уже не выдержала и рассмеялась.

— Знаешь, Золотка, я твою маму больше твоего отца боюсь, это нормально? — я кивнула. — Ну, тогда поведение Андрея Вячеславовича становится мне понятным.

Глеб тут же засмеялся. Мы пили чай, разговаривали на разные темы, и тут снова появилась мама, на лице улыбка в глазах счастье. Да, она была счастлива, что её непутёвая дочь, наконец-то остепенилось. Вы же не представляете, сколько у нас с ней было разговоров на счёт того, что мамуля внуков хочет.

— Глеб, милый, Андрей хочет поговорить с тобой в своём кабинете, — я тут же напряглась, а Глеб кивнул и, не спросив направления, вышел из кухни. Видимо, он раньше был здесь частым гостем.

— Мам, — взволновано обратилась я к ней, а она в молчании налила себе чая и присела рядом со мной, сжав мою руку.

— Не переживай, ничего с твоим любимым не случится, дорогая. Твой папа очень гордый и сразу сдаться он не мог, понимаешь? Ну, просто не мог он сказать: «здравствуй, зятёк, добро пожаловать в семью!», понимаешь? — спросила она у меня, и только сейчас до меня дошёл смысл её слов.

— То есть папа с самого начала принял мой выбор? И именно поэтому ты сказала про спектакль? — она со смехом кивнула, а всё ещё не могла поверить в это. — А папа, точно его не убьёт? — всё же спросила я, а мама стала серьёзной.

— Ты ведь должно быть знаешь, что Глеб и твой отец были знакомы ещё задолго до вашей встречи? — я просто кивнула. — Им надо многое обсудить, милая. Разобраться в ситуации, наконец.

— Так ты всё знаешь? — удивлённо подняла я брови, от чего мама рассмеялась и погладила меня по руке.

— У мужа нет от меня секретов, милая. Ты главное не волнуйся, тебе нельзя нервничать, — она подмигнула и бросила многозначительный взгляд на мой живот, от чего я закусила губу. — Так, что пока наши мужчины обсуждают дела, у тебя есть время переодеться.

Тут я с опозданием вспомнила, что всё ещё сижу на кухне в вечернем платье и выглядит это весьма нелепо.

— Знаешь, мама мне дико понравились платья. Вот уж не понимаю, почему раньше я их не любила. Может, есть, что-то подходящее для меня?

— Ох, милая, я сейчас себя в молодости на твоём месте вижу. Когда мы с твоим отцом стали встречаться, я, так же как и ты, немного пересмотрела свои взгляды на этот предмет гардероба, — Идём, милая, у меня есть кое-что.

Мы снова зашли в родительскую спальню, и мама вновь исчезла в гардеробной, правда на этот раз надолго. И снова вышла с чехлом в руках.

— Вот это платье должно идеально тебе подойти, — она протянула футляр мне и я так же, как и в прошлый раз, положила его на кровать, чтобы легче было рассмотреть.

В чехле было обычное облегающее не слишком длинное, но и не слишком короткое платье, верх был кружевным с блестящими стразами, а всё остальное платье было чисто чёрным.

— Оу, мама, оно прекрасно. Такое простое и в то же время элегантное, — я провела по мягкой ткани рукой.

— Да, милая, я знаю. Именно в этом платье я пошла на первое свидание с твоим отцом.

— Оууу, — протянула я и хитро улыбнулась.

— Да-да, дорогая, я берегла его для тебя. Знала, что рано или поздно оно пригодится.

— Спасибо, мамуль, — я поцеловала её в щёку, прихватила платье и пошла, переодеваться в свою комнату.

Платье село идеально по фигуре, как будто на меня было сшито. Оно подчёркивало все достоинства и скрывало недостатки, которых, к слову сказать, почти и не было. Я надела чёрные туфли на высокой шпильке, привела причёску в порядок, расчесала волосы и уложила их волнистыми локонами, слегка подкрасила губы и глаза и взяла чёрную сумку-клатч, перекинула её через плечо.

Спустилась в холл, уже хотела развернуться и идти в кабинет отца, как он с Глебом и появился, когда они приблизились, я услышала лишь обрывок фразы.

— ...будь осторожен, — и это сказал мой папа?! Мой папа, только что у меня на глазах... Охренеть, куда катится мир? Видимо, мама была права и им с Глебом просто нужно было разобраться в ситуации.

Я и опомниться, не успела, как Глеб подхватил меня на руки и понёс в сторону выхода, а я закричала:

— Пааап, меня похищают, помогите! — папа махнул на нас рукой, а спустившаяся со второго этажа мама, рассмеялась.

— Ну вот теперь я поняла, кого Глеб мне напоминает, — сказала она весело, сделав небольшую паузу, и продолжила уже серьёзно и грозным голосом ткнув в папу пальцем:— Тебя.

Теперь уже засмеялась я. Оказывается, моя мама не такая уж и скучная женщина, какой

я её всегда считала.

— Глеб, ну отпусти меня на землю уже, — попросила я, когда мы оказались у его машины.

— А вот и не отпущу, — прижал он меня к себе ещё сильнее и поцеловал в губы, властным, требовательным поцелуем, призывая к подчинению. И я такая: «ага, сейчас! Мечтай милый!». Я укусила его за нижнюю губу и тут же отстранилась.

— Глеб, платье помнётся! — возмутилась я, хотя мне вовсе не хотелось, чтобы меня отпускали, но я не была бы собой, если бы не возмущалась.

— Ну, только ради платья, — притворно, снисходительно произнёс он и поставил меня на землю. Я засмеялась и стукнула его кулачком по плечу.

— Что это на тебя нашло? — задала я ему вопрос, имея в виду, то, что меня так бесцеремонно вытащили из собственного дома.

— Просто хочу, чтобы ты увидела меня с другой стороны, — я вздохнула.

— Я уже знаю, какой ты Глеб и мне больше ничего не надо, понимаешь? Я всё о тебе знаю, и точно знаю, что со мной ты другой, не надо мне ничего доказывать, — он кивнул.

— Ты очень умная девушка, Тина, прямо как твоя мама, — он заправил мне прядь волос за ухо и провёл костяшками пальцев по щеке, от чего я зажмурилась, ну прямо как кошка. Да, он знает, что нужно делать, чтобы вывести меня из равновесия. — Может, прогуляемся?

Я кивнула, хотя сомневалась, что на таком солнцепёке, Глебу будет уютно в костюме, но это не мои проблемы. Я мысленно засмеялась, (да, вот такая я хорошая девочка).

Мы с Глебом прогуливались по улицам, держась за руки, и обсуждая самые простые темы, пока Глеб вдруг не попросил:

— Расскажи о себе, — и тут я поняла, что Глеб практически ничего обо мне не знает.

— Ну, я никогда не считала себя Тиной Серебрянской, дочерью криминального авторитета Терминатора, потому что с детства к этому привыкла, да и никто меня моим именем и не называл. Даже в школе, — усмехнулась я, вспомнив, свои школьные годы.

— Почему? — задал Глеб вопрос.

— Потому, что мама была против, чтобы кто-то знал, мою родословную. Для всех я — Тина Серебрянская, отправилась в Англию учиться, а здесь я была другой. У меня даже паспорт поддельный есть, и как ты думаешь, как меня зовут, по тому паспорту? — да, вопрос с подвохом.

— Понятия не имею, — честно ответил Глеб, после нескольких минут раздумий, а я засмеялась.

— Кристина Белозёрская, — вот его лицо нужно было видеть. Это смесь шока и удивления, а потом осознания. Глеб шуточно стукнул себя по лбу и простонал: «ой, дурааак!», и мы вместе над этим засмеялись. А потом я продолжила:— Меня никогда не регистрировали нигде, так что этого имени, нет ни в каких базах данных, но меня так называли. Никто не знал, что это фикция, никто не знал, что паспорт фальшивый, никто не знал моего настоящего имени, и никто никогда на меня не покушался, я могла жить спокойно и в полной безопасности. Так и жила. До встречи с тобой, конечно.

Мы снова засмеялись.

— Чем ты любишь заниматься? — задал он следующий вопрос.

— Ну, на это я могу много чего ответить. Много чего люблю. У меня много увлечений, это и борьба, и пение, и стрельба, и свои какие-то юридические дела. Я обожаю свою работу, и ни на что её не променяю. Мне нравится заниматься бумагами, договорами,

присутствовать на судебных процессах, это моя стихия, и я в ней чувствую себя, собой.

— Ты очень интересная девушка, Серебрянская, — выделил он мою фамилию, а я покачала головой.

— Ой, кто бы говорил, Лаврентьев.

Я засмеялась, и тут вдруг Глеб схватил меня за руку и остановил, заставив повернуться и встать напротив него.

— Тин, послушай меня, — он смотрел на меня с какой-то непонятной мне печалью во взгляде. Это меня сбило с толку, вот только что мы с ним смеялись, и тут вдруг такая перемена. Что произошло? — Золотко, чтобы не случилось с нами, помни, что я люблю тебя.

— Я знаю, — произнесла я, нахмурившись и не понимая, к чему он это говорит. Глеб коснулся своей ладонью моей щеки, а я положила свою ладонь сверху, сжав. — Я тоже люблю тебя.

— Просто никогда об этом не забывай, — он залез рукой в карман пиджака и попросил: - Повернись.

И сам развернул меня спиной к себе. Он нежно перекинул мои волосы через плечо, касаясь своими тёплыми пальцами шеи, а я вздрогнула, от прикосновения холодного металла к коже. Опустила взгляд и увидела серебряный кулон в виде сердца. Я взяла его в руки и стала рассматривать. Красивое, сверкающее серебро, с одной стороны сердечко было усыпано стразами, которые мерцали на солнце.

— Ты украла моё сердце, Тина, не забывай об этом.

Я развернулась к нему лицом и снова посмотрела в его янтарные глаза.

— Я тебя не понимаю, Глеб, — он не успел ответить, у меня в сумке зазвонил мобильный. — Извини.

Он кивнул, и я вытащила телефон. Звонил папа. Странно.

— Да, пап, — Глеб тут же отвернулся от меня.

— Тинусь, извини, что прерываю, но в офисе срочно нужна твоя консультация с одним договором, — я удивилась. Обычно на такой случай у папы есть весьма опытная секретарша в возрасте Антонина Сергеевна, у неё тоже есть юридическое образование. — Очень важный договор и доверить его я смогу только тебе, дорогая.

— Ладно, пап, можешь отправить мне на электронную почту, я посмотрю, — всё ещё раздосадованная таким известием проронила я.

— Нет, Тинуль, слишком опасно, нужно чтобы ты приехала в офис немедленно.

— Эм, хорошо, — сказала я, и папа тут же отключился. В состоянии лёгкого шока я уставилась на погасший экран мобильного.

— Что-то случилось? — спросил у меня Глеб, от чего я вздрогнула, забыв о его присутствии.

— Нет, вроде всё в порядке, но папа просил подъехать в офис, помочь с бумагами, — Глеб кивнул.

— Хорошо, идём, я тебя отвезу.

Я благодарно кивнула. Мы зашли ко мне домой, и я переоделась в деловую одежду, десс-код, никто не отменял. Во время дороги меня не покидало плохое предчувствие, мы ехали в молчании, потому что мне не хотелось говорить. Я чувствовала какое-то непонятное напряжение, будто что-то совсем скоро произойдёт, а я не знаю, что именно. Ещё и этот странный звонок отца. Что это за договор такой? Да ещё и так срочно?

Все мысли, что лезли в голову, были тревожными, мне так и хотелось попросить Глеба

повернуть назад и ехать подальше от офиса, но в душе я понимала, что мои переживания беспочвенны.

Мы подъехали к офису, Глеб помог мне выбраться из машины, нежно поцеловал и пожалел удачи. Он затормозил не на парковке, поэтому до дверей здания, где стояли два охранника, мне пришлось идти пешком. Когда автоматические двери разъехались, что-то ёкнуло в груди, я обернулась, и именно в этот момент прогремел взрыв.

— Нееееет! — послышался душераздирающий крик, и только спустя минуту я поняла, что кричит ни кто-то, а я. — Глеб, нет!

Мне хотелось рвануть к машине, но меня крепко схватили за руки. Я вырвалась, кричала, мне нужно было знать, что всё это только сон, мне всё это кажется, и сейчас я проснусь.

Но ничего не случилось, то, что совсем недавно было машиной, сейчас напоминало, просто горевшие ошмётки метала.

Мне нужно вырваться, мне нужно сейчас к нему, но этот истеричный крик сбивал с толку, неужели, это я.

Я почувствовала резкую слабость и опустилась на колени, а меня всё ещё держали за плечи и что-то говорили, но я ничего не видела перед собой, только огонь.

Тут я почувствовала резкий, укол в области шеи и начала терять связь с действительностью, меня затягивало в темноту, а единственная мысль была перед тем, как отключиться — лишь бы не проснуться.

11 глава.

Сейчас у меня было такое чувство, какой-то дезориентации. Всё было как в тумане, будто всё это происходит не со мной. Я видела себя будто со стороны: вот стою у зеркала в чёрном шёлковом платье, вот касаюсь красной помадой губ, поправляю мягкие локоны волос, вот надеваю на шею кулон в виде сердца, начинаю его рассматривать и непроизвольно зажимаю в руках, как самое ценное сокровище. Его подарил мне Глеб, прямо перед... прямо перед тем, как бросить. Оставить навсегда!

Как я могу поверить в это? Как могу принять?

Я тряхнула головой, чтобы отогнать все мысли, ведь мне и так сложно сдержать слёзы, что душат сердце. Чтобы та боль, что разрывает грудь, не рвалась наружу. Я бы могла вообще не ехать на похороны, но это было бы предательством. Я не могу так поступить, но и показать свою слабость я не должна, а я даже не знаю, что будет со мной, когда я увижу, этот чёртов гроб. Смогу ли я остаться равнодушной, когда другие только и ждут моего падения? Моей слабости?

Ну, почему? Почему это произошло именно с нами? Почему, я потеряла его сразу же, как только обрела?

Мы ведь и так через многое прошли, так почему всё так? Неужели, после стольких мучений мы не заслужили счастливую жизнь? Почему судьба так не справедлива к нам? Ко мне? Где же я так нагрешила? Чем я это всё заслужила? Почему привычный мне мир рушится? Как мне от всего этого сбежать? Где спрятаться от боли, от разочарований, от судьбы?

Тут дверь моей комнаты распахнулась и на пороге появилась Ирка с таким лицом, что мне захотелось на луну выть! Только, посмотрев, в её зелёные глаза полные жалости, поддержки, сочувствия, можно понять, убедиться, что всё это происходит на самом деле.

Подружка подошла ко мне со спины и крепко обняла, положив свой подбородок на моё

плечо.

— Тин, ты справишься! — легко ей говорить эти слова, она не чувствует, того, что сейчас чувствую я. — Вместе мы преодолеем всё, подруга. Только держись.

Я кивнула, чувствуя, как по щеке скользнула слеза, я тут же смахнула её и вздохнула полной грудью. Я должна переступить через себя и быть сильно, какой была всегда. У меня ещё будет время поплакаться, кому-нибудь в жилетку, но сегодня я должна держать лицо, как всегда это делала Тина Серебрянская. Сегодня я уже не Кристина Белозёрская, хватит прятаться за маской, пора показать всем, что меня не сломить, даже если это всего лишь маска, другие этого не узнают.

— Я справлюсь, — кивнула я, пытаюсь убедить в этом не Ирку, а себя. Подруга поняла меня и стиснула в объятьях сильнее. Только её поддержка помогла мне не сломаться сразу. Почему-то слова отца и матери, так на меня не действуют. Может, потому что Ирка точно знает, что нужно говорить. Нет, она не говорит обычных слов поддержки, она не пытается соболезновать, она остаётся собой, будто ничего не произошло и в то же время, её взгляд говорит многое и именно это придаёт мне сил.

— Пора, — я кивнула и посмотрела за окно.

На улице светило солнце, а на душе было мрачно, пасмурно, хмуро и шёл дождь.

Я надела чёрную шляпу от солнца, а на глаза очки, чтобы если вдруг не сдержусь, другие не заметили моих слёз за тёмными стёклами.

Мы спустились вниз, там уже перед входом стоял чёрный внедорожник, рядом стояла мама в чёрном брючном костюме, папа уже давно уехал на кладбище, теперь настала и моя очередь. Мама кивнула мне и ободряюще улыбнулась, хотя в глазах была печаль. Мы с Иркой сели на заднее сидение, а мама на переднее, рядом с водителем. Ира взяла мои руки и сжала их, выказывая безграничную и такую нужную мне сейчас поддержку.

Не помню, как доехали до кладбища, не помню, как добралась до места, всё будто стёрлось, только сейчас, когда перед глазами стоял чёрный, закрытый гроб, я до конца осознала, что я не смогу с этим смириться. Никогда не смогу!

Я не успела даже попрощаться с Глебом, а вот его слова тогда, когда мы гуляли, звучали как прощание, будто, он заранее знал, что так и случится! Знал, но даже не дал мне возможности помочь ему, может, мы смогли бы предотвратить это.

Я сняла с глаз очки. Проводить его пришли только самые близкие. Мои родители, Ден, Ирка, я, и ещё несколько его партнёров по бизнесу. Я стояла напротив гроба и проклинала себя, за то, что это случилось.

Ведь, я могла попросить его развернуться, ведь я могла это сделать, как и хотела! И тогда бы мы были вместе, а сейчас? Что сейчас? Сейчас я совершенно одна! Без него в этом мире уже не осталось чего-то хорошего, чего-то важного для меня! Всё потеряло смысл, всё!

Ко мне подошёл Денис и положил свою руку на моё плечо, с другой стороны подошла Ирка и так же сжала плечо, показывая, что я не одна, что у меня ещё есть друзья, семья. Я благодарно кивнула, но не могла отвести взгляд от чёрного гроба. От тела практически ничего не осталось, и от этого было во много раз больнее. Я не смогу увидеть его лицо, больше никогда, не смогу прикоснуться, не смогу быть рядом!

Вот тут-то и пошёл дождь, нет не дождь, самый настоящий ливень. Очень неожиданно, но мне было всё равно, я просто стояла и смотрела на гроб, капли дождя били по шляпе, но не долго, надомной тут, же раскрылся зонт. Мы предполагали, что пойдёт дождь, но для меня это было, как спасение.

Крупные капли били по крышке гроба, и в ней я видела своё отражение. Нет, это не просто дождь, это плачет моя душа.

Я наблюдала, как в замедленной съёмке, как в могилу осторожно опускают гроб, дождь немного поутих, и снова проглядывало солнце, как бы показывая, что жизнь на этом не заканчивается. Хотя моя закончена, и даже солнце не вернёт её.

Я наблюдала, как каждый подходит и кидает в могилу горсть земли, я принимала соболезнования, просто, кивая.

У Глеба ведь никого не было, совсем никого! Так, что горевать по нему придётся только мне, а по-другому я не смогу.

Я подошла уже к закапанной могиле, и, зажмурившись, первая положила цветы на холмик свежевскопанной земли.

Сложно было держать непроницаемое выражение на лице, но я справилась, и сейчас мне очень хотелось, поехать домой, забиться в угол, чтобы никто меня не трогал и наконец-то отпустить всю эту боль, что я сдерживаю уже очень долго.

Подъехав, наконец, к дому родителей я отпросилась поехать домой. Родители отпустили меня сразу, когда я отговорила тем, что мне нужно побыть одной. А вот Ирка, почему-то не хотела отпускать меня одну, она искренне считала, что сейчас мне ни в коем случае нельзя оставаться одной. Впервые в жизни я была с ней не согласна, впервые в жизни мы чуть не поссорились с ней. Но в итоге она всё же смирилась с моим решением и отступила.

Ехать за рулём в таком состоянии я не могла, но не могла и с Петровичем ехать. Мне нужен был человек, который не знал, что случилось, не стал бы смотреть на меня с сочувствием, ведь именно такой взгляд меня и ломает. Поэтому я и вызвала такси. Даже в дом к родителям не заходила, стояла на крыльце и ждала, когда приедет машина. Я плюхнулась на заднее сидение, назвала адрес и, уткнувшись в окно, беззвучно заплакала.

Когда приехали, водитель даже не посмотрел на меня, от этого мне стало легче, я расплатилась и вышла. Моя квартира была в элитном жилом доме на третьем этаже. Я поднялась пешком, просто игнорируя лифт, правда я даже не поняла это, просто делала всё на автомате. Открыла дверь, кинула ключи на столик в прихожей, прошла в гостиную, осмотрелась. Так тихо и пусто, как будто я одна во всём мире. Да, может, остаться одной и не самая моя лучшая идея.

Я потрясла головой, нет, я всё сделала правильно. Я скинула туфли, прошла в комнату, переоделась, опять же я всё делала на автомате, даже не задумываясь о том, что именно я делаю.

Прошла на кухню, вымыла руки, налила себе стакан воды, и тут уже не сдерживая себя, заплакала.

Ноги подкосились, и я опустилась на пол, поставила стакан рядом, даже не сделав не одного глотка. Я уткнулась лицом в ладони, руки тряслись от напряжения, от пережитого стресса и я поняла, что не смогу это всё выдержать. Это слишком сложно, мне срочно нужно успокоиться.

Слезы текли, не переставая, и я поняла, что нужно выпить успокоительное, иначе истерику я уже сдержать не смогу, а вот нервного срыва мне не нужно. Иначе меня тогда вообще в покое не оставят.

Я еле поднялась, ноги не держали, я достала аптечку, вытащила баночку с успокоительным и меня тут как током ударило.

«А ведь это выход!», — тут же подумала я, и чтобы не передумать пошла в гостиную.

Подошла к мини-бару, вытаскала бокал и бутылку красного вина. Руки тряслись, пока я откупоривала бутылку, пока наливала вино, пока открывала баночку, пока насыпала на руку таблетки. Я не осознавала, что я делаю.

Я прошла к дивану плюхнулась в него, зажав в руках своё освобождение. Слезы высохли, пока я смотрела на красную жидкость. Вот я уже собиралась выпить таблетки, когда в комнату, как цунами залетела Ирка. Она увидела меня и тут же подскочила, схватила за руки и отшвырнула и бокал и таблетки, стекло тут же разлетелось.

— Ты, что спятила, Тинка? — закричала она на меня. — Я так и знала, что нельзя тебя оставлять!

— Да я спятила, я сошла с ума! — я истерично засмеялась, по щекам опять потекли слёзы.

Мне было больно, и если сейчас Ирка станет меня жалеть, я не выдержу такого удара, но подружка меня удивила, сильно удивила! Он была, как разъяренная фурия, вышла на кухню и, вернувшись со стаканом воды, выплеснула его содержимое прямо на меня. Это было так неожиданно, что я как будто очнулась от очень долгого сна.

— Тина, если ты не жалеешь ни себя, ни меня, ни родителей, то пожалей хотя бы ребёнка! — кричала она, а на меня будто ушат ледяной воды вылили. — Ты убить сейчас хотела не только себя, но и вашего с Глебом ребенка, ты это понимаешь? Ты ведёшь себя, как эгоистка, как чёртова эгоистка, Тина! Себя тебе жалко, а ребёнка нет! Ты только представь, что будет со мной с твоими родителями, если мы тебя потеряем!

Вот тут я успокоилась, я всё осознала! Всё! А Ирка смотрела на меня не с жалостью, а с осуждением и это отрезвило меня! Я очнулась.

— Ты права, — тихо сказала я охрипшим голосом. — Ты права, Ир!

— Конечно, права! — рявкнула она, и тут же смягчилась. Села рядом со мной и обняла крепко-крепко. — Тинусь, жизнь на этом не закончилась. Ты жива, жив ваш ребёнок. Всё забудется, ты придёшь в себя и начнёшь жить заново. Я могу представить, как тебе сложно, но ты главное не зарывайся милая. Мы со всем справимся.

— Спасибо тебе, Ир, ты самая лучшая подруга на свете, — уткнулась я ей в плечо, а она стала гладить меня по волосам.

Я так рада, что у меня есть такая подруга. Она всё сразу поняла, она предположила, что я могу сделать с собой что-то и поехала ко мне специально, она вытаскала меня, она только что спасла меня и нашего с Глебом ребёнка. Как я могла забыть о таком чуде? Я ведь даже не подумала о ребёнке, я так заиклилась на своей боли, что всё перестало иметь смысл. Я действительно жуткая эгоистка! Как я могла? Опять так поступила с собой! Так, Ирка права! Жизнь на этом не заканчивается!

У меня всё ещё есть семья и подруга, есть любимая работа и наш с Глебом ребёнок. Я приложила руку к животу и поклялась, что я никогда не буду слабой, я отомщу тому, кто лишил меня Глеба! Я начну новую жизнь!

— Тинка? — обратилась Ирка ко мне, а в голосе её была уверенность и я поняла, что от моего ответа ничего не зависит. — Давай съездим за город? В наш любимый домик, — она отстранилась от меня и посмотрела в мои глаза с улыбкой. — Помнишь пруд, ночное небо, огни города вдалеке и одиночество. Махнём на все выходные, ты развеешься, придёшь в себя, — она положила свою руку на мой живот. — Тебе в твоём положении нужно больше дышать свежим воздухом. А в понедельник вместе выйдем на работу, это тебе поможет. Я попрошу отца перевести меня в ваш филиал на стажировку. Родители не будут против, и тебе

легче станет!

— Я согласна, Ир! Ты права, ты всегда права, — мы снова обнялись и я впервые за последнее время, почувствовала себя живой.

— Вот и молодец, Тин! А теперь живо переодеваться, а то тебе стужаться сейчас нельзя, — я засмеялась. Она печется обо мне будто это не я, а она беременна. — Ну, вот, что ты смеёшься? И вообще теперь я с тебя глас не спущу.

— Спасибо, Ир, за всё, — она кивнула, и мы пошли собирать вещи в нашу поездку.

Ирка была права. Мы ездила в наш с ней загородный дом, который нам подарили родители, чтобы мы могли проводить выходные на свежем воздухе. И вот после двух дней на природе я прямо расцвела, ожила и была готова к действиям.

Подружка, как и обещала, перевелась в наш филиал и мы активно работали. Я просто погрузилась в работу с головой, но это мне и помогло выбраться и действительно не закопаться в себя. И мне даже стыдно было за то, что я ни разу не вспомнила Глеба, чтобы не бредить свою рану.

Я действительно начала новую жизнь, но о своей клятве не забывала, я найду того, кто лишил меня любимого человека!

Сейчас я шла по коридору в офисе отца к своему кабинету, ничего не замечая вокруг. Писала в блокноте план на день и тут меня окликнула наша новая работница. Она, так же как и я стажировалась, но я умела намного больше, чем она, поэтому папа и приставил её ко мне. Для обмена опытом.

— Тина Андреевна, здравствуйте, — улыбнулась она мне, и мы поздоровались за руки. Не только дресс-код у нас в компании введён официально, но и приветствие. — Вот возьмите, — она протянула мне папку с документами.

— Что это? — приняла я папку и закрыла блокнот, чтобы ручку не уронить.

— Это ваш отец передал, чтобы вы посмотрели.

— Хорошо, я посмотрю, — кивнула я, и хотела продолжить свой путь, но Екатерина, меня остановила.

— Тина Андреевна, Ирина Александровна сказала, что зайдёт к вам, как только приедет, — я кивнула.

— Спасибо, Кать, — я зашла в кабинет, положила папку и села за стол, погрузившись в дела.

Я работала около получаса, когда ко мне в кабинет постучали, я подумала, что это Ирка и сказала: «войдите».

— Здравствуйте Тина Андреевна, — я вздрогнула и подняла глаза от бумаг. Фартовый. И, что ему только понадобилось?

— Добрый день, Михаил Олегович, — поднялась я из-за стола и собрала бумаги. — Чем могу вам помочь?

— На самом деле, Тина Андреевна, это я могу вам помочь, — он подошёл ближе, я вышла из-за стола, встала напротив Фартового и посмотрела ему прямо в глаза. — Я могу помочь вам не остаться совсем одной. Если вы, Тиночка, не хотите потерять семью, уговорите отца подписать со мной совместный контракт.

— Я этого не сделаю, — спокойно ответила я.

— Очень зря, дорогая, очень зря. Глеб ведь тоже не слушал меня, а ведь я предупреждал его не переходить мне дорогу. И, что с ним теперь? Теперь он гниёт в могиле, по моей, конечно же, милости, — я вздрогнула и хотела отшатнуться, как от удара, но смогла

себя сдержать. — На самом деле, милая, в машине вы должны были оказаться вместе.

— Что?! — ошарашено, спросила я, всё ещё не веря в происходящее.

— Да, Тина Андреевна, да. Вам повезло больше, а теперь под угрозой ваша семья, подруга, — у меня по щекам покатались слёзы, и я не могла их остановить, но лицо оставалось непроницательным, и тут вдруг во мне поднялась ярость.

— Вон отсюда! И не вздумайте угрожать мне, и моим близким. А за Глеба, вы ещё ответите!

— Неправильный выбор, Тина Андреевна. Как бы ни пришлось жалеть! — сказал он вроде бы даже спокойно, но я видела в его глазах злость. Он вышел, а я вздохнула, отчаянно всхлипнув, и вытерла слёзы, но они всё катились.

Тут дверь снова открылась и вошла взволнованная Ирка.

— А этому, что здесь понадобилось? — взволнованно спросила она, захлопнув дверь и указав на неё рукой, но тут заметила мои слёзы и переволновалась сильнее, подскочив ко мне. — Тина, что случилось.

— Это он! — яростно воскликнула я. — Это всё он и Глеба он убил!

Я размахнулась и смела со стола все бумаги, папка которую передал мне отец, открылась, и из неё тоже вылетели документы.

— Тина! — осуждающе крикнула Ирка и стала собирать бумаги, а я мерила шагами кабинет. — Ну, как так можно, Тинка? Хватит твоих истерик, тебе волноваться нельзя, это, во-первых, а во-втор... — тут подружка резко замолчала. — Что за чёрт? — я тут же повернулась в её сторону. Ирка положила все документы на стол, кроме одного сложенного вдвое листочка формата А4. — Вот посмотри.

Я взяла лист и развернула. На нём были какие-то непонятные мне цифры, какие-то непонятные столбцы.

— Что это? — удивлённо спросила я, а Ирка улыбнулась.

— Это список оффшорных счетов, через которые Фартовый отмывает деньги.

— Ты уверена, Ир? — сказать, что я была в шоке, это ничего не сказать. Похоже, лист выпал из папки, которую мне передал отец. Видимо, он случайно сунул лист не в ту папку.

— Конечно, уверена! — тут же возмутилась подружка. — Я экономист, или не я?

— Конечно ты, Ириш, — я подошла к ней и обняла. — Что мы сможем сделать?

— Вот и вернулась моя боевая подруга, — тут же обняла меня в ответ Ирка. — Мы сможем засадить Фартового. С помощью этих счетов, мы сможем убедить суд, открыть уголовное дело, тогда у Михаила Олеговича, появятся проблемы посерьёзнее, чем угрозы тебе.

— Я сделаю это! — тут же воодушевилась я, подойдя вновь к столу.

— Отец, не позволит тебе, — усомнилась Ирка, однако в глазах её была решимость.

— Я просто подготовлю бумаги, а огласит их в суде Катя. Это будет отличный опыт для неё, — я уже готова ко всему. Ко всему, что мне предстоит вынести. — Теперь главный вопрос, Ир. Ты со мной?

— Конечно с тобой подруга, — уверено кивнула она и улыбнулась. — Он заплатит за всё.

Потом началась дикая подготовка к процессу, Фартовый получил повестку и теперь о нас и не думал.

Катя подошла со всей ответственностью к заданию, и сегодня должен был состояться суд. Поэтому я задержалась в офисе допоздна, отец так не узнал о наших махинациях,

поэтому можно пока жить спокойно. Я была вся на нервах и даже вздрогнула, когда дверь открылась и влетела счастливая Ирка.

— Мы победили, Тин! — она подлетела ко мне и обняла меня. — Мы победили!

Я восторженно воскликнула и поняла, что я победила! Теперь Фартовый ответит за всё!

— Ир, это чудесная новость!

— Ты издеваешься? — удивилась она. — Это нужно отметить.

— Мне нельзя, ты же знаешь, — я кинула многозначительный взгляд на живот.

— Дурёха, я же не алкоголь тебе предлагаю, — стукнула она меня по руке. — Давай, собирайся, поехали к твоим родителям. Всё им расскажем и отметим победу.

— Ты едь без меня, дорогая, — улыбнулась я ей. — Мне нужно закончить с одним договором, хорошо? А потом я сама подъеду, — Ирка покачала головой.

— Ох, трудоголик ты мой, — она улыбнулась. — Ладно. Будем тебя ждать, только торопись.

Я кивнула и мы попрощались.

За полчаса я разобралась со всеми бумажками и собралась уезжать, когда мне пришло сообщение на телефон. Я выключила свет в кабинете, вышла из офиса, попрощавшись с охранником, и только тогда открыла сообщение.

«Ты пожалеешь об этом», — я лишь улыбнулась. Хотя рано я порадовалась. Я потеряла сноровку, расслабилась, поэтому и не заметила, как ко мне подошли сзади. Очнулась только после того, как почувствовала укол в шею, но это было последнее, что я помню, перед тем, как провалиться в темноту.

Просьпаться было очень неприятно. Голова раскалывалась, руки были связаны за спиной. Дежавю!

Господи, какая же я дура! Опять попалась. Я открыла глаза, голова кружилась, я поднялась и осмотрелась. Опять подвал, только на этот раз я лежала не на полу, а на низкой кровати. Мысли всё ещё путались, я услышала шаги и попыталась сфокусировать взгляд, а когда увидела, кто стоит передо мной, у меня сердце ёкнуло.

— Так это всё ты? — ошарашено спросила я, всё ещё не веря в это. — Но этого не может быть!

Он подошёл ко мне, присел на корточки и сказал:

— Может, Куколка, может...

12 глава.

— Ден? — в голове была каша, я зажмурилась, а потом снова открыла глаза, чтобы убедиться, что это не галлюцинация! Не галлюцинация! Шея ужасно болела, и теперь мне было интересно, что за гадость мне вкололи. Но, это не единственное, что волновало меня сейчас. Я зажмурилась и села на кровать, облокотившись о стену, руки снова затекли. — Что происходит, Денис?

Я попыталась осторожно освободить руки, и о боже, почти получилось. Верёвка на руках была стянута не очень крепко, не так как в прошлый раз. Ох, сплоховал Денис. Я села так, чтобы Ден ничего не заметил, и посмотрела прямо ему в глаза.

— Тебя ведь предупреждали, Серебрянская, — я вздрогнула и отодвинулась, когда Ден встал и приблизился. Ой, как не понравился мне его взгляд. Я вжалась в стену, потому что не понимала, что вообще происходит, почему я здесь, почему он здесь, как я тут очутилась и зачем! Денис провёл по моей щеке своими шершавыми пальцами, отчего я вздрогнула. — Не стоило тебе лезть не в своё дело.

— Я тебя не понимаю, — вздёрнув подбородок, и дёрнувшись, грозно сказала я. — Что всё это значит? Как это всё понимать? Что ты делаешь? Что здесь делаю я? Почему ты мне угрожаешь? Ты, можешь, мне нормально всё объяснить? Не ходя вокруг да около?

— Отчего же не объяснить, — с усмешкой пожал он плечами и, наконец, отошёл от меня, сложив руки на груди. — Ох, Куколка, ты с самого начала всё испортила, — я усмехнулась кончиками губ и подняла бровь. Вопрос причём здесь я, и что вообще испортила? Во мне поднялась волна возмущения, как он может меня в чём-то обвинять, если я, судя по всему в данной ситуации жертва! — Не появись ты тогда в клубе, всё было бы по-другому.

— Не понимаю, при чём здесь клуб? — покачала головой. — Я оказалась там совершенно случайно и просто пыталась защитить себя. Слушай, Ден, я совершенно ничего не понимаю! И вообще отпусти меня, ты же знаешь кто мой отец! И ты знаешь, что будет, когда он узнает, что я пропала! Он тебя везде найдёт!

— Ты не в том положении, Серебрянская, что бы выдвигать такие требования. Хочешь объяснений? Хорошо я объясню. Если бы ты не появилась тогда в клубе, мне не пришлось бы тащить тебя до машины, я бы спокойно смог забрать товар для Фартового, но тут появилась ты, да ещё и с пушкой, и всё осложнилось, — я покачала головой, совершенно ничего не понимая.

— Постой-постой, я не понимаю, причём здесь ты и Фартовый?! Какой товар? — Ден зло засмеялся и улыбнулся, ну очень неприятно.

— Только не говори, Тиночка, что ты не знала, что Фартовый мой дядя. Неужели, ты, когда документы готовила для суда, не посмотрела кто его родственники?

— Господи, какая же я дура, — ну, конечно же, родственники! Я же даже не посмотрела в эту графу! — Это бред! Как же тогда Глеб? Ты ведь на его стороне!

— Нет, Серебрянская, я всегда был на стороне Фартового! А Глеб твой жив, — меня как током ударило! Как он может так жестоко со мной?! Я сильно зажмурилась, потому что чувствовала, ещё немного, и разревусь.

— Что? — осипшим голосом спросила. — Как ты можешь такое говорить? Ты же сам был со мной на кладбище, ты же видел! Ты же всё видел! — у меня просто в голове всё это не укладывается. Ден всегда был рядом с Глебом, и Глеб ему доверял, он всё и всегда ему доверял, а оказалось, что напрасно! И теперь Денис имеет наглость заявить, что Глеб жив, когда его чокнутый дядя сам признался в том, что это его рук дело. Нет, даже больше, он угрожал и моему отцу, и мне, и Ирке!

— Знаешь, Тина, — притворно задумчиво, произнёс Ден и сел рядом со мной. — Там в клубе, в доме Снайпера, ты производила впечатление умной девушки, а тут прямо два и два сложить не смогла. Да Глеб бы сто раз уже взорваться успел пока ты от машины до офиса шла, но машина на воздух влетела, только после того, как ты оказалась на безопасном от неё расстоянии, — в глазах потемнело, голова закружилась жутко и следующие слова Дена я слышала будто издалека. — Его не было в машине, Тина.

— Но как же?.. — бестолково смотрела я на него. — Но Фартовый сказал, что... — я не продолжила, потому что к горлу подступила тошнота и мне пришлось задышать глубже, чтобы стало полегче.

— Да дядя сказал, тебе, что это он его убил, но на самом деле нам просто нужно было убедиться в том, что тебе он не безразличен. Нам было интересно, на что ты готова пойти, что бы отомстить. И вы с подружкой постарались на славу, только жаль, что зря. Эту бумагу

тебе сам Фартовый и подкинул, ты в своих переживаниях этого даже и не заметила, Серебрянская, так что все ваши старания были напрасными.

— Но, зачем, Ден? Ты ведь не такой! — я не могу поверить в правду всего происходящего, всё ложь, всё это не правда! Не может быть правдой!

— Ты совершенно не знаешь меня, Серебрянская. А Снайпер и, правда был мне другом, но он не поддержал дядю, поэтому ты и здесь. Понимаешь, Тина, Глеб догадывался, что есть враг в его окружении, совсем близко к нему, и он искал его, — я усмехнулась, хотя ситуация была такая, что должно было быть не до смеха.

— Да уж, Глеб искал предателя, но видимо искал не так близко, как должен был. Ты был человеком, которому он доверял и даже не подозревал, что ты и есть тот самый предатель. Боже, как низко! Но я всё ещё не понимаю, зачем вам с Фартовым я понадобилась! Если вся эта история с бумагами всего лишь фикция, то у него ко мне претензий быть не должно.

— У него и нет к тебе претензий, Тина. Просто ты родилась не в той семье. Твой отец сильно насолил Фартовому, а он такого не прощает. А Глеб, — он задумался ненадолго. — А Глеб хотел использовать свою смерть, что бы выманить предателя, то есть меня, а теперь я использую тебя, чтобы выманить его.

— Зачем? — если Глеб действительно жив, то я не позволю им навредить ему, никогда!

— Потому что он мешает. В клубе у Руслана в тот вечер была спрятана большая партия наркоты, которую я должен был забрать и передать дяде, но появилась ты, и нам пришлось уехать, а на следующий день в клуб нагрянула проверка, товар забрали, и вернуть его не было возможности. Фартовому пришлось платить очень влиятельным людям, и он понёс большие потери. Потом начались проблемы у Глеба, и он обратился за помощью к Фартовому, даже, не подозревая о том, что ему-то как раз и не стоит доверять. И снова вмешался случай, правда, этому и я поспособствовал, ведь это я посоветовал Снайперу именно к Фартовому обратиться.

Вот тут я и начала постепенно соображать, в голове закрутились очень интересные мысли, и я поспешила их высказать.

— Постой, Денис, то есть тогда в доме ты понял, кто я такая? Ты знал, кто я с самого начала?

— Даже не догадывался, Куколка, даже не догадывался. Но было сразу понятно, что ты связана с кем-то из криминального мира. Ты смелее любой другой девушки, не побоялась выйти, вперёд зная, что от этого может зависеть твоя жизнь, ты и меня провести пыталась, что бы сбежать из дома Снайпера, а потом осталась. Опять же зная о риске, но тогда и я уже знал кто ты такая, правда, намного, раньше, чем Снайпер.

— Кажется, я поняла. Тогда ты повёл меня в гостиную ни чтобы сказать Глебу, что я остаюсь, а чтобы показать меня Фартовому. Ведь ты предполагал, что я одна из вас, но Михаил Олегович, явно знал больше чем ты, он меня и узнал, и именно от него Глеб узнал, кто я.

— Вот видишь, Серебрянская, можешь же когда захочешь! Да, Фартовый тебя узнал и тогда он предложил Снайперу сделку. Он отдаёт ему тебя, а дядя отомстит твоему отцу за всё, что он сделал, ведь по слухам именно из-за твоего отца погибла сестра Снайпера. Но Фартовый не мог предположить, что Снайпер к тебе равнодушен и, что он ему откажет. Не прямым текстом, но было и так ясно, что тебя он не отдаст.

— Супер, — съязвила я и откинула голову на стену, уже не сдерживая слёз. — Потом он

оторвался на мне, и спокойно уехал.

— Да он уехал, и у нас появилась отличная возможность выкрасть тебя из дома. Глеб отправил меня по делам и приказал запереть тебя в доме. Я понял, что это потрясающая возможность и тебя умыкнуть, и под подозрение не попасть, но тут снова всё пошло не по плану.

— Да, потому что Глеб запер меня в доме, не для того, чтобы поговорить, как подумал ты, а для того, чтобы спасти. Он сообщил моему отцу, где меня искать и люди моего отца вас опередили.

— Всё верно, Тина. Теперь ты находилась под защитой своего отца, и мы были бессильны. Потом якобы Глеб погиб, сначала мы в это поверили. Во-первых, взрыв был очень правдоподобен, во-вторых, так как ты вела себя на кладбище, так невозможно сыграть, теперь-то понятно, что ты не играла, ты просто ничего не знала. Потом выяснилось, что твой отец и Снайпер никогда не были врагами, — я тут же обернулась на Дениса, и в недоумении уставилась на него. — Да, Тиночка, это была всего лишь игра на публику. На самом деле они всегда работали вместе, это была их тайна. Тайна, которую Снайпер не доверил, даже, мне.

— Но, как вы в таком случае узнали об этом? — я была в шоке! В самом настоящем. И папа, и Глеб лгали мне, возможно, даже, мама всё знала и никто ничего мне не сказал.

— Они не всегда были осторожны и тогда на вечере они разговаривали, не как враги, а как очень даже хорошие знакомые. Потом Снайпер снова защитил тебя от Фартового. Тогда он и проговорился о том, что претензий к твоему отцу он не имеет. Это всё наталкивает на очень интересные мысли. Поэтому мы проверили камеры видеонаблюдения, на здании офиса твоего отца, и знаешь действительно, в машине никого не было. Такое мог придумать только Терминатор. Так он мог и тебя защитить, и дать Снайперу время, спокойно найти крысу. Мы не могли ему этого позволить, поэтому нам и нужно было выманить тебя, чтобы ты осталась одна. И у нас получилось. Теперь, Серебрянская, у нас есть, то, что дорого им обоим. Ты.

Теперь мне всё стало ясно! Особенно папины слова Глебу: «будь осторожен», — сказал он ему тогда. Я же ещё удивилась, такой резкой перемене отношения к Глебу, а оказывается они никогда не были врагами, абсолютно всё было игрой и ложью. И смерть Глеба тоже была ложью, а ведь я чуть руки на себя не наложила! Почему они так поступили со мной? Почему не рассказали?! Зачем нужно было причинять мне такую боль?! Ох, как я сейчас зла на них и одновременно рада, что мой Глеб жив!

— И, что дальше? — спросила я у Дена своим обычным голосом, конечно, это спокойствие было напускным. На самом деле в душе у меня была буря: самых разных эмоций, чувств, таких противоположных, и Ден знал об этом, это было можно понять по его насмешливой улыбке.

— Дальше? — постучал он по подбородка пальцем и поднялся. — А дальше нужно только ждать. Снайпер сам появится, когда твой папаша обо всём узнает, — он направился к двери и когда уже открыл её, слегка обернулся, — Мне жаль, — сказал он, действительно с жалостью в голосе.

Но эта жалость относилась не к папе, не к Глебу, а ко мне и до меня дошло, что он имел в виду.

— Фартовый всё равно убьёт меня в не зависимости от того, что сделает отец или Глеб. Поэтому ты мне всё рассказал, — я усмехнулась. — Потому что с самого начала знал, что никому я ничего не расскажу.

— Я же сказал, мне очень жаль, — и вышел за дверь, заперев её.

«Нужно срочно выбираться!», — думала я и попыталась развязать руки.

— Ну, давай же! — верёвка не поддавалась, поэтому я встала с кровати и попыталась развернуть запястья так, чтобы дотянуться до узла, и спустя несколько минут мучений мне это удалось. Я отбросила верёвку в сторону и размяла затёкшие запястья, на которых снова остались следы.

«Я так от них, никогда не избавлюсь.», — засмеялась я. А, что такого? Всегда и во всём нужно искать позитив, даже если знаешь, что жить тебе, возможно, осталось не долго. Ну и пусть! Я выберусь! Да я сделаю всё, что нужно, но выберусь отсюда.

Так нужно осмотреться. Обычная небольшая комната, бра на стенах, паркет на полу, маленький столик, заваленный всякими вещичками, низкая кровать с потрепанной подушкой и старым матрасом.

Я подошла к двери, обычная деревянная и, что меня порадовало, с замочной скважиной, значит выбраться отсюда не проблема, только нужно найти что-то острое. Я подошла к столу и начала рыться в вещах. Какие-то бумаги непонятного содержания, пожелтевшие от старости, какие-то газеты, вырезки, журналы, а под ними, ножницы, острые.

«Вот так везение», — подумала я, рассматривая остриё. Сначала верёвка, теперь вот ножницы, сама судьба не хочет моей смерти, так почему я должна сдаваться? Вот именно не должна, и не сдамся!

Я подошла к двери, запоздало поняв, что стою босиком, в отличие от прошлого раза, здесь было тепло, я даже больше скажу, пол с подогревом. Я обернулась к кровати, мои туфли так же осторожно стояли у неё. Прямо, как в прошлое вернулось. Только на этот раз это были не шпильки, а босоножки на устойчивой платформе. Если мне придётся бежать, то это самый оптимальный вариант, хоть и есть каблук, но не такой как на шпильке, поэтому ноги я себе, по крайней мере, не сломаю. Я наклонилась, чтобы надеть обувь и тут же пошатнулась, облокотившись о кровать.

— Так, — вздохнула я, почувствовав сильнейший приступ тошноты. — Так, это что-то новенькое! Фух, — и тут одна догадка меня посетила. — Чёрт! Токсикоз? Серьёзно? Сейчас?

Так, Тина, дышим. Сейчас всё пройдёт, главное не волноваться, главное не волноваться. Я села на пол, облокотившись спиной о кровать, и закрыла глаза. Так, это немного осложняет дело, теперь мне нужно вести себя осторожнее. Теперь от моих решений зависит не только моя жизнь, но и жизнь нашего с Глебом ребёнка.

Поэтому нужно подойти со всей ответственностью к миссии своего спасения. Господи, какие мысли посещают мою голову, когда она кружится! (по-моему, у меня всегда такое состояние).

Да, раз уже способна шутить, значит в норме, попыталась встать с пола, открыла глаза и подождала немного, когда комната перестанет кружиться, а звёздочки перед глазами рассеются и, наконец, поднялась. На этот раз без происшествий надела босоножки и подошла к двери. Замок не очень новый, но чувствую, придётся поковыряться. Жаль, под рукой нет шпильки или чего-то меньше ножниц, но, увы, выбирать не приходится. Хорошо, хоть папа научил меня выживанию. Да-да, папа втайне от мамы учил меня всему, я научилась стрелять и драться, раньше, чем начала ходить на занятия. И, да, отец учил меня вскрывать замки, а если я задавала вопросы по типу: «зачем девушке это нужно?», папа отвечал, что в жизни всё пригодится и нате вам, пожалуйста — пригодилось!

И правда с замком я долго ковырялась, но, слава богу, я его не повредила и смогла открыть дверь. Круглая ручка спокойно повернулась, и я тихо выскользнула за дверь, ножницы, прихватила с собой, так себе оружие, конечно, но лучше, чем вообще с пустыми руками, да в бой.

Опять загородный дом, классика, уже нужно было привыкнуть к этому. Скорее всего, я вырубилась на несколько часов, не больше, потому что коридоры были тёмными, только небольшая подсветка на потолке и огромные окна в открытых комнатах. Когда я покинула офис, на часах было семь, летом темнеет позднее, так что я могу предположить, что сейчас десять, ну может одиннадцать часов. А, значит, меня уже хватились, но смогут ли найти? Ведь, по сути это в первую очередь ловушка для Глеба, а не для отца. Хотя, может, Ден всего и не сказал.

Я резко остановилась, потому что услышала голоса. Испуганно остановилась и задержала дыхание, чутко, прислушиваясь. От волнения в ушах шумело, поэтому только через несколько секунд до меня дошло, что это работает телевизор. Я выдохнула, но расслабляться не спешила.

Во-первых, я не знаю, где я нахожусь! Во-вторых, я не знаю, сколько здесь человек! Ну и, в-третьих, я понятия не имею, что со мной сделают, когда увидят! Поэтому нужно всё хорошенько обдумывать.

Глаза уже немного привыкли к такому тусклому освещению, в подвале было намного светлее. Теперь я знала, где находится гостиная, откуда доносился звук телевизора и сопровождающее его свечение. Туда я и прокралась, потому что всё ещё не представляла где выход из этого дома и есть ли он вообще! Хотя да, то, что его не может быть это глупо, но от такого дикого волнения, я и не такое подумать могу!

Кстати, не зря я выбрала именно эту траекторию, хоть я и рисковала быть пойманной, но не пожалела о своём решении. Тем, более, правильно говорят: «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское», хоть мне и нельзя пить, но я с этим выражением согласна, потому что я рискнула и знаете, что я обнаружила? Выход.

Правда была небольшая сложность, которая сидела в кресле посреди комнаты и пялилась в телевизор. Всё ничего, но это был бугай, да ещё и с пушкой, которая, кстати, лежала под его рукой на подлокотнике. Хорошо, что он сидел ко мне спиной, а то не знаю, как бы я выкручивалась. Ещё, то, что я точно увидела, это не Ден, кто-то другой, но не менее большой. С таким я бы точно не справилась, но чтобы подойти к выходу, мне придётся что-то предпринять.

Я беззвучно подошла ближе, и сжала в руках ножницы. Может ударить его остриём в шею? А, что? Эффективно, тем более, лучше он, чем я. Правильно же? Я закрыла глаза и перехватила ножницы удобнее. Папа учил меня наносить смертельные удары противнику ножом, но я никогда не думала, что мне действительно придётся этим знанием воспользоваться.

Я открыла глаза и занесла наверх руку, уже хотела вонзить остриё в шею мужчины, но тут мою руку за запястье сильно перехватили. Я резко развернулась. Передо мной стоял ещё один бугай и хмурил брови. Я вскрикнула, когда он сжал моё запястье сильнее, да так сильно, что я разжала руку, и ножницы упали на пол. Я кожей ощущала, как второй поднялся и сейчас стоял у меня за спиной.

— Посмотри-ка, а у нашей кошечки, оказывается, есть коготки, — ой, как не понравился мне его плотоядный взгляд. Я тут же поняла, что нужно что-то предпринять,

сейчас же! Пора вспомнить все боевые приёмы, которым меня учили. С такими шкафчиками, обычные методы не эффективны, увя. Придётся бить по точкам, давно я не практиковала эту методику, но видимо придётся вспоминать на ходу. Главное сейчас сосредоточится и не ошибиться.

Я вздохнула и резко со всей своей силы ударила противника ребром ладони по плечу, а точнее в область ключицы, руки его тут же расслабились, и я не упуская ни минуты, зажала болевую точку на предплечье, которая отвечает за все двигательные функции организма, бугай тут же стал оседать на пол. Всё это я сделала так резко и быстро, что они, даже не поняли, что вообще произошло, поэтому я быстро перестроилась, пока второй не очнулся. Пришлось вспомнить ещё один урок отца: нос можно сломать с любого удара, главное правильно распределить силу. Я замахнулась, чуть повернулась в сторону и со всей силы заехала, второму бугаю прямо локтем по носу, тут же послышался неприятный хруст, но это лишь отвлечёт его, поэтому я развернулась к нему всем корпусом и ударила одним суставом кулака по кости, которая находится прямо в середине грудины, своего противника. Снова послышался треск, и мой поверженный противник тут же взвыл от боли, падая на колени. К тому моменту его дружок уже начал приходить в себя, поэтому я не дожидаясь этого, рванула к двери, когда уже распахнула её, услышала хрип за спиной:

— Не стреляй, девка целой должна быть! — это придало мне немного уверенности. Ну, как немного! Я узнала, что пока меня убивать не собираются, но по их взглядам можно понять, что они с радостью сделают другое.

Выскочив из дома, я поняла, что коттедж скорее всего находился за городом в лесу, как раз близко к тому месту где наш с Ирккой дом. Очень умно, в это время в этих местах почти, никогда никого не бывает. Один плюс в таких домах, их обычно не огораживают забором, чтобы не разрушать природную красоту леса. Потому, что он действительно прекрасен, особенно летом.

Так вот и этот дом не стал исключением. Ограды не было, зато была отлично протоптанная тропинка, бежать по ней будет легко, даже на каблуках. Именно она и вывела меня к дороге, которая с двух сторон была окружена лесом. Собак здесь обычно не держат, чему я сейчас тоже от души порадовалась. Погони за собой я не слышала, а может просто у меня в ушах от волнения шумело. Короче, я бежала изо всех сил, но понимала, что дорога здесь одна и мне обязательно, чтобы сбежать, нужно свернуть с неё, только вот куда? Я остановилась и, наконец, обернулась. Солнце только зашло, потому что небо было бордового оттенка, света было достаточно, чтобы убедиться, что за мной не гонятся. Странно и слишком просто!

Да просто, но искать пути сложнее времени не было, бежать через лес я не могу, поэтому придётся рисковать! И я побежала дальше, уже видела перед собой, вдалеке магистраль. Вот она победа, вот она свобода!

Только вот жаль, что снова у меня ничего не получилось. Я забыла про просёлочную дорогу, которая описывает полукруг вокруг этого района и прямо с этой дороги, мне наперерез выехало три джипа.

Один преградил мне дорогу вперёд, от чего я чуть не врезалась в машину, но успела остановиться, естественно эта заминка не позволила мне вовремя развернуться. Меня взяли в кольцо! Мне хотелось завить от отчаянья и обиды! Ну, почему? Я была уже почти у цели. Из джипа, что остановился передо мной, вышел Ден и с гадкой улыбкой подошёл ко мне.

— Хорошая попытка, Серебрянская. Я впечатлён! Ты снова меня удивила! — вот без

звительности он, конечно, не мог! Он подошел ближе, хотел взять меня за руку, я двинулась назад, но тут, же пошатнулась.

В глазах потемнело и меня резко замутило. Я схватилась за голову и поняла, что вот сейчас могу потерять сознание. Я совершенно ничего не слышала, в ушах гудело, ноги подкосились, и я чуть не упала, но Ден вовремя меня подхватил. Я не слышала, что он говорил, и боялась открывать глаза. Я машинально схватила Дениса за плечи.

— Сядь за руль, — отдал он приказ холодным голосом, такой я слышала только однажды, в подвале, когда он методично был Руслана. Тогда я боялась не только Глеба, но и его, но не придавала этому значения, я не видела в нём угрозу, как и не видел Глеб. Вот так, он действительно был близко к Глебу, а он и не догадывался. Ден всё сделал, чтобы на него подозрение не упало, и он блестяще всё это провернул.

Тошнота усилилась, когда Ден сел в машину прямо со мной на руках, все мои чувства обострились, в салоне пахло бензином и сигаретным дымом, что тошноту только усилило. Когда машина тронулась с места, Ден открыл окно, и это спасло его рубашку, и кожаный салон дорогой машины от последствий.

Совершенно не помню, как мы ехали, помню лишь, как Ден так же на руках внёс меня в дом и спустился в подвал.

Он очень бережно положил меня на кровать и даже подушку подправил, снял босоножки, потом дотронулся рукой до моего лба. Жара у меня не было (а жаль, можно было бы, этим воспользоваться), поэтому он собирался уйти, но я схватила его за руку, останавливая и, наконец, открыла глаза. Ден стоял полубоком ко мне и недовольно косился на мою руку, однако не пытался её убрать. Нет, всё-таки он не такой, как его дядя и ему неприятно, делать то, что он делает. Поэтому я и решилась.

— Ден, помоги мне, пожалуйста, — голос мой был осипшим, будто я пробежала километров пять.

— Не могу, — ответил он и собирался вырвать руку, но я не позволила, сжав её сильнее.

— Я бы не попросила, Денис, правда. Да, я бы и не бежала, но дело в том, что... — я вздохнула и зажмурилась, как, будто перед ударом. — Дело в том, что я беременна.

Воцарилась тишина и я решилась приоткрыть один глаз, а потом и второй. Ден смотрел в стену и явно раздумывал, совершенно забыв обо мне, то есть это я так думала, но до того момента, пока не задал вопрос:

— Отец ребёнка Глеб? — спросил он спокойно, и мне даже казалось, что он не спрашивал, а утверждал, но я все, же ответила:

— Да, — он кивнул и осторожно освободил свою руку из моего захвата, направился к двери.

— Тебе повезло, что дяди не было, иначе так просто ты бы, не отделалась. Покалечила двух наших парней, сбежать пыталась, очень глупо.

— Так ты мне поможешь? — всё ещё не теряя надежды, спросила я.

— Попытаюсь, но ничего не обещаю, — он вышел, вновь заперев дверь.

Этого было достаточно, чтобы, по крайней мере, не отчаиваться. Вряд ли Ден, сможет хоть как-то помочь, но маленькая надежда все, же есть. Я села на кровать, всё ещё ощущая тошноту, и положила руку на живот.

— Всё будет хорошо, малыш. Мама со всем справится, — я закусила губу, чтобы не заплакать, только не сейчас. Сейчас, я должна быть как никогда сильной.

Я встала с кровати и чуть пошатнулась в сторону, но совсем скоро пришла в себя,

походила немного по комнате, подышала и всё вроде прошло. Потом снова легла на кровать и сама не поняла, как заснула.

13 глава.

Проснулась, я на удивление бодрая и отдохнувшая, хотя думала, будет хуже. Ночью, даже не шелохнулась ни разу, видимо, все переживания дня так сказались. Встала с кровати и немного размялась. Сегодня я чувствовала, себя определённо лучше, ноги правда болели после того бега по бездорожью, но за несколько лет тренировок, я к этому привыкла, так что дискомфорта особого и нет.

Я вернулась на кровать, и села, скрестив ноги. Не знаю, сколько сейчас времени, но по ощущениям точно утро, хотя может и день уже, кто знает? А то вчера прямо вырубил.

Тут дверь распахнулась, и появился Денис.

— Пошли, — кивнул он мне. Я поднялась и с опаской приблизилась.

— Куда? — спросила я бесцветным голосом, хотя в душе я надеялась, что он мне поможет.

— Дядя, желает с тобой поговорить, — вот так и умирают надежды. — Только не дерзи в своей обычной манере, и всё обойдётся.

— Хорошо, — улыбнулась, своей коронной улыбкой. — Я буду дерзить, но не в обычной манере.

— Смешно тебе? — покачал он головой. Я видела, он переживал, хоть и старался этого не показать, но некоторые нервные движения рук, его выдавали.

— А, что ты ещё прикажешь делать? Плакать? — съязвила я, хотя сейчас мне было ужасно страшно.

— Кстати, отличная, мысль, — щелкнул он пальцами, а я закатила глаза. Ден взял меня за локоть и повёл по коридору в гостиную. На этот раз кресло стояло лицом ко мне, а в нём, восседал Михаил Олегович, с бокалом виски в руке. Я уже хотела съязвить, по поводу, того, что по утрам пить вредно, но передумала, когда Денис встал у меня за спиной и положил свои ладони на мои плечи. Это очень напрягало, мне не нравится, когда кто-то стоит за спиной, так и хочется повернуться, и врезать, чтобы неповадно было.

— Тиночка, вы не представляете, как я рад, что вы приняли, наше приглашение, — вот же сволочь, провоцирует. Мне это не понравилось и Дену, видимо, тоже, потому что его руки сжались на моих плечах, причиняя боль. — Вы удивительная девушка, Тина Андреевна, способная. Отличной техникой боя владеете. Вы вырубите двух моих парней, а одного пришлось даже в больницу везти. Вот, что значит дочь Терминатора. Дочка своего отца.

Вот зачем он так? Чего добивается? Проявления моего характера или что? Около кресла за Фартовым стояли два парня. Как дополнительный бонус, чтобы придать хозяину немного силы. Хм, как банально! Вот не может он не понтоваться.

— Что вам нужно от меня? — я вздёрнула подбородок, посмотрев на Фартового с вызовом во взгляде.

Мне хотелось стереть эту ухмылку с его лица.

— Ден, ты можешь быть свободен, — от этого мне стало не по себе, так если Денис сейчас уйдёт, то уже никто меня не защитит. Ден сжал мои плечи чуть сильнее, а потом удалился. Я сглотнула. Может снова попытаться сбежать? Двое парней, и Фартовый, хотя их может быть и больше. Рискнуть? Или не стоит?

— Хочешь нас покинуть, Тиночка? — Спросил Фартовый, и вытащил пистолет из наплечной кобуры. Направил дуло на меня.

— Можешь, попробовать, — усмехнулся он и снял пистолет с предохранителя. — Значит, ты не знала, что Глеб жив?

— Не знала, — спокойно, даже, скучающе, ответила, будто, не обращая внимания на пистолет в его руке. Конечно, я храбрилась. Хоть и знала, что пока он меня не убьёт, но резких движений делать все, же не стоит.

— Интересно, — притворно задумался он и даже брови нахмурил, для пущей убедительно тип. — Они не посветили тебя во всё это. Даже как-то странно не находишь? Боялись, что ты всё испортишь? Или хотели тебя уберечь? Знаешь, дорогуша, второй вариант, мне нравится больше. Давай проверим? — Мне это не понравилось, прямо до дрожи в коленях. Фартовый кивнул одному парню, и они направились в мою сторону, я тут же напряглась, готовая в любой момент защититься.

Сейчас мне не важна была моя жизнь, сейчас я боялась за ребёнка. Парень уже подошел близко ко мне, и я приготовилась к атаке, но не успела, что-либо сделать, он резко и очень быстро схватил меня за руки, и развернул к себе спиной, заломив руки назад, от чего я вскрикнула, но потом до крови закусил губу, чтобы не показывать им своей слабости. Парень заломил мне руки сильнее, но я не проронила, ни звука, он наклонился к моему уху и прошептал:

— Упрямая, да?

«Ещё бы», — так и хотелось ответить мне, но я бы не смогла заставить себя сейчас открыть рот. Меня развернули лицом к Фартовому, он встал и подошёл ко мне.

— Сильная девочка ты, Тиночка, — он вытащил из кармана телефон и набрал номер, поставил звонок на громкую связь. Ответили после двух гудков, но сказать и слово не успели, потому что начал Михаил Олегович. — Здравствуй, Терминатор, — пропел он, а у меня сердце ёкнуло, я попыталась вырваться, но держали меня крепко. — Твоя девочка у меня. Поздоровайся с папочкой, дорогая, — нагло произнёс он, и поднес трубку к моему лицу. Я вздёрнула подбородок и с уверенностью взглянула в его глаза, как бы спрашивая: «а больше тебе ничего не надо?», — да вот так, нагло и дерзко. Он усмехнулся и кивнул, парень за моей спиной тут же усилил хватку. Я держалась, как могла, но в итоге все, же сдавленно застонала. — Твоя дочурка, очень упряма.

— Не смей трогать её, Фартовый! — чёрт, пап! Он был зол, но я слышала нотки отчаянья в голосе.

«Папа, только не верь ему!», — хотелось мне кричать от безысходности, только вот если я сейчас заговорю, то действительно закричу, правда, от боли. Такое чувство, будто мне сейчас руки сломают, причём обе сразу.

— Не трону, по крайней мере, сильно, если через час Снайпер объявится. А если я получу номер его телефона, то это может гарантировать Тине, целые конечности.

Папа не успел, что-либо ответить, потому, что Фартовый уже отключился.

— В машину её, — отдал он приказ и меня тут же поволокли прочь, обхватив за плечи одной рукой, а другой, зажав рот ладонью. Даже, если бы я не была такой слабой сейчас, всё равно бы из такого мёртвого захвата не вырвалась. Меня грубо запихнули в машину и тот же парень сел рядом со мной. Он тут же приковал одну мою руку наручниками к дверце и подмигнул. Я усмехнулась и отвернулась к окну.

Да, попала я конкретно. Я просто не знаю, что мне теперь делать. Как выбраться из сложившейся ситуации? Я поступила очень глупо, показав им, на что способна, теперь я уверена, они будут на чеку и второй раз этот фокус с избиением не пройдёт. Как же я не

догадалась, что в доме могли быть камеры. Да и Ден к тому же, появился на дороге очень вовремя, будто ждал, моего побега. Да и то, что парней было всего двое, должно было меня всё же насторожить. Ещё и эти ножницы, практически на самом видном месте, да и мальчиков совершенно не удивило моё нахождение за пределами подвала. Они точно знали, что я выбралась, только вот не подали вида и сразу не скрутили. Они ожидали от меня чего угодно, вот только не того, что я их сразу же в нокаут отправлю. Фартовый хотел посмотреть, что я сделаю, на что я способна, а я дурочка такая, даже, не подумала о такой подставе. Всё было слишком просто, а меня это совершенно не насторожило. Я всё списала на своё везение, которым оказывается и не пахнет.

Я откинулась на сидение и закрыла глаза. Мне даже думать было страшно, куда меня везут, и что будет дальше. Больше всего страшило то, что в машине был только водитель, этот парень справа от меня и всё, Фартовый с нами не поехал. Что же он задумал? Чего ожидать от него? Я повела плечами и тут же поморщилась. Этот лось, так руки мне заломил, прямо до адской боли! Тут я перевела взгляд на него, оказывается он, всё это время за мной наблюдал и, заметив мои действия, ухмыльнулся. Я фыркнула, хотела снова отвернуться к окну, однако парень быстро сократил между нами расстояние и взял меня за подбородок, не позволяя отвернуться, с ухмылкой посмотрел мне в глаза.

— И, что он в тебе нашёл? — я подняла бровь в вопросительном жесте. Почему-то я подумала, что он имел в виду Глеба, но я оказалась не права. — Ден. Если бы он не попросил меня быть нежнее, так просто ты не отвертелась бы, и последствия были бы плачевнее, — я дёрнулась, но он уже и сам отпустил меня.

Что-то в нём было не так. Не знаю, какое-то странное чувство, как будто это не последняя наша с ним встреча. А ещё, что меня тревожило, помимо взгляда, это его манера держаться. Как будто он был хозяином положения, а не Фартовый. Очень странный тип, я не смогла побороть соблазн, и снова повернувшись к парню, начала его нагло рассматривать, даже не скрывая этого факта. Парень расслабленно сидел, откинувшись на сидение, и смотрел в окно с ухмылкой на губах. Очень красивый, к слову сказать. Я это сразу заметила, просто была слишком напряжена, чтобы на этом внимание акцентировать. А так, если бы у меня не было Глеба и если бы мы встретились при других обстоятельствах, он бы мне понравился. А, что? Симпатичный брюнет, с зелёными глазами, что сразу бросилось в глаза (хм, прямо каламбур), редко можно увидеть человека с зелёными глазами, тем более мужчину. Волосы у парня находились в беспорядке, причём в профессиональном, представляю, сколько на эту причёску ушло времени у парикмахеров.

Нет, этот парень точно не шестёрка, какая-то в команде Фартового, кто-то покруче. Да и взгляд у него, слишком высокомерный. Весь его вид кричит о высоком положении и как я сразу этого не заметила? И «Rolex» на руке, и дорогой костюм это подтверждали! А ещё, что я заметила, так это проколотое ухо, но серьги не было, а вот под ухом, на шее, была небольшая татуировка, буква «J».

— Надеюсь, ты меня рассмотрела, — не поворачивая головы и всё так же улыбаясь, проронил парень.

— Кто ты? — всё же спросила я, пропустив мимо ушей его замечание.

— Лучше тебе не знать, Серебрянская, — что-либо ответить я не успела, машина остановилась.

Я выглянула в окно. Мы стояли у высокого здания из синего стекла. Либо это какой-то деловой центр Фартового, либо я не знаю. Меня сейчас мучает один вопрос: почему меня

привезли именно сюда?

Здесь ведь полно людей, я спокойно смогу позвать на помощь. Не факт, конечно, что кто-то откликнется, но всё же. Парень тем временем вышел из машины, обошёл её, чтобы открыть мою дверь и тут я запоздало вспомнила, что пристёгнута к этой самой двери наручником, и когда он эту дверь распахнёт, я просто вывалюсь наружу! Поэтому я заранее подготовилась, когда он открыл дверь, я вместе с ней выбралась наружу. Это надо было видеть, просто, наверное, со стороны это выглядело нелепо, но кто думает об этом, когда находится на волоске от смерти? Правильно — только Тинка!

Мы стояли друг напротив друга, в глазах незнакомца было любопытство, замаскированное под высокомерие, я же смотрела на него с непроницаемым выражением лица.

— Да, кажется, теперь мне понятно, чем ты Денчика так зацепила. А ты девочка не промах, — я предпочла ничего на это не отвечать, да моего ответа и не требовалось, потому что парень, оторвал от меня взгляд и, схватив за локоть, отстегнул мою руку, а я предупредила:

— Я буду кричать, — он кинул наручники в салон, и чуть подвинув меня в сторону, захлопнул дверь.

— Кричи, — тут же позволил он, а я признаться растерялась от такого. Но это, как, оказалось, было не последнее моё потрясение. Парень вдруг ненадолго отпустил меня, чтобы в следующую секунду перекинуть через плечо, от чего я вскрикнула. Он зафиксировал мои ноги, чтобы не лягалась, и понёс в сторону здания. Я честно и кричала и вырывалась, да только всё без толку, люди смотрели на нас с улыбкой, видимо, думая, что мы влюблённая пара, в которой девушка просто очень строптивая, а меня это так взбесило, просто до невозможности! Меня тут, понимаешь ли, похитили, собираются убить, а другим хоть бы хны! Нет, конечно, я понимала, что это всё этот умный чёрт виноват, но Господи, почему мне так «везёт», постоянно?!

Он поставил меня на ноги только на самом верхнем этаже в каком-то кабинете, где уже был Фартовый со своей свитой из трёх вооруженных парней. Один из которых, сразу же как только я оказалась на земле направил на меня пистолет. Самое любопытное на меня больше не обращали внимания, только тот парень, который стоял напротив меня с пистолетом в руках. Тот, что притащил меня, подошёл к столу, за которым сидел Фартовый. Кабинет был большим, просторным с огромным панорамным окном, столом и несколькими креслами и небольшим кожаным диванчиком, на полу ковёр красного цвета.

— Вот твой самый первый заказ, как и договаривались, — сказал Фартовый пододвигая парню, тоненькую папочку, он тут же взял её в руки и начал листать. Взгляд его изменился, и он вдруг посмотрел на меня, прямо в глаза.

— Ничего личного, Серебрянская, — тут я вообще перестала, что-либо понимать. «Какой заказ?», «Причём здесь я?», — вот какие вопросы крутились у меня в голове. Кто это вообще и как я могу быть с ним связана, почему он обратился ко мне? Что вообще происходит?! Парень поблагодарил Фартового, и направился к двери, проходя мимо меня он остановился ненадолго и сказал:

— Надеюсь, это не последняя наша встреча, — я проводила его взглядом до самой двери и вздрогнула, когда по кабинету разнёсся звук оповещения, что заставило меня развернуться в сторону Фартового.

Он сидел довольный и смотрел на экран телефона.

— Да, Тиночка, твой папочка очень переживает. В одном сообщении столько угроз, а ведь обычно его не вывести на эмоции, — тут он оторвался от созерцания экрана и посмотрел на меня с усмешкой. — Правда здесь и номер телефона твоего Глеба прилагается, дорогая. Позвоним?

Я сжала зубы, пытаюсь взять себя в руки. Он просто меня провоцирует, хочет вывести на эмоции.

Ничего он не сделает, по крайней мере, сейчас.

— Знаешь, дорогая, — он поднялся из-за стола и пошёл в мою сторону, я чисто на рефлексах стала пятиться назад, всё ещё находясь под прицелом. Я отступала пока, не уперлась спиной в стену. Михаил Олегович остановился напротив меня и прикоснулся своей ладонью к моей щеке, от этого жеста я поморщилась. — Ты очень на мать похожа, прямо одно лицо. Да и характер такой же скверный.

— Откуда вы знаете мою мать? — Фартовый сказал эту фразу таким голосом, как будто он знает мою маму лично, как будто он с ней знаком. Но этого просто не может быть, потому что мама сама никогда не встречалась с теми кто враждует с папой, да и с партнёрами его знакома поверхностно, и никто из них уж точно не разглядит за её непроницаемой маской скверный характер.

— А ты девочка, что не знала, что мы с твоим отцом были друзьями, не разлей вода? Ещё, когда твоя мамочка была студенткой.

— Ч-что? — чего ещё я о своей семье не знаю? Как? Как такое могло быть? Я вжалась в стену сильнее и теперь уже по-другому посмотрела на этого мужчину. Он был знаком с моими родителями! Что он знает о моей семье?

— Да-да, Тиночка. А враждовать мы начали как раз из-за твоей матери. Варвара всегда была умницей, красавицей, и она стала золотым яблоком раздора для нас. Она выбрала твоего отца. Мы с Андреем были как братья, всё делили на двоих, и тут появляется твоя мать, и разжигает конфликт между нами. Варя всегда была строптивой, и знаешь годы её совершенно не портят, осталась всё такой же красавицей, — тут Фартовый схватил меня за подбородок и стал вглядываться в моё лицо. — У тебя её глаза. Скольких они погубят интересно?

Я дёрнула подбородком в сторону и отвернулась, сильно сжав руки в кулаки, так, что ногти больно впились в кожу. Фартовый с улыбкой победителя отошёл от меня.

— Что-то твой любимый не спешит, давай его, поторопим, — я тут же насторожилась. Ко мне приблизился парень с пистолетом, вдруг схватил меня за шею и, оторвав от стены, отшвырнул в сторону, отчего я чуть не упала, но меня за руки подхватили два парня. Я вскрикнула, и чуть не подвернула ногу, когда меня оттащили в сторону и грубо посадили на стул, заведя руки за спину. Я тут же попыталась вырваться, но третий парень подошёл ко мне и приставил пистолет к голове.

— Не рыпайся, — я ощутила, холодное прикосновение метала и поёжилась, тут же перестала сопротивляться, почувствовав себя по-настоящему беспомощной. Холодный липкий страх забрался под кожу. Вот сейчас, если я резко дёрнусь, пистолет может выстрелить и всё. Я зажмурилась, потому что в глазах защипало от безысходности. Сейчас я слаба! Сейчас я уязвима!

Смерть подобралась слишком близко и уже тянет свои мерзкие лапы ко мне, почему-то я никогда не задумывалась о том, что вот так просто кто-то сможет приставить мне пистолет к виску и моя жизнь прекратит свой бег. Вот так просто и всё! Я постаралась отогнать все

эти мысли и сосредоточиться. Я нужна ему живой! Кого я пытаюсь обмануть? Мне крепко связали руки за спиной и отошли. Я всё ещё не открывала глаз, потому что просто банально боялась! Пистолет ведь всё ещё холодит кожу, и уверенности это не прибавляет! Я сидела, не шелохнувшись, и в итоге всё же почувствовала, как по щекам катятся слёзы, оставляя горячие дорожки.

— Свободны, — услышала я ледяной голос Фартового и выдохнула с облегчением, когда парень от меня отошёл. Открыла глаза. Рядом с Михаилом Олеговичем стоял тот самый парень, правда, пистолет он убрал в наплечную кобуру, которая висела поверх чёрной футболки. — Интересно, как сильно Снайпер тебя любит?

Я дёрнула руками, но ничего не ответила. Я чувствую себя мышонком загнанным котом в угол! Что он задумал? Как мне Глеба убережешь? Один раз я его уже потеряла, второго раза не будет.

Тут парень снова пошёл в мою сторону, и я заметила маток скотча у него в руках. Что-то мне это не нравится! Тут я поняла, что они хотят сделать и не ошиблась. Я отклонилась назад и замотала головой в стороны, парень схватил меня за лицо и, не обращая внимания, на моё сопротивление заклеил мне рот скотчем. Я в отчаянии свесила голову, отчего прядь волос упала мне на лицо. Фартовый передал телефон своему псу и пошёл ко мне, я тут же напряглась, ощутив его присутствие за спиной. Я могу подняться со стула и что-то сделать, я уже собралась поступить так, но тут Михаил Олегович схватил меня за плечи и сдавил их до боли.

Парень навёл на нас телефон, я так полагаю, он снимает, только вот я не могла понять зачем! Поняла только после того, как Фартовый начал обходить меня по кругу. А потом снова встал за спиной и сжал моё горло, с такой силой, что из глаз брызнули слёзы.

— Снайпер если хочешь получить свою девочку живой и относительно целой, то сделай то, что не смог сделать с Терминатором перед смертью твоей сестры, — я вздрогнула, от осознания всего!

Фартовый! Это был он! Он убил сестру Глеба, он хотел отомстить моему отцу, руками Снайпера! И сейчас хочет того же, только в этот раз Глеб сделает всё, чтобы не допустить повторения той давней, страшной истории! А папа? Папа препятствовать не будет! Денис правильно сказал, они получили то, что дорого обоим: и Снайперу, и Терминатору! Теперь мои любимые мужчины оба находятся в опасности! И всё из-за меня, из-за моей глупости! Из-за моей слабости! Я не могу, с этим смирится, не могу понять, как всё настолько сильно в моей жизни изменилось! Вот совсем недавно, всё было хорошо, я жила, как принцесса в сказке, а что теперь? Теперь из-за меня могут пострадать любимые мне люди, а я даже ничего сделать не смогу! Ни-че-го!

Я слаба! Беспомощна!

Я сидела, сгорбившись, и глотала слёзы. Никогда ещё не была так подавлена, так слаба. Из меня будто выкачали всю жизнь, все силы, жажду жить в этом мире! Очень отвратительное чувство! Фартовый отпустил своего парня, сел за стол. И стал наблюдать за мной.

— Больно? — усмехнулся он. — Знаю, что больно. Считаю, что ты расплатилась за грехи твоего отца и матери! Теперь ты чувствуешь себя ничтожной. Хочешь, что-то изменить, но не можешь, — я зажмурилась. Михаил Олегович подошёл ко мне, я это скорее почувствовала, чем услышала. Он стёр слезу у меня со щеки я открыв глаза, подняла голову и посмотрела на него.

— Я не убью тебя. Это слишком милосердно для дочери Терминатора, — тут вдруг послышались выстрелы и Фартовый встал чуть впереди меня, выхватив пистолет из наплечной кобуры под пиджаком.

Я напряглась, что-то екнуло в груди, и тут дверь распахнулась, и влетел Глеб. Господи Глеб! Живой! У меня в сердце затрепетало, я вздохнула с облегчением, и дышать будто стало легче, по щекам покатались слёзы, теперь уже радости! Вот он мой Глеб! Живой, здоровый, злой как чёрт и с пистолетом наперевес, но живой! Мой, Глеб!

— Снайпер, какая неожиданность, — пропел Фартовый, разведя руки в стороны, Глеб тут же хотел кинуться на него, но Михаил Олегович, направил пистолет на меня. — Не спеши! Ты же не хочешь, чтобы Тиночка пострадала, от твоих необдуманных действий, правда?

Я всхлипнула, а Глеб остановился на месте не опуская пистолета, продолжая, целится в Фартового. Михаил Олегович, вдруг подошёл ко мне и рывком сорвал скотч, от этого я вскрикнула и зажмурилась от боли, Фартовый вернулся на прежнее место, всё ещё держа меня на прицеле.

«Чёрт!», — в отчаянии думала я, а из глаз катились слёзы, от боли, от безысходности, от страха.

— Снайпер, раз уж ты посетил нас, попрошу, смотря тебе прямо в глаза. Принеси мне всё, что тебе удалось найти на Терминатора, и я оставлю девчонку в живых.

— Глеб, не надо! Не верь ему! — отчаянно выкрикнула я и тут же пожалела. Фартовый повернул голову в мою сторону и выстрелил мне в правую ногу. Я взвыла от адской боли! Я наблюдала, как идеально белые брюки пропитываются кровью.

— Заткнись! — рыкнул мне Михаил Олегович, а Глеб дёрнулся в его сторону. — Даже не думай, Снайпер! Смерти ей хочешь?

Фартовый вдруг с яростным выражением лица подошёл ко мне и рывком поднял на ноги, я тут же вскрикнула от боли, что и так уже пронзала ногу. Я пыталась не кричать но получалось не удачно.

Фартовый дёрнул меня, вперёд заставляя встать перед ним и приставил пистолет к моему виску.

— Так я могу убить её! Точно так же, как я убил Елизавету, — в глазах Глеба появились слёзы. Он был в ярости, но ещё ему было больно. Вот она та, самая боль, что терзает его сердце постоянно, всё это время! — Ох, как она не хотела умирать! Она верила, что её брат спасёт её, что он придёт ей на помощь. Но ты не появился, ты предал сестру, ты бросил её! Хочешь, чтобы и она умерла из-за тебя? — тут Фартовый вдруг оттолкнул меня в сторону, себе за спину.

Я не удержалась на ногах из-за адской боли и повалилась прямо на пол, сильно ударившись плечом и головой. В ушах зашумело, а в глазах потемнело, я не могла понять, что сейчас происходит. Беспомощно лежала на полу и пыталась привести себя в порядок, всё нещадно болело. Шевельнулась и поняла, что мои руки уже ничего не держит. Похоже, верёвка развязалась, я тут же свободной рукой зажала рану на ноге, закусив губу от боли. Открыла глаза, голова кружилась, но я смогла присесть, всё ещё не отпуская руки, и посмотрела вперёд. Фартовый теперь целился в Глеба, а он просто стоял, опустив руки. У меня прояснилось в голове, и тут я услышала слова Михаила Олеговича:

— ... тогда умри ты, — я увидела, как он собирается нажать на курок и не отдавая себе отчёта вскочила на ноги, морщась от боли, хромая подлетела к Фартовому.

— Нет! — вскрикнула. Теперь я Глеба не потеряю, если нужно отдать за него жизнь, я отдам! Я встала прямо перед Фартовым. Облокотилась о его плечо своей окровавленной рукой и вместе с ним развернулась, в этот же момент послышался выстрел. Мохаил Олегович стал заваливаться на пол, я смотрела в его глаза, в которых уже не было жизни, и видела пустоту. Совершенно никаких чувств. Из уголка губ Фартового стала вытекать кровь, и я разжала руки, которые сжала на его плечах. Он тут же свалился на пол, а я приложила руку к животу и опустила взгляд. По блузке растекалась кровь. Моя кровь!

Я посмотрела на Глеба, он стоял и смотрел на меня, его рука всё ещё была вытянута вперёд с пистолетом. Они выстрелили одновременно! Глеб в Фартового, а Фартовый в меня. Я ведь встала прямо напротив пистолета, а ведь даже и не почувствовала боли сначала! Главное было, спасти его!

Перед глазами стало расплываться, я услышала крик, будто издалека и стала падать, но меня бережно подхватили под руку.

— Так Тина осторожно! — услышала голос Глеба, и открыла глаза. Я чувствовала невероятную боль, но она не могла сравниться с той болью, которая плескалась в глазах Глеба. Я прикоснулась своей рукой к его щеке и запачкала её кровью. У него в глазах стояли слёзы, так же как и у меня. Неужели это конец? Для нас? Для меня? — Тина, послушай меня. Я сейчас возьму тебя на руки, только расслабься. Просто дыши, слушишь? Расслабься!

Я глубоко задышала, хотя не видела смысла в этом. Уже совершенно ничего не чувствовала, только боль которая разрывала моё сердце, моё тело! Закинула одну руку Глебу на шею и расслабилась, тут же почувствовав, как он меня поднял. Я вскрикнула от боли и напряглась, тут же почувствовав ещё большую боль! Это было подобно огню, он сжигал всё изнутри!

— Тише, тише моя девочка. Потерпи немного, — я уткнулась Глебу в грудь, вдыхая такой родной запах. Глеб ненадолго остановился, я почувствовала его руку на своей, он облокотил меня о своё калено и свободной рукой взял мою и приложил к животу. — Зажми, Золотко, крепче.

Потом он снова взял меня на руки и куда-то понёс. Я зажимала рану, но не очень сильно. Силы меня покидали, я чувствовала, что это конец. Что я не выкарабкаюсь из этого. Но я не жалею о том, что сделала, если бы можно было вернуться назад, я поступила бы точно так же! Не задумываясь, подставилась бы под пулю, ради него!

Тут я услышала звук разблокировки машины, и Глеб остановился, потом послушался звук открываемой двери и вот меня осторожно положили на кожаное сидение. Я открыла глаза, всё расплывалось из-за слёз. Глеб убрал мою руки и что-то приложил, а потом сверху накрыл это место моей рукой, и я почувствовала какую-то ткань.

— Прижми и не отпускай. Всё будет хорошо, слышишь? Осталось совсем немного потерпеть, Солнце, совсем немного! — он говорил тихо, будто пытаюсь убедить в этом себя, а не меня. Я снова закрыла глаза и облокотившись на сидение максимально расслабилась, зажимая рану тряпкой, так как могла.

Глеб захлопнул дверь и пошёл к водительскому месту. Я слышала, как он садился, как заводил машину, слышала, как она тронулась с места. Я почувствовала, как меня затягивает в пучину, куда-то далеко и вдруг испугалась темноты. Распахнула глаза и тихим-тихим, охрипшим голосом сказала:

— Глеб... — тут же закашлялась от боли. — Глеб я...

— Тише, Золотко, тебе нельзя говорить! Не сейчас! — он был сосредоточен на дороге,

но сжимал руль так, что костяшки пальцев побелели, а кожаная обшивка руля, под его пальцами скрипела.

Машина ехала на бешеной скорости, я не смотрела в окно, потому что у меня сразу же начинала кружиться голова. Я поняла, что сейчас должна это сказать, иначе больше никогда в жизни не смогу произнести эти слова. Я закрыла глаза, уже смирившись со всем, что меня ждет, и расслабила руку, которой зажимала рану.

— Глеб, я люблю тебя... — сквозь слёзы сказала, и чуть громче повторила. — Я люблю тебя!

Открыла глаза и посмотрела в зеркало, оттуда на меня смотрели глаза Глеба, полные слёз.

— Только не закрывай глаза, Золотко, слышишь? Держись! Ты сильная!

— Прости, — прошептала я, помотав головой, и зажмурилась, задышав ещё глубже. — Прости.

— Не вздумай сдаваться, чёрт возьми! — рыкнул Глеб, а я снова что-то прошептала, провалилась во тьму.

Эпилог.

На пределе пульс не остановлюсь

Я от такой любви сейчас взорвусь

Тает лед и вот курок на взвод

На вылет в сердце поцелуем бьет

Сойти с ума, умереть всего на пару часов

Но умереть от счастья, а не от пули в висок

Взлететь и вновь разбиться,

в реальность возводиться и потерять твое биение сердца

Сойти с ума, умереть всего на пару часов

Пусть утекает время, как между пальцев песок

Заснуть и вновь проснуться,

рукою прикоснуться и потерять твое биение сердца

(слова из песни Сергея Лазарева — Биение сердца)

Боже, как же я ненавижу просыпаться по утрам от надоедливой трели будильника! У вас было такое? У меня постоянно! Когда я училась, теперь, когда работаю! Это ужас!

«Да, Тинка, докатилась!», — выговаривал мне внутренний голос, пока я морщилась от противного звука. Мне захотелось прямо, как в детстве взять подушку накрыть голову и проспать ещё пять минут! Или ещё лучше! Запульнуть этой самой подушкой в этот самый будильник.

Всё ещё не открывая глаз, потянулась к тумбочке, где обычно лежал телефон, и тут же почувствовала невероятно режущую боль внизу живота. Откинулась на мягкую подушку и застонала от боли, резко распахнула глаза, но тут, же зажмурилась от яркого солнца. Попыталась привстать, но оставила эту идею, потому что боль была просто невыносимой! Как будто меня пронзают миллиарды иголок! Закрылась рукой от солнца и открыла глаза быстро, моргая. Всё расплывалось, и в первый момент я не совсем хорошо понимала, где нахожусь. Перед собой увидела идеально белый потолок, когда глаза привыкли к яркому свету я, наконец, смогла осмотреться. Надоедливый писк не прекращался, и я раздражённо обернулась в сторону звука и тут же вздрогнула. Это был какой-то аппарат, от которого отходили проводки. Я нахмурилась. В моей комнате, такого точно нет. Растеряно отвела

взгляд и осмотрела комнату — это больничная палата. К моей правой руке был прикреплен, какой-то прибор, от которого отходил проводок к этому самому пищащему аппарату. Мне захотелось сорвать эту штуку, но вдруг, будто в голову что-то ударило. Воспоминания стали накатывать, волнами! Выстрел! В меня стреляли! Глеб жив! Он... он пытался спасти меня! Я... я умирала, я же умирала!.. Я была готова умереть! А как же?.. А?.. А ребенок?! Мой ребёнок?! Что произошло?

Не обращая никакого внимания на жуткую боль, я присела и собиралась уже вскочить с постели, но тут голова закружилась, прибор стал пищать громче. Я схватилась за голову, из глаз брызнули слёзы отчаяния, до меня донёсся звук хлопка, и я тут же почувствовала, руки на своих плечах.

— Тина Андреевна, успокойтесь, всё хорошо! — сквозь пелену боли до меня доносился мелодичный и очень встревоженный девичий голосок. — Ложитесь-ложитесь, вам сейчас противопоказано двигаться, — я сдалась под тяжестью рук девушки, и накатившей на меня депрессии, и опустилась на подушку, пытаюсь дышать ровно, чтобы боль немного отпустила. — Хорошо, очень хорошо, — я открыла глаза и вытерла слёзы, всё ещё продолжая молчать. Девчонка была молодой, в больничном халате, сейчас девушка звонила по телефону. — Анна Александровна, извините, что беспокою, но пациентка Серебрянская пришла в себя, — девушка улыбнулась и отключилась, переведя взгляд на меня. — Тина Андреевна, пожалуйста, не двигайтесь, сейчас придёт ваш лечащий врач, и она вам всё-всё объяснит.

Я кивнула и закрыла глаза. Девушка, судя по звукам, покинула меня. Палата была одиночной, поэтому я могу спокойно придаваться своим не очень хорошим мыслям. Что со мной случилось? Столько мыслей и все неутешительные. Я осталась жива, но какой ценой? А, правда, какой? Думать об этом не хотелось, но мысли так и лезли в голову, разламывая её на части. Чтобы отвлечься от печальных размышлений я откинула одеяло в сторону. На мне был белый топ и спортивные штаны. На тугую повязку, что обматывала живот, смотреть не хотелось, поэтому снова закрылась и легла, прикрыв глаза.

Дверь снова распахнулась, и я посмотрела на вновь пребывавшего. Это оказалась девушка, может, немного старше, той, что ушла. Тоже в белом халате, с той только разницей, что у этой девушки он был расстегнут. На ней была чисто белая футболка и сини джинсы, на ногах чёрные балетки. Я посмотрела на её лицо, девушка как раз подошла близко. Личико у неё было ангельское, чистое, как у ребёнка. Идеальные черты, большие голубые глаза, слегка пухлые губки. Русые волосы были собраны в высокий хвост. За всей этой её ангельской внешностью была видна невероятная сила духа, то с какой уверенностью она смотрела на мир, то, как была выпрямлена её спина, всё буквально кричало о том, что девушка много повидала в жизни. На бейджике значилось: «Анна Александровна».

— Здравствуйте, Тина Андреевна. Как вы себя чувствуете? — спросила она у меня, смотря показатели на экране приборов. Изучив, всё, что ей нужно было, она удовлетворённо кивнула и повернулась вновь ко мне, подойдя к постели ближе. — Вы помните, что с вами случилось?

— Да, помню, — голос был ужасно охрипшим и напоминал больше шепот, чем членораздельную речь.

Девушка вдруг улыбнулась и протянула мне руку.

— Аня, — представилась она и продолжила, когда я пожала её ладошку. — Не волнуйтесь. Я наблюдала за вашим состоянием всё это время и могу сказать, что вы

полностью восстановились после такого ранения.

— Что с моим ребёнком? — я зажмурилась сразу же как задала этот вопрос, и сжала кулаки, боясь услышать ответ.

— Всё хорошо, — она села рядом с постелью и взяла мою руку в свою. Я тут же расслабилась и посмотрела Анне прямо в глаза. — С ребёнком всё в порядке, — она улыбнулась, а я растерялась. — Срок маленький и пуля не задела плод, попав чуть ниже. Вас доставили к нам в критическом состоянии, вы потеряли много крови. Операцию было делать рискованно, мы могли потерять и вас и ребёнка. Нужно было срочное переливание. У вас очень редкая группа крови — четвёртая. У нас очень современная клиника, но такого количества крови, которое требовалось, даже у нас нет, мы могли вас потерять. Но нам очень повезло, у вашего молодого человека та же группа крови, что и у вас. Операция по удалению инородного тела проведена была успешно, но из-за вашего положения, организм, видимо, включил защитную реакцию и вы впали в кому.

— Что?! — я ошарашено уставилась на девушку и закашлялась. — Сколько же я здесь уже нахожусь?

— Неделю, — пожалала она плечами. — Сначала мы были не уверены, что вы вообще придёте в себя, но Глеб Витальевич, был в этом уверен. Вам очень повезло Тина Андреевна, можно, сказать вы в рубашке родились. Не каждый бы выжил после такого ранения, — она поднялась и положила руки в карманы халата. — Я позову вашу подругу.

Я откинулась на подушку и вздохнула с облегчением.

«Мой ребёнок жив», — с улыбкой на губах подумала я и положила руку на живот. Это просто чудо! Самое настоящее чудо! О таком я и мечтать не могла! Господь подарил мне такой чудесный подарок, он сохранил жизнь мне и нашему с Глебом малышу. Вознаградил нас за все страдания.

— Тина! — услышала я взволнованный голос подружки и вздрогнула. Так погрузилась в свои мысли, что даже не услышала, как дверь открылась. — Господи, Тина!

— Только давай ты не будешь разводить мокроту хорошо? — я присела, облокотившись о подушку, морщась от боли и открыла глаза. Тело ужасно ломило, но я старалась не обращать на это внимание.

Ирка тут же подошла, подлетела к моей постели со слезами на глазах. Она смотрела на меня, будто не веря, что это я.

— Тинка, жива! — она кинулась мне на шею с объятиями, отчего я вскрикнула от боли. — Ой, прости-прости, пожалуйста! Тиночка, я не хотела, извини! Просто... я просто мы думали, что ты...

— Так, Ир, не тараторь! — засмеялась я, и легла в прошлое положение. Ранение всё же давало о себе знать, а сейчас мне нужно заботиться о себе, как никогда. — У меня голова кругом идёт.

— Прости-прости, — она отстранилась от меня и села на стул рядом, сграбастав мои руки. — Господи, Тинка, какие у тебя холодные ладони! — у неё в глазах стояли слёзы. — Тинка я... просто не могу поверить ты...

— Ир, успокойся, — у меня у самой в глазах защипало, ведь я только сейчас поняла, что чуть не умерла.

А ведь там в машине я совершенно не осознавала, что возможно это был мой последний вздох, последний взгляд, последнее слово... Совершенно не осознавала, что могу больше никогда не увидеть, не коснуться Глеба, не ощутить его присутствие рядом. Я отчаялась и

стыдно признаться, сдалась! Я ведь действительно сдалась тогда. Я так устала от всего, что была готова... Господи, да как я могла? По щекам катились слёзы, руки дрожали, писк усиливался, и голову стало разламывать от боли.

— Прости меня, Тинуль, — всхлипнула Ирка и положила руку мне на плечо. — Тише-тише... Всё хорошо, извини меня. Просто мы все были на взводе всю неделю. Твоё состояние было стабильное, но шансы, что ты очнешься, были мизерными. Глеб не отходил от твоей постели ни на шаг. Мы поочерёдно дежурили, его домой отправляли, только сегодня получилось его выпроводить, а ведь он не хотел уезжать, чувствовал, что ты очнёшься, — она снова всхлипнула, руки её дрожали, но она пыталась успокоиться и у неё это почти получилось. Но тут в палату вошла Аня.

— Так, — её голос был грозным, что совершенно не вязалось с её образом чистого Ангела. — Так и, что это вы тут развели? Я не поняла! Ирина Александровна! Я понимаешь ли, позволила ей войти в палату к пациентке, которая только-только вышла из комы, а ты мне её уже приводишь в нестабильное состояние! — девушка упёрла руки в бока и подошла к нам. — Так, Ириш, я пустила тебя только по старой дружбе, а теперь брысь из палаты! Тине Андреевне нужно отдыхать. Сейчас я вколю ей лекарство, а ты иди звони её родителям и благоверному, а то они и так с ума сходят.

Я через силу засмеялась. Просто Анино выражение лица и её грозный тон, ну вот выглядели совершенно нелепо, не грозно, а скорее дико. А её слово «благоверный», приятно согрело душу. Я бы хотела видеть Глеба в роли своего супруга.

Аня подошла ко мне и лёгким движением своей маленькой ручки вколола мне какой-то препарат. Ирка быстро ретировалась, попутно доставая телефон и вытирая слёзы. Мне вдруг стало так легко и воздушно, я закрыла глаза и почувствовала, как меня уносит в царство Морфея.

Проснулась я всё от того же надоедливого пищания. Приоткрыла глаза. За окном была глубокая ночь, палату освещало приглушенный свет от бра на стене. Я ещё не совсем проснулась, но явно чувствовала себя отдохнувшей и вполне бодрой. По инерции хотела повернуться на другой бок, но тут, же сжала зубы.

«Господи, как больно!»- простонала я, сжала руки и тут же поняла, что мою ладошку, что-то удерживает. Растерянно распахнула глаза и улыбнулась. В груди потеплело и все переживания, вся боль отошли на задний план. Рядом с моей постелью сидел Глеб, он спал, опустив голову рядом с моей рукой, которую нежно, но крепко сжимал своими руками.

Он держал мою руку так трепетно, будто боясь, что я вдруг исчезну, растворюсь, как будто меня и не было. Я осторожно, чтобы не разбудить сжала его руку, на глаза навернулись слёзы. Я испытывала точно такие же чувства. Боюсь его потерять, снова испытать те эмоции, как тогда на кладбище. Весь мой мир в одночасье рухнул! Не там, на кладбище, а в тот самый момент, когда прогремел взрыв. Это был звук, с каким разбилось моё сердце! На миллиарды осколков, я думала никогда не смогу собрать его снова, постепенно, по кусочкам. А этого и не понадобилось, когда я поняла, что Глеб жив и вот сейчас он спит рядом со мной. Такой родной, такой любимый, мой!

Живой и здоровый, чего уж нельзя сказать обо мне. Но я не жалею! Ни о чём! Главное, чтобы он был жив и рядом! В порыве нахлынувших на меня чувств, я протянула вторую руку к Глебу и стала гладить его по голове, перебирая пальцами его мягкие волосы. Глеб тут же среагировал, а я поспешно стала вытирать слёзы и зажмурилась от неприятного писка, который бил прямо по моей нервной системе.

Ещё немного и я разнесу эту чёртову штуку!

— Привет, Золотко, — услышала я такой родной, хриплый после сна голос и распахнула глаза.

— Глеб, — всё, больше не могу! Слезы снова стали застилать глаза и я не пыталась бороться с ними. Впервые за долгое время, это были не слёзы боли и отчаяния, а слёзы счастья и долгожданного облегчения. Сейчас я верю в своё светлое будущее как никогда! Все беды позади, все страдания, всё позади! — Глеб я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, Тиночка! — он взял мои руки в свои и стал их целовать и у него на глазах были слёзы. — Я больше никогда тебя не оставлю, слышишь, Золотко? Никогда!

— Я знаю, — кивнула я, когда он обнял меня. Осторожно, чтобы не навредить, не причинять боли. — Господи, неужели это всё закончилось?! — в его объятиях так тепло и уютно, что я сразу расслабилась в его руках. Глеб опустился на колени рядом с постелью, сжимая мои руки.

— Всё, закончилось, Золотко, всё! Тинуль, тебе нужно отдыхать, попробуй уснуть, — он провёл рукой по моей щеке и улыбнулся, в глазах его была забота, но и сожаление.

Глеб переживал, волновался за меня! Нет, не просто переживал, он винил себя в случившемся со мной! Но виноват не он, виновата я! В том, что случилось, во всём! Я слишком много возомнила о себе, если думала, что смогу тягаться с Фартовым. Если бы я сидела тихо и не высовывалась, всё было бы по-другому, так что вина есть на нас обоих, но главное, что вместе мы всё преодолеем.

— Глеб со мной всё в порядке, правда, — я слегка приподнялась, и коснулась рукой его щеки, которую покрывала небольшая щетина. — Главное, будь рядом.

— Я всегда буду с тобой, любимая. И никогда не оставлю, — Глеб приблизился и наклонившись ко мне нежно поцеловал.

Это было самое лучшее, что он мог сделать в эту минуту. Как же я скучала по нему, как же я счастлива снова оказаться близко к нему, чувствовать вкус его губ, его близость! Так приятно уже точно, увидеть, ощутить, почувствовать, что он на самом деле жив! Испытать эти живые эмоции, такие настоящие, такие яркие, лёгкие, нежные и настолько нужные мне сейчас. Глеб с улыбкой отстранился и заправил прядь волос мне за ухо.

— Поспи, Золотко, — он поднялся, но уходить не спешил. — Я буду здесь.

Меня и, правда, стало клонить в сон, но мне не хотелось, снова впадать в беспамятство, поэтому я спросила, первое, что пришло в мою больную голову:

— Как ты узнал, где меня искать, Глеб? — он тяжело вздохнул и потёр переносицу. Только сейчас я заметила усталость на его лице. Он раздумывал над чем-то несколько секунд, но видимо решив, что я достаточно пришла в себя, все же ответил.

— Ден сказал, что ты у Фартового в офисе, — я признаться честно растерялась немного от такого известия.

— Что? — бестолково переспросила я, но уже вовсю улыбалась.

Он сдержал обещание. Хоть так, но помог! Иначе Глеб не узнал бы где я, а для безопасности меня и ребёнка, он сделал бы для Фартового всё, что угодно!

— Ден, сказал. Правда его лицу пришлось встретиться с моим кулаком и не один раз, — Глеб улыбнулся, а я засмеялась. Денис знал, что рискует и он знал, что Глебу уже было известно о том, что он предатель, но он всё равно пошёл к нему. Что бы спасти меня, ведь он знал, что задумал его дядя.

— Он хоть жив? — с озорным прищуром спросила я.

— Живее всех живых, — усмехнулся Глеб, заметно, расслабившись. Не похоже, что он злится. — И, даже, помог разобраться со всеми трудностями.

— Трудностями? — нахмурилась я. Глеб пожал плечами и подошел, коснувшись своей рукой моей щеки.

— С бизнесом его дяди, — тут же нахмурился он. Поворот разговора ему явно не нравился, но оставлять меня в неведение, он не будет. — Представляешь, оказывается Фартовый всё Дену завещал. Теперь вся империя Миши Фартового под его подчинением.

— А ваши отношения? — быстро спросила я, чтобы Глеб не успел перевести тему.

— Всё как всегда, с одним только отличием, теперь я ему не доверяю. Не считаю его врагом, потому, что он помог тебе, но после того, что он вообще сделал, я никогда не смогу его простить и довериться. Он ничего не рассказал, зато всегда был рядом, воспользовался моим доверием и предал. Если бы не ты, он бы ответил за своё предательство, — взгляд Глеба стал таким же холодным, как и голос. Тот самый голос, от которого хочется забиться в угол и не высовываться. Я поёжилась, от Глеба это не укрылось, взгляд его смягчился, и голос был пропитан нежностью. — Отдыхай, Золотко. Теперь вы в безопасности, — он улыбнулся, такой искренней улыбкой, какая принадлежала только мне, и положил руку мне на живот. — Теперь всё будет хорошо.

Моё лицо снова светилось от счастья, а в голове не было ни одной плохой мысли, и я быстро заснула. Возможно, это всё действие препаратов, но сон мой был крепким и спокойным. Я чувствовала тепло возле себя и знала, что Глеб рядом.

В следующий раз я проснулась от того, что в глаза било солнце. Что удивило, к писку аппарата я успела привыкнуть, и он не тревожил мой сон. На губах сияла улыбка, и я раскрыла глаза, блаженно щурясь от солнца, которое даже через окно нежно согревало кожу. Господи, как же мне хочется выйти отсюда, на улицу, погулять, ощутить мягкое прикосновение ветра к своей коже. Я привыкла к яркому свету и открыла глаза, у окна стоял...

— Ден? — он тут же обернулся. Всё такой же: красивый, уверенный в себе, бодрый, только вот лицо его было задумчивым и хмурым, что к слову его совсем не портило.

— Привет, Куколка, — он приблизился.

Я его не боялась. Не из-за того, что он тогда в доме ничего мне не сделал, а из-за того, что видела в его глазах раскаяние и сожаление. Я знала, что он не причинит мне вреда. Только не мне! Об этом говорил его взгляд, и я вдруг испугалась этого, как оказалось совершенно напрасно. Даже, если и были у него ко мне чувства, то он их удачно скрывал. Не знаю, почему, но он явно не так плох, как мне казалось. Каким бы грозным не был его вид, у него чистая душа.

— Привет, — улыбнулась я. — А... — я закусил губу. — А где Глеб?

Денис тут же усмехнулся и подошёл ближе.

— Уехал по делам. Он не может находиться здесь двадцать четыре часа в сутки, — в его глазах тут же заплясали озорные искорки. — Хотя ещё два дня назад его это не волновало, — Я закрыла глаза и засмеялась, когда в следующий раз посмотрела на Дена, он был серьёзен. — Как ты себя чувствуешь? — хм, думала, он не задаст этот вопрос.

— Отлично, — я подмигнула ему и сказала: - Спасибо тебе.

— Ты не должна меня благодарить, Куколка, — тут же нахмурился он. — После всего ты должна меня проклинать.

— Я знаю, — я тоже стала серьёзной. — Но не могу. Я, знаю, что ты не такой как он, и

что тебе всё это было противно. Поэтому я спрошу: почему ты был с ним заодно?

С кем с «ним», он понял сразу и отвёл от меня глаза.

— Я был многим ему обязан. Если бы не дядя меня бы и в живых не было. Раньше, он был не таким, Тина. Раньше человеческая жизнь, многое значила для него. Таким я его знал, но потом он изменился. Что послужило толчком к этому, я не знаю, но он изменился и мне это очень не нравилось. А, когда он тебя решил во всё это втянуть, я не думал, что он собирается тебя убить, — он своей рукой сжал мою руку и посмотрел прямо мне в глаза, в них полыхал огонь: дикий, разрушительный. — То, что он сделал с вами, я ему не прощу. И если бы я был там, то убил бы его без промедления. Лишь бы ты была жива, — я задержала дыхание, испугавшись. — Без тебя он бы сломался. После смерти его сестры, он был, как загнанный в ловушку волк. Если бы я только знал, что убил Лизу, дядя, я бы уже тогда его придушил. И если бы Глеб потерял ещё и тебя, он бы этого не пережил. Хоть я и предал его, но наша дружба всегда была важна для меня, — он покачал головой, видимо, решив, что это звучит глупо или нелепо и закрыл глаза, тяжело, вздохнув. Я сжала его руку.

— Ты не виноват, Ден, — сказала я тихо. — Семью не выбирают, и у тебя не было выбора. Ты был обязан Фартовому жизнью, а это всё меняет.

Денис улыбнулся мне, но в глазах его по прежнему была печаль. Только пока он сам не осознает всё, он будет терзаться. Винить себя, как и Глеб.

Хм, мальчишки, такие мальчишки.

Я улыбнулась: когда-нибудь, они поймут.

Две недели спустя.

Я стояла, подставив лицо летнему бризу, и не могла поверить, что я это делаю. Я Тина Серебрянская, стою на кладбище и как чёртова мазохистка смотрю на могилу Глеба, в которой его никогда не было.

Зачем я приехала сюда? Что пытаюсь доказать себе? Не знаю! Почему я постоянно вспоминаю тот день? День похорон преследует меня во снах. Хотя нет, это не сны, это кошмары! Никак не могу от них избавиться! То происшествие, нанесло серьёзный урон моей психике, а моя проницательная подружка распознала моё состояние, лишь бросив один взгляд. Ирка, будто знает, каково это мучится, от кошмаров прошлого. Она и посоветовала мне приехать сюда. Только вот не сказала зачем. Просто проронила: «ты сама поймёшь, только съезди. Поверь, тебе станет легче»

И вот сейчас я с лёгкой Иркиной руки, смотрю на могилу с именем моего любимого, на цветы, которые уже потеряли свой цвет, завяли и засохли. Я опустилась на колени и провела по ним рукой, поёжившись от холода, что царил в этой мёртвой тишине. Взяла в руку лепесток и поднялась пристально его, разглядывая, и тут мне стало ясно, зачем Ирка меня сюда отправила. Эти кошмары мучают меня, потому что я сама это провоцирую своими воспоминаниями. Я сжала лепесток в руке и почувствовала, как он раскрылся в моей ладони. Это всё прошло, больше ничего не будет. Это всё прошло! Все наши страдания, беды! Теперь мне осталось оставить прошлое в прошлом и жить дальше, строить свою жизнь, так, как мне хочется! Больше никаких кошмаров, никакого прошлого, никакой боли, никаких мучений! Я Тина Серебрянская! И теперь всё у меня наладится. Я раскрыла ладонь и ветер тут же подхватил пыль лепесточка, от когда-то свежей розы и стал уносить его прочь.

«Прощай прошлое! — улыбнулась я, почувствовав такую долгожданную лёгкость, будто камень с плеч свалился. — Да, здравствует будущее!»

Этот поход на кладбище, произвёл на меня очень сильное впечатление! Я отключила телефон, и бродила по городу, разглядывая такие родные, и знакомые улицы. Только совсем недавно меня выписали из клиники и всё это время я жила у Глеба. Он не оставлял меня ни на минуту. Боялся, что я ещё не совсем оправилась от ранения и вот только сегодня мне удалось убедить его, что я уже полностью восстановилась и чувствую себя прекрасно. Мне нужно было время, прийти в себя, обдумать всё. Мой мир рухнул, и сейчас я строю его заново, и мне это нравится. Жизнь заиграла новыми красками, и теперь я не буду оборачиваться назад. Буду идти только вперёд!

Я пришла к дому Глеба уже когда на улице было темно. Подошла к калитке, справа от ворот и поняла, что она заперта. Ввела код и она открылась, я вошла на территорию особняка. Ни в одном окне свет не горел. Я кинула взгляд на руку, где были часы. Сейчас только девять часов, неужели Глеб уже спит? Или его нет дома? Тогда, где же он? Я быстро поднялась на крыльцо, распахнула двустворчатую дверь и вошла в холл. В доме была полная тишина, это настораживало. В груди вдруг поднялась волна страха.

— Глеб, — прошептала я вдруг охрипшим голосом, тут же ругая себя за это, откашлялась и уже громче позвала: - Глеб!

Ответа не последовало. Прошла дальше по тёмному коридору и тут услышала за закрытой дверью гостинной прекрасные переливания нежной мелодии. Подошла к двери и прислушалась, действительно музыка. Из-под двери пробивался свет, и я её распахнула, как только она открылась, вздохнула. Повсюду стояли свечи, и висели мои фотографии. Я, как замороженная прошла в комнату и стала их рассматривать. Здесь были мои фотографии, даже, те, о которых я и не подозревала никогда. На глаза навернулись слёзы, когда я увидела наше с Глебом фото. Его сделала мама, когда мы все вместе проводили время, после моей выписки. Это был самый счастливый день в моей жизни. Я провела по фотографии рукой. Глеб обнимал меня со спины, положив свой подбородок мне на плечо, а я со счастливой улыбкой облокотилась на его грудь. У нас обоих горели глаза. В них было пламя! Любви, нежности, поддержки. Самые светлые и чистые чувства.

Я вздрогнула, когда меня обняли со спины. Так погрузилась в воспоминания, что даже не почувствовала присутствие Глеба рядом. Я так же облокотилась ему на грудь спиной, чувствуя, как его руки легли на мой живот, нежно поглаживая, от чего по телу прошла дрожь. Я положила свои руки поверх его рук и зажмурилась с дуратской улыбкой на губах.

— Золотко, ещё раз отключишь телефон, пеняй на себя, — я засмеялась, вспомнив сразу момент, когда я пробовала сбежать из этого дома и поранила ногу. Как же давно это было.

— Вот ты не мог промолчать и испортил всю сказочность момента, — в тот раз я смогла удержаться от комментария, в этот же не получилось. Глеб засмеялся, опаяя мою шею своим горячим дыханием.

Он стал нежно покрывать поцелуями шею

— Ты заставила нас всех понервничать, — прошептал он, слегка покусывая мою кожу, отчего мне стало щекотно. — А меня особенно.

— Прости, — прошептала я и развернулась в его объятьях. В глазах его было столько любви и нежности, прямо так умирительно. Я обвила шею Глеба руками и прикинула к его губам, блаженно закрыв глаза, наслаждаясь ощущениями. Руки на моей талии тут же прижали меня сильнее к крепкому телу, я углубила поцелуй, вкладывая в него все свои чувства. Руки Глеба стали путешествовать по моему телу, даже, сквозь ткань блузки я чувствовала их жар. Его прикосновения заставляли гореть, растворяясь в ощущениях, в нём.

Он касался меня так бережно и нежно, что сердце каждый раз совершало невероятный скачок. Я застонала ему в губы и, уперев руки ему в грудь, отстранилась. В глазах его пылало желание, такое же, как и у меня. Я хитро улыбнулась. Плутовка, что живёт во мне, возликовала, и я отошла от него.

— Пстой, Глеб, я знаю, чем всё это закончится, — я с улыбкой отвернулась снова к фотографиям. Меня тут же схватили за руку и притянули к крепкому телу, от чего я вскрикнула и упёрлась ладошками в его грудь, подняла голову и встретилась с глазами Глеба, в которых уже не было прежнего желания, а только любовь и озорные огоньки.

— Правда? — поднял он бровь. — Просвети. Я-то не в курсе.

Я залиvisto засмеялась и оставив легкий поцелуй на его щеке снова вывернулась из его рук. Дразнить его, играть с ним, моё самое любимое занятие. Но, не только мне это нравится. Мы не можем, друг без друга, мы задыхаемся, без нашей любви, без того, огня, что полыхает в наших душах.

— А ты угадай, — улыбнулась я, всё ещё не оборачиваясь к нему.

— Попробую, — усмехнулся он. Я слышала, что он отошёл от меня, было интересно, что же он задумал, но проигрывать и оборачиваться я не собираюсь. — Золотко, — позвал он. Голос его изменился, и я медленно повернулась. Глеб с улыбкой посмотрел на меня и вдруг стал опускаться на одно колено.

«Не-а, этого не может быть!»- говорил внутренний голос, а я не могла отвести взгляда от такого родного лица, от таких родных карих глаз в которых я постоянно утопаю. Я перевела взгляд на руки Глеба, он держал бархатную коробочку, и наблюдая за моей реакцией, медленно её открыл.

— Ты выйдешь за меня, Тина Серебрянская? — на глаза навернулись слёзы счастья, и я закрыла рот рукой, чтобы не запищать от восторга, хотя так и хотелось. — Готова ли ты связать свою жизнь с таким, как я?

Тут я не выдержала, разревелась и опустившись перед Глебом на колени, обняла его, от чего он засмеялся и вместе со мной завалился на пол, переворачивая меня на спину и нависая сверху.

— Это значит да? — хитро спросил он, хотя уже видел ответ в моих глазах.

— Да! — воскликнула я, почувствовав нежное прикосновение к своей руке, посмотрела и увидела, как на пальце блестит кольцо с маленьким бриллиантом. Я покачала головой и обняла Глеба, притягивая его к себе и целуя.

— Теперь ты от меня не отделаешься, Серебрянская, — хрипло сказал он отстраняясь. Я закусила губу.

— Это мы ещё посмотрим, кто от кого отделаться захочет, Лаврентьев! — я засмеялась и оттолкнула Глеба, так, что теперь он лежал на ворсистом ковре, а я сидела сверху.

— Никогда, не захочу, любовь моя! — сказал он, а я снова приникла к его губам, чтобы, наконец-то, почувствовать рядом, как можно ближе. Ощутить тепло его тела, его касания, его любовь.

Ведь я не его собственность. Я его судьба!

Больше книг на сайте - Knigoed.net